

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 25. № 3

2026

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 25. No. 3

2026

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПН № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПН № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12 2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2026
Том 25. № 3

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2026
Volume 25. No. 3

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2026. Vol. 25. No. 3

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)
Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)
Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)
Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)
Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)
Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);
Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);
Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);
Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);
Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);
Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);
Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);
Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);
Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);
Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);
Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);
Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);
Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);
Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);
Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);
Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk);
Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);
Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);
Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);
Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);
Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);
PhD, Assoc. Prof. *K. Yan* (Zhuhai, China)

Editors, Proofreaders: *M.V. Gayval, I.V. Smetanina*
Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*
Making up and technical editing by *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing on July 15, 2026.
Date of publication: Sept. 29, 2026. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 14.8. Published pages 15.9.
Number of copies 500 (1st printing 1–28 copies).
Order 72. «C» 19.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>
English version of the website:
<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2026. Т. 25. № 3

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводиц* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *К. Янь* (г. Чжухай, Китай)

Редакторы, корректоры: *М.В. Гайваль, И.В. Сметанина*
Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование
Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 15.07 2026 г.

Дата выхода в свет: 29.09 2026 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 14,8.

Уч.-изд. л. 15,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).

Заказ 72. «С» 19.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Милованова М.В. Феномен глубинки
в текстах русской художественной
и нехудожественной литературы 5
- Акимова Э.Н., Мочалова Т.И. Наименования
земельных участков в русских говорах
на территории Республики Мордовия 18
- Леонтьева Т.В. Аксиологическая разметка текста
как методология исследования (на примере изучения
ценностного профиля молодежных блогов) 29

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Митягина В.А., Новожилова А.А. Прототип
в нейросетевом переводе презентационного текста:
алгоритмизация оригинала [На англ. яз.] 47
- Бредихин С.Н., Марченко Т.В., Пелевина Н.А.
Деконструкция в комментативных субжанрах
как базовый когнитовербальный механизм
некооперативной реакции
на фейковые посты [На англ. яз.] 58
- Ахметзянова П.А., Тахтарова С.С.
Исследование коммуникативного смягчения:
матрица митигативных средств, двухэтапный анализ
и создание этнокультурного профиля [На англ. яз.] ... 68
- Го Индун. Намек и его персуазивность
в дипломатическом дискурсе [На англ. яз.] 82

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Вишнякова Н.М. Соматический код топоса:
специфика реализации метафорической модели
<пространство ↔ тело>
в современных русских поэтических текстах 95
- Щукина Д.А., Антонов Д.А. Современный
интернет-текст в профессиональном
геологическом интернет-дискурсе 106
- Игнатенко В.А., Дудченко О.С. Коммуникативная
категория «извинение»
в русскоязычном юридическом дискурсе 116
- Трофимова С.М., Борлыкова Б.Х., Кекеева Т.М.
Научное наследие профессора Д.А. Сусеевой и его
значение для современной лингвистики 127

ДИСКУССИИ

- Аль-Баяти Я.С. Искусственный интеллект
и английский язык: влияние генеративных моделей
на дискурсивные практики, стиль
и языковую компетенцию [На англ. яз.] 137
- Волкова И.Д. Прагматическая адаптация
презентационного текста в чат-боте
на основе искусственного интеллекта:
итеративный подход [На англ. яз.] 148

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Milovanova M.V. The Phenomenon of “Glubinka”
in Russian Fiction
and Non-Fiction Texts 5
- Akimova E.N., Mochalova T.I.
Names of Land Plots in Russian Dialects
on the Territory of the Republic of Mordovia 18
- Leontyeva T.V. Axiological Text Annotation
as a Research Methodology
(A Case Study of the Value Profile of Youth Blogs) ... 29

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Mityagina V.A., Novozhilova A.A. Prototype
in Neural Machine Translation of Promotional Texts:
Algorithmization of the Source Text 47
- Bredikhin S.N., Marchenko T.V., Pelevina N.A.
Deconstruction in Commentative Subgenres
as a Basic Cognioverbal Mechanism
of Non-Cooperative Reaction
to Fake Posts 58
- Akhmetzyanova P.A., Takhtarova S.S.
Study of Mitigation: Matrix of Mitigation Means,
Two-Steps Analysis
and Ethnocultural Profile Composing 68
- Guo Yingdong. The Hint and Its Persuasiveness
in Diplomatic Discourse 82

MATERIALS AND REPORTS

- Vishnyakova N.M. Somatic Topos Code:
Specificity of the Metaphorical Model
<Space ↔ Body> Implementation
in Modern Russian Poetic Texts 95
- Shchukina D.A., Antonov D.A.
Contemporary Internet Text
in Professional Geological Internet Discourse 106
- Ignatenko V.A., Dudchenko O.S.
The Communicative Category “Apology”
in Russian Legal Discourse 116
- Trofimova S.M., Borlykova B.Kh., Kekeeva T.M.
The Scientific Heritage of Professor D.A. Suseeva
and Its Significance for Modern Linguistics 127

DISCUSSIONS

- Al-Bayati Y.S. Artificial Intelligence
and the English Language:
The Impact of Generative Models on Written Discourse,
Style, and Linguistic Competence 137
- Volkova I.D. Pragmatic Adaptation
of Promotional Texts
in Artificial Intelligence Chatbots:
An Iterative Approach 148

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.1>

UDC 81'42
LBC 81.055.51

Submitted: 23.12.2025
Accepted: 05.03.2026

THE PHENOMENON OF “GLUBINKA” IN RUSSIAN FICTION AND NON-FICTION TEXTS

Marina V. Milovanova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article examines the objectification of the phenomenon *glubinka* in various texts, both fiction and non-fiction. *Glubinka* is characterized as an image with a complex structure comprised of constitutive (significant) and distinctive (specific) features. The following are distinguished as constitutive features: spatial-territorial characteristics, actional-existential characteristics, attributive-objective characteristics, characteristics of the subject, characteristics of non-centrality. Distinctive features indicate the administrative and geographical affiliation, distance from the conventional center, the subject's way of life in the given territory, its social status, age, multidirectional movement, events, social and material objects, attributes of the subject's way of life, territories, opposition and comparison with the center. Similarities and differences in the representation of the phenomenon of *glubinka* in various texts are identified. Fiction texts record a certain degree of idealization of the hinterland, they portray a static, unchanging character. Evaluative qualifiers are often used as means of objectification. In non-fiction texts, the locational attachment of events and activities is expressed (mainly northern territories and beyond the Urals), as is the forced pendulum movement, not only the opposition to the center, but also the juxtaposition of *glubinka* and the center. The phenomenon of stereotyping is described: stereotypes about *glubinka* are associated with lifestyle, traditions, a specific subject, and nature, in particular, in fiction, stereotypes are largely characterized by ambivalence.

Key words: “glubinka”, image, constitutive features, distinctive features, fiction, non-fiction.

Citation. Milovanova M.V. The Phenomenon of “Glubinka” in Russian Fiction and Non-Fiction Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 3, pp. 5-17. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.1>

УДК 81'42
ББК 81.055.51

Дата поступления статьи: 23.12.2025
Дата принятия статьи: 05.03.2026

ФЕНОМЕН ГЛУБИНКИ В ТЕКСТАХ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И НЕХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Марина Васильевна Милованова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности объективации феномена глубинки на материале текстов художественной и нехудожественной литературы. Глубинка определяется как образ, имеющий сложную структуру, которую составляют конститутивные (значимые) и дистинктивные (конкретизирующие) при-

знаки. В качестве конститутивных признаков выделяются: пространственно-территориальные, акционально-экзистенциальные, атрибутивно-объектные характеристики, а также характеристики субъекта и нецентральности. Дистинктивные признаки указывают на административно-географическую отнесенность, удаленность от условного центра, особенности бытования субъекта на данной территории, его социальный статус, возраст, разнонаправленное перемещение, событийность, социальные и материальные объекты, атрибуты жизненного уклада, территории, противопоставленность и сопоставленность по отношению к центру. Устанавливаются сходства и различия в репрезентации феномена глубинки в различных текстах. В текстах художественной литературы зафиксирована некоторая идеализация глубинки, ее статичность, отсутствие изменений, в качестве частотных средств объективации выявлены оценочные квалификаторы. В текстах нехудожественной литературы находит выражение локационная привязанность событий, деятельности (преимущественно территории северные и за Уралом), вынужденное маятниковое перемещение, не только противопоставленность центру, но и соположенность глубинки центру. Описывается стереотипизация: стереотипы применительно к глубинке связаны с жизненным укладом, традициями, особым субъектом и природой, причем в текстах художественной литературы стереотипы отличаются большей амбивалентностью.

Ключевые слова: глубинка, образ, конститутивные признаки, дистинктивные признаки, художественная литература, нехудожественная литература.

Цитирование. Милованова М. В. Феномен глубинки в текстах русской художественной и нехудожественной литературы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 3. – С. 5–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.1>

Введение

Феномен глубинки представляет интерес для специалистов различных научных направлений в силу ее значимости в социокультурном пространстве страны. Традиционно в отечественной науке глубинка соотносится прежде всего с российским пространством (в других языках, например, английском, немецком и т. д., лексема *глубинка* не имеет прямых эквивалентов), что во многом связано с особенностями расположения внутри страны территорий по отношению к центру.

Единица *глубинка* появилась в лексиконе в советский период. Как отмечает Ю.А. Бельчиков, «характерным для советской эпохи стало образование новых слов в результате соединения или объединения литературно-книжных и разговорных (в частности, народно-разговорных) элементов... См., например: *беспризорник*, *боевитость*, *глубинка*, *терибильщик*, *юнгштурмовка*, *стиляга*» [Бельчиков, 1965, с. 4]. В Национальном корпусе русского языка самые ранние примеры с единицей *глубинка* датируются 1927 годом. Однако, несмотря на достаточно длительный период существования данного понятия, до сих пор нет четких критериев его определения применительно к территории и пространству, которое оно обозначает.

Толковые словари русского языка дают представления о глубинке прежде всего с точ-

ки зрения удаленности от условного центра, причем как пространственной, так и социокультурной (Евгеньева, т. 2, с. 141; Дмитриев, с. 211). Однако глубинка представляет собой достаточно сложный феномен, который не может быть определен только с позиции параметра удаленности.

В социальной географии, которая занимается изучением территорий и их инфраструктуры, в большей степени – если говорить о нецентральных территориях – описаны провинция и регионы [Российская глубинка..., 2012; Марков, 2022; Чернявская, 2013]; глубинке посвящены единичные работы, в частности В.И. Ильин предлагает следующее определение глубинки – это «часть социокультурного пространства, относительно изолированная от основных его потоков, характеризующаяся их относительно низкой интенсивностью и плотностью, ограниченным объемом ресурсов, удаленная от центров политической, экономической и культурной активности» [Ильин, 2010, с. 27]. В рамках социальных практик глубинка, как правило, сопоставляется с мегаполисом [Трофимова, 2014]. В работах зарубежных ученых проблема описания нецентральных территорий в различных областях гуманитарной сферы является не до конца разработанной. Если она и обсуждается, то прежде всего в рамках категории социальной эксклюзии [Boeckh, 2018; Frost et al., 2020].

Характеристика нецентральных территорий в социальных науках может быть уточнена с помощью лингвистических методов анализа.

Целью данной статьи выступает рассмотрение особенностей объективации феномена глубинки в русском языке на материале текстов художественной и нехудожественной литературы. Такого рода исследование позволяет расширить сведения о сложившихся в обществе представлениях о нецентральной территории и более детально описать понятие глубинки, выявив сходства и различия в его художественной и нехудожественной интерпретации.

Материал и методы

В лингвистике проблема отражения в языке нецентральной территории исследуется фрагментарно. Отдельные работы посвящены образу города применительно к тому или иному региону [Голомидова, 2023; Позднякова, 2014], образу русской провинции [Алефиренко, 2011; Данилина, Эртнер, 1999; Спивак, 2004], при этом в качестве эмпирического материала могут выступать СМИ, тексты художественной литературы [Семеновская, 2023]. Однако феномен глубинки как нецентральной территории и особенности его вербализации не получили должного освещения в трудах языковедов.

Материалом послужили подкорпусы художественных и нехудожественных текстов (основной корпус) Национального корпуса русского языка (НКРЯ), из которых были выбраны контексты употребления лексемы *глубинка*.

В исследовании были использованы общенаучные методы описания, анализа, синтеза, обобщения и собственно лингвистические методы – структурно-семантического, контекстуального анализа, элементы метода компонентного анализа.

Результаты и обсуждения

Мы считаем, что глубинка может быть рассмотрена как образ-гипоним, входящий в состав образа-гиперонима «нецентральная территория» наряду с другими образами-гипонимами (провинция, периферия, глушь, захолу-

стье) [Шамне, Милованова, 2025]. Названные образы имеют сложную структуру, поскольку отражают помимо объективных характеристик субъективное восприятие нецентральной территории. В качестве отправной точки такого восприятия выступает понятие условного центра, условного – поскольку его локализованность, как показывают проанализированные контексты, может быть не только объективной, но и субъективной, например, Иркутск позиционируется как большой город либо как глубинка в зависимости от того, что говорящий / пишущий выбирает в качестве точки отсчета.

В структуре образа глубинки мы выделяем конститутивные (субстанциальные, значимые) признаки и дистинктивные (указывающие на отдельные особенности) [Шамне, Милованова, 2025]. В качестве конститутивных признаков выступают следующие характеристики: 1) пространственно-территориальные; 2) событийно-экзистенциальные; 3) квалификация субъекта; 4) квалификация объектов, атрибутов. Помимо этого, образ включает аксиологические и сопоставительные характеристики (сопоставление с условным центром).

1. Пространственно-территориальные характеристики

Названный конститутивный признак актуализируют в контексте дистинктивные признаки, указывающие на административно-географическую отнесенность обозначаемой территории, либо на особенности пространства.

1.1. Административно-географическая отнесенность. В фактическом материале текстов художественной литературы (далее – ХЛ) данный признак выражают оттопонимические адъективы, причем в материале постсоветского периода отмечено расширение их состава за счет обозначения зарубежной территории – как ближнего, так и дальнего зарубежья (*грузинская, белорусская, швейцарская, китайская, азиатская, бургундская* и др.). Отдельно отметим, что в фактическом материале не прослеживается тенденция отнесения той или иной территории к глубинке. С одной стороны, это территории, действительно удаленные от центра (*северная, колымская, сибирская глубинка*). С другой стороны, это может

быть *среднерусская, смоленская, рязанская* и даже *подмосковная глубинка*.

В рамках объективации административно-географических характеристик широко представлена единица *российская*, которая используется применительно к глубинке вообще, без конкретизации, как правило, в контекстах, выражающих различное перемещение как в глубинку, так и из нее: *...мне выпала дальняя дорога в российскую глубинку. Руководство поручило мне совершить там маленькое экономическое чудо...* (НКРЯ: Алексей Смирнов. Лазарь и бес // Звезда. 2002); *Жизнь на многие годы забросила Кольцову в российскую глубинку* (НКРЯ: Михаил Елизаров. Библиотекарь. 2007); *Эту Валю считали малахольной. Вся ее семья была чудной. Они приехали из российской глубинки* (НКРЯ: Г.А. Сванидзе. Подростковые игры // Волга. 2009).

Адъектив *русская* менее частотен, сочетание *русская глубинка* представлено преимущественно в контекстах, указывающих на определенные стереотипы по отношению к обозначаемой территории: *Небритый военкоматовский капитан в кителе, но без зеленого галстука, привыкший ко всему: к мату, убийственной скуке русской глубинки, тупости и жадности начальства, к скудным взяткам и «подарочным» пакетам, исподлобья глядя на Толика, сказал: Ну всё, Смирнов, годен к строевой* (НКРЯ: Александр Балашов. Ангелы приходят без стука // Ковчег. 2015).

Применительно к текстам нехудожественной литературы (далее – НХЛ) отметим более обширную группу единиц, номинирующих как российское, так и зарубежное пространство (причем в последнем случае – преимущественно дальнего зарубежья): *владимирская, орловская, калужская, липецкая, псковская, костромская, уральская, сибирская, архангельская, хакасская, северная приморская, чувашская* и др.; *американская, тexasская, калифорнийская, бразильская, афганская, фламандская, синдская, бретанская, ливийская, африканская, таджикская, норвежская, испанская, белорусская* и др. Как видим, в рамках пространства Российской Федерации единицей *глубинка* обозначаются территории преимущественно некрупных областей.

В фактическом материале НХЛ содержательно расширяется круг ситуаций, в которых *глубинка* позиционируется как *российская* – не только в рамках перемещения из / в, но и с точки зрения деятельности субъекта, различных событий и мероприятий: *Бриколёр – это народный умелец, который творит из того, что есть под рукой, например, конструируя в российской глубинке самолет из деталей автомобилей и тракторов, а бриколаж – деятельность по созданию данного летательного аппарата* (НКРЯ: Т.Г. Стефаненко. Этнопсихология. 1999); *Бурлюк, активный деятель литературно-художественной жизни, совершив турне по российской глубинке, отправился на Восток, в Японию...* (НКРЯ: Арина Абросимова. Блудный отец (2001) // Аргументы и факты. 04.04.2001).

Слово *русская*, напротив, встречается в единичных примерах, в них *глубинка* выступает как обобщенное обозначение нецентральной территории: *все из деревенского детства, из русской глубинки*.

1.2. Локализованность. *Глубинка* может позиционироваться через номинирование конкретной локации. Однако в текстах ХЛ такие примеры немногочисленны. В материале представлены единичные случаи ойконимов и хоронимов, относящихся как к российскому, так и к зарубежному пространству: *Менделеевск – глубинка России; Вардува, небольшой городок в глубинке западной Литвы; глубинка Англии*. Помимо этого, указание на определенную локализованность могут выражать единицы со значением административного деления: *сельская, районная глубинка*.

В текстах НХЛ, напротив, широко представлены номинации конкретных локаций – как области, так и города, а также малых населенных пунктов, в частности хоронимы, астионимы и ойконимы, причем преимущественно это территории северные и за Уралом: *Архангельская область, Иркутская область, Колыма, Магадан, село Бурнашево*. Зафиксировано устойчивое сочетание *символ глубинки*, которое употребляется по отношению к малым городам России (например, *Урюпинск – символ российской глубинки*). Что касается *глубинки* в рамках зарубежного пространства, отмечены единичные случаи

употребления хоронимов (как правило, это *Америка*, которая отличается протяженностью).

1.3. Удаленность от условного центра. Данный признак является релевантным для определения территории как глубинки, он эксплицирован в фактическом материале обоих подкорпусов, причем удаленность может быть градуирована (с точки зрения увеличения): *далекая глубинка; подальше в глубинку; куда-то дальше в глубинку; отдаленнейшая глубинка; самая глубинка; самая что ни на есть глубинка; черт знает, какая глубинка; куда ни Макар, ни его нынешние потомки коров «ни в жисть» не гоняли; тьмутаракань*.

Удаленность может быть выражена также посредством указания расстояния от условного центра (примеры зафиксированы в фактическом материале текстов ХЛ советского периода): *верст двадцать к северу от станции, за пятьсот верст отсюда*; либо указания на пространственный объект-ориентир, который ближе к условному центру или рядом с ним: *далеко от железной дороги*, либо, напротив, далеко от условного центра: *за лесами; за болотами; в глубинке* (в фактическом материале текстов НХЛ).

На удаленность могут также указывать маркеры неопределенности – *откуда-то, какую-нибудь, где-нибудь, куда-то* (то есть далеко; неизвестно где), также широко представленные в текстах ХЛ и НХЛ: *Игорю хотелось сказать ей прямо с порога, чтобы она брала ноги в руки и переезжала вместе с сыном куда-нибудь подальше, в какую-нибудь глубинку, но сдержался* (НКРЯ: А.Б. Сальников. Отдел // Волга. 2015); *Я же, хотя и предъявил справку, что работаю и.о. научного сотрудника в Эрмитаже, получил направление в один из районов Ленинградской области – не то в Волховский, не то в Тихвинский – куда-то дальше в «глубинку», сейчас уж не помню* (НКРЯ: И.М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава одиннадцатая (1937–1939). 1995).

2. Акционально-экзистенциальные характеристики

Данный признак представлен несколькими дистинктивными признаками.

2.1. Определенные занятия, деятельность. В контекстах произведений советского периода (ХЛ) глубинка характеризуется с точки зрения сельскохозяйственной деятельности (*возили зерно, колесить по районной глубинке*), а также свободного временипровождения – *гулять, пить*. В текстах постсоветского периода – как территория, где меньше возможностей (в социально-бытовом плане), поэтому, например, там востребован привозимый из центра дешевый товар (*толкать в глубинку, растащат по совхозам*), причем глаголы имеют разговорную, сниженную окраску (с оттенком пренебрежения), и как пространство, которое служит местом укрытия (*скрываться где-нибудь в затхлой российской глубинке*).

Занятия и деятельность в фактическом материале ХЛ могут быть также выражены как желания, стремления субъекта: *купить избу, махнуть по самой глубинке, ехать в глубинку с концертами*, либо как определенные усилия с какой-либо целью (или их отсутствие): *пробился в армейской глубинке; застрянешь в глубинке, не пробьешься наверх*. Распространенная конструкция *выбиться из глубинки* подчеркивает усилия на пути достижения человеком определенного социального положения, преодоление препятствий, в такого рода контекстах прослеживается противопоставление условному центру.

Названный дистинктивный признак репрезентирован в единичных случаях в фактическом материале НХЛ: *конструировать самолет; могут играть в футбол; в глубинке много работают, строят, мало пьют* (последний пример «локационно привязан» – речь идет о Башкирской глубинке).

Помимо отмеченных особенностей, в подкорпусе НХЛ представлена актуализация рассматриваемого признака как «нулевая деятельность», либо несоответствующая нормам деятельность. Ведущими средствами в таких контекстах выступает субстантив *проблема*, адъектив *плохой*, а также отрицательные конструкции: *проблемы не решены, проблема открыть филиал банка, плохое снабжение снегоуборочной техникой, не владеет навыками продвижения продукции, не может дозвониться, не всегда имеют возможность приобщиться к искусству, оперируют не скальпелем, а бритвой* и др.

2.2. Разнонаправленное перемещение. Глубинка объективируется как территория, куда или откуда перемещаются (по отношению к условному центру) по различным причинам (так называемое «маятниковое» перемещение). Отметим, что конструкции с глаголами, передающими перемещение по направлению «в глубинку», широко представлены как в текстах ХЛ, так и в текстах НХЛ, например, перемещение в глубинку с определенной целью, либо в зависимости от обстоятельств (ХЛ): *приехал в глубинку из областного центра, уехал в глубинку служить священником, вернуться в родную глубинку, командировали на два дня в глубинку, отправился в русскую глубинку, жизнь забросила в глубинку*. В фактическом материале подкорпуса НХЛ в большей степени представлены глагольно-именные сочетания, актуализирующие перемещение субъекта по чьей-то воле, либо вынужденно: *отправили в глубинку, направили в глубинку работать, усадить подальше в глубинку, зашлют в глубинку, загнан в далекую глубинку*; отмечены также глаголы движения, выражающие недлительное по времени перемещение с определенной целью (в сфере культуры прежде всего): *уезжать в глубинку с ансамблем, повезти в глубинку праздник, поехать по глубинке с концертами, поехал на картошку, ехать за природой и экстримом, нырнуть в глубинку* (в последнем случае подчеркивается значение «погружения» в данную среду).

Контексты с перемещением из глубинки в центр представлены в материале ХЛ в единичных случаях: *приехал в Ленинград из глубинки поступать*. В текстах НХЛ такого рода конструкции также немногочисленны: *везти спектакли из глубинки*; однако отмечены случаи негативной оценки глубинки как территории, откуда субъект стремиться переместиться в условный центр: *из глубинки бегут в Москву; выталкивают детей в центр*.

В фактическом материале отмечены антонимичные глагольно-именные сочетания (зафиксированы в обоих подкорпусах): *забраться в – выбраться из; забраться в глубинку* подчеркивает перемещение на далекое расстояние от условного центра, а также ука-

зывает на возможность спрятаться, скрыться; *выбраться из глубинки* – акцентирует внимание на определенных трудностях (дорога, дальность расстояния и т. д.).

2.3. Бытование, существование субъекта на обозначаемой территории. Указанный признак объективирован в фактическом материале подкорпуса ХЛ конструкциями с глаголами *родиться, жить*. Прослеживается также оппозиция условному центру, например: *в глубинке одичали*, либо соположенность – *мы здесь не лаптем щи хлебаем*.

В подкорпусе НХЛ отмечен более широкий круг глагольных единиц: *работать в глубинке, жить, осесть, похоронить, вырастить*.

Отдельно отметим в рамках рассматриваемого признака явление стереотипизации, в частности в контекстах выражен такой стереотип применительно к глубинке (в сопоставлении с условным центром) как «настоящая жизнь»: *понюхать жизни в глубинке, посмотреть на мир в глубинке, окунуться в жизнь*. Обратим внимание, что такого рода примеры представлены в фактическом материале ХЛ постсоветского периода.

2.4. Событийность – признак эксплицирован в текстах НХЛ. Событийность может иметь отношение к культурной и социально-экономической сферам, причем она направлена из условного центра: *проводятся лекции, ВИА собирали публику, проведение автомобильного салона, компьютеризация учреждений образования* и др. (в примерах инициатором / носителем событийности выступает центр).

3. Характеристики субъекта

Указанный конститутивный признак в структуре образа глубинки объективирует особенности субъекта, имеющего отношение к данной территории. В качестве дистинктивных признаков выделены следующие.

3.1. Род деятельности. В фактическом материале ХЛ представлены типичные для нецентральной территории сферы: образование, культура, медицина, спорт – *библиотекари, учителя (начальных классов), санитары, силачи* и др., например: *...и лишь где-нибудь в глубинке библиотекариши или учительницы, возможно, еще проливают сле-*

зы над текстами не востребовавшихся суровой эпохой первоначального накопления капитала поэтических талантов и бегают по утрам для них за четвертинкой (НКРЯ: Николай Климонтович. Далее – везде. 2001); Спортобщество «Динамо» приняло на свое попечение сельских силачей, почему-то прибывших из *глубинки* не на подводах, а в девяти купе московского поезда (НКРЯ: Анатолий Азольский. Диверсант // Новый Мир. 2002), в последнем примере отражены определенные стереотипы о мужчинах из глубинки – это, конечно же, силачи, причем стереотипность сочетается с иронией (*подводки*). Явление стереотипизации прослеживается также в примере: *Как и положено генералу, родился в глубинке, все детство пас гусей и мечтал о небе* (НКРЯ: Варвара Сеницына. Муза и генерал. 2002) – в данном случае представлен типичный путь настоящего военного наверх: из народа, деревенское детство, мечты.

В подкорпусе НХЛ наблюдается расширение состава субъектов (как и сфер): *сельские врачи, провинциальный режиссер, художники, прозаики, поэты, голеедор, студенты, сельский милиционер, киномеханик, фермер, бизнесмен, руководитель, сельхозпроизводители, ресторатор, пчеловод, политик* и др.

3.2. Социально-бытовой / социально-экономический статус. Данный признак репрезентирован в материале такими единицами, как *колхозники, селяне* (ХЛ), *сельчанин* (НХЛ), указывающими прежде всего на негородскую территорию.

3.3. Возраст. Возрастные номинации в подкорпусе ХЛ представлены единицами в рамках оппозиции «молодой – старый», при этом отдельно отметим, что эти единицы сочетаются с квалификаторами, выражающими определенные характерные черты номинируемого субъекта (физическая крепкость (молодой), отсутствие материального достатка, вера в бога (старый)): *крепкий парень; финский парень; типичный лесоруб; безвалютные старички; чистенькая богобоязненная старушка*.

В подкорпусе НХЛ частотны номинации невзрослого субъекта: *одаренные / талантливые дети / ребята*, встретились также единицы *девушка (простая), парень, биномиал старики и старухи*.

3.4. Индивидуальные особенности, способности. Субъект из глубинки с точки зрения способностей оценивается положительно, он, как правило, талантлив (преимущественно в сфере культуры и искусства), что выражают в подкорпусе ХЛ единицы *гений, самородок, певец советской деревни и поэт гармонии, любитель органной музыки, метафора редкий цветок*.

Индивидуальные особенности указывают, например, на физические параметры: *красавица, блондин с голубыми глазами*; характер: *смешливы и на язык чутки*. Отметим, что единица *красавица* также может быть включена в состав стереотипов, поскольку не единична, и передает обобщенное стереотипное представление о том, что в глубинке живут красавицы.

Субъект в отдельных случаях также не конкретизирован в контексте, а выражен обобщенно: *человек из глубинки, человечек, мужичонка*, причем суффиксы субъективной оценки передают значение простоты, неприметности.

В подкорпусе НХЛ подчеркиваются особенности характера субъекта: *милая простушка, наивные простаки*, либо способности: *самородок, народный умелец*.

В рамках характеристик субъекта в текстах ХЛ нашли отражения определенные стереотипы (приверженность к старым традициям, устоявшемуся образу жизни), причем данные стереотипы оцениваются иронически: *Однажды на каком-то толпилице и шумилице я тоскливо слонялась и уже собиралась уйти, когда ко мне подошла девушка примерно моего возраста, одетая в модное и яркое, красивая, тонкая... Это правда, что у тебя аллергия на людей? – спросила она. Мы вообще-то не знакомы, – ответила я довольно сухо. А, ну да, ты откуда-то из глубинки, у вас там, типа того, приличия? Разговариваете грамотно, книксенами приседаете?* (НКРЯ: Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма не рожденному сыну // Волга. 2009).

4. Атрибутивно-объектные характеристики

Названный признак актуализирует определенные объекты и атрибуты в рамках рассматриваемой территории. Особо отметим,

что в контексте единицы, их номинирующие, сопровождаются квалификатором, в роли которого выступает адъектив, как правило, с оценочным значением (в большей степени квалификаторы отмечены в текстах подкорпуса ХЛ).

4.1. Социальные объекты: *мрачный вокзал, безвестные аэродромы, ветхий барак, жалкие выставки, станция, музей* и др. (ХЛ); *совхоз «Изобильный», крупный колхоз, многоквартирные дома, столовая, магазин, баня, пекарня, мастерская, контора, гараж, изобилие районных учреждений, СМИ, библиотека, выставка «Мастера глубинки», провинциальные театры, крупные заводы, фабрики, фермы, православные гимназии и школы, этнографически-зоологический музей* и др. (НХЛ). Заметим, что в текстах ХЛ такого рода объекты оцениваются, как правило, негативно.

4.2. Материальные объекты: *конь* (как движимое имущество, которое можно купить, продать и т. д.), *урожай зерна, пшеница, трактор «Беларусь»* и др. (ХЛ); *гушевой транспорт, хлеб, замки и поместья местной аристократии, мокроступы* и др. (НХЛ).

4.3. Атрибуты жизненного уклада и традиции (ценности): *скука, простые и бесхитростные взаимоотношения, казенный запах вокзала, малые цены, халтура, достойный уровень советской науки и культуры, вера в приметы, консервативные нравы* (как правило, данный признак представлен с точки зрения субъекта центральной территории) (ХЛ); *художественные промыслы, этнографический материал, сеть молодежных группировок, гордость за защитников, скучная жизнь, ощущение заброшенности и культурной отчужденности, темнота и безграмотность, серая, пошлая, мрачная* (НХЛ) (обратим внимание, что негативная атрибутивность отмечена в контекстах, повествующих о видении глубинки в отдельных рассказах и повестях таких писателей, как В. Шукшин и В. Астафьев, то есть в ХЛ). В текстах НХЛ в большей степени находит отражение стереотипный образ глубинки с ее традиционной душевностью: *В русской глубинке сохранилось больше доброты, душевности, сердечности, люди менее политизированы, и заряд бодрости от этих по-*

ездок я получаю большой (НКРЯ: М.В. Жиликина. Обстоятельства, в которых мне пришлось совершать патриаршее служение, особые... (2004) // Журнал Московской патриархии. 28.06.2004). В целом, когда мы говорим о явлении стереотипизации, следует заметить, что в такого рода случаях в тексте находит отражение соотношение объективной и субъективной составляющих, особенно неоднозначно это соотношение, как отмечают Л.В. Балашова и К.И. Кириллова, в жанре массмедиа [Балашова, Кириллова, 2024, с. 368], то есть в нехудожественной литературе.

4.4. Атрибуты собственно территории (местности): *бездорожье, грязь, гористо-лесисто, пустынно, удобства на улице, затхлая* (ХЛ); *бездорожье, лужи, пространство по утилизации лодок и ракет* и др. (НХЛ).

4.5. Атрибуты природного ландшафта. Природа глубинки характеризуется стереотипно, с определенной долей идеализации: это *березовая роща, улей, поля с чертополохом* (ХЛ); *заповедники, пейзажи, степные просторы, живая природа, первозданная красота* (НХЛ). Пример из текстов НХЛ: *Никакие высококлассные шоссе не могут тронуть меня до слез красотой своей, как это легко делают лесные дорожки, береговые рыбацкие тропы в зарослях крапивы, мяты, черныбильника и иван-чая, да даже грунтовые колдобины российской глубинки-глуши!* (НКРЯ: Евгений Весник. Дарю, что помню. 1997).

Применительно к репрезентации признака атрибутивно-объектных характеристик особо показателен следующий пример (ХЛ), в котором нашли отражение стереотипы удаленной от центра территории с соответствующей атрибутикой (пыль, отсутствие транспорта, запустение): *После третьего курса снарядили нас в Вологодскую губернию. Прибываем под вечер на станцию, как говорится, N, и дальнейший наш путь лежит верст на двадцать к северу, в глубинку. Очаровательное захолустье: пыльный бурьян, по улице бродят козы, автобуса нет до утра... Дом колхозника – двухэтажное строение, выкрашенное омерзительной розовой краской, с дверью на одной петле и разбитыми окнами, встретило нас мглой и сложной вонью гнилой капусты, аммиака и пере-*

жженного комбизира (НКРЯ: Алла Боссарт. Повести Зайцева // Дружба народов. 1998).

Однако в целом явление стереотипизации в большей степени отмечено в текстах НХЛ, когда глубинка, а именно ее атрибутивные характеристики (положительные, негативные) – покой, уют, потаенность, либо беспорядок и т. д., выступают в качестве источника сравнения: ...в купеческом Замоскворечье спать ложились рано и вставали чуть свет. Здесь и поныне живо ощущение покоя, уюта, умиротворения, сравнимое с атмосферой русской глубинки (НКРЯ: Ольга Борисова. Самый «московский» музей // Наука в России. 2012); Согласен, повсеместно, конечно, нет, но Россия живет своей потаенной жизнью глубинки, сохраняя многое из того, что нам кажется уже потерянным (НКРЯ: Народный костюм: архаика или современность? // Народное творчество. 2004); Госпиталь стал проходным двором: ходят родственники-армяне по коридорам и палатам в шапках, в пальто, как в какой-нибудь сельской больнице в саратовской глубинке (НКРЯ: М.М. Кириллов. Дневник. 1988).

Отдельно в текстах ХЛ в рамках рассматриваемого конститутивного признака следует выделить адъективы (которые присутствуют в составе репрезентантов в выделенных группах), выражающие оценочную атрибутивность, как правило, положительную: живописная, добропорядочная, пыльная, настоящая и др.

5. Характеристики нецентральности

Глубинка может объективироваться в контексте посредством сопоставления с центральной территорией (условным центром).

5.1. Глубинка – Москва / столица. В такого рода случаях в качестве языковых средств, номинирующих центральную территорию, в обоих подкорпусах текстов отмечены астионим Москва, единица со значением административно-территориального деления столица, катойконим москвич, а также адъективы московский, столичный, в текстах ХЛ встретился годоним Садовое кольцо, например: Писатели люди патологически завистливые, они не могут примириться с тем,

что рядом с ними, по тем же улицам и переулкам, бродит гений... гений приехал в Москву черт знает из какой глубинки (НКРЯ: Ю.М. Поляков. Козленок в молоке. 1994); Вы... московские... оторваны... от глубинки..., дядя Гиляй, настроенный «пробиться», прощупывал почву... (НКРЯ: Ефим Гаммер. Звезды в земле // Ковчег. 2013); Ведь одно дело столицы – здесь у нас и гимназии, и лицеи, а в глубинке у учителей просто опускаются руки... (НКРЯ: Марианна Баконина. Школа двойников. 2000). В этих и других примерах глубинка сопоставляется с центром с точки зрения субъекта, условий, окружающей среды, образа жизни.

5.2. Глубинка – город. Это противопоставление также объективировано в фактическом материале обоих подкорпусов. Центральную территорию в данном случае выражают различные астионимы (Санкт-Петербург, Свердловск и др.) либо единица со значением административно-территориального деления город (в ряде случаев с уточняющими квалификаторами большой, крупный, огромный, причем в текстах ХЛ представлен развернутый ряд квалификаторов: огромный, тысяче-ликий, таящий всевозможные соблазны): Михаила Лапина печалили проблемы сельской интеллигенции, а Егор Строев сетовал, что «talанты вырастают в глубинке, но проявляют себя только в больших городах» (НКРЯ: Татьяна Панина. Инвестиции – хлеб экономики // Российская газета. 2003); Ну, город Таню, естественно, расшевелил. И даже поразил. Сами понимаете, что это такое для девочки из северной глубинки. Огромный шумный город, море, жаркие дни, теплые вечера... (НКРЯ: Сергей Шикера. Выбор натуры // Волга. 2014). Сопоставляется субъект, условия и городская – не городская жизнь.

В рамках выделенной группы в текстах НХЛ отмечено явление стереотипизации, в частности сохранения традиций, например: Вы спрашиваете: откуда у городского человека все эти завиральщины, бывальщины, балагурщины, досюльщины и озорные разговоры? Не задумываясь, назову точный адрес: из деревенского детства. Всё оттуда. Из русской глубинки, где жил, живёт и всегда будет жить наш язык в

устах его творца – народа (НКРЯ: Книжная лавка // Родина. 2008).

5.3. Глубинка – зарубежная территория (Европа, Запад). Встретились немногочисленные случаи, когда центральная территория представлена зарубежным пространством. Причем в такого рода примерах в текстах ХЛ находят отражение определенные стереотипы 1990-х – начала 2000-х гг. в рамках культурной сферы: «культурный Запад» и «непросвещенная глубинка», а также применительно к образу жизни – «цивильная Европа» и «затхлая глубинка», причем глубинка – далеко, там можно *спрятаться*, а Европа – многолюдна, там можно *затеряться*.

В материале НХЛ такие примеры немногочисленны: *европейская столица – российская глубинка, США – российская глубинка* (сравниваются субъекты, стоимость жизни).

5.4. Глубинка – центр / регион. Данное противопоставление широко представлено в фактическом материале НХЛ, как правило, единица *центр* употребляется с квалификатором со значением размера территории, административно-территориального деления, экономического и культурного развития: *крупный / районный / индустриальный / культурный / административный центр – глубинка; крупный регион – глубинка*.

В рамках признака «нецентральности» следует выделить следующую характеристику: в подкорпусе текстов НХЛ распространены так называемые соположенные конструкции (в рамках обобщенной оппозиции «центр – глубинка»), в которых центральная и нецентральная территории объединяются по какому-либо выражаемому параметру: *волонтерские отряды – есть в крупном городе и в глубинке, нужен томограф – в столице и глубинке, Арбат оценивают одинаково москвичи и жители глубинки* и др.

Таким образом, анализ фактического материала – подкорпусов художественной и нехудожественной литературы НКРЯ позволяет уточнить понятие глубинки как нецентральной территории. В качестве средств-репрезентантов этого понятия в текстах обоих подкорпусов широко представлены оттопони-мические прилагательные; маркеры удаленности; глаголы перемещения; номинации субъекта по различным параметрам; номина-

ции объектов и атрибутов; единицы в рамках оппозиции «центр – не центр». Помимо этого, в текстах художественной литературы распространены единицы тематической группы «деятельность, занятия», глаголы бытования; в текстах нехудожественной литературы – номинации конкретных локаций, глагольно-именные сочетания со значением событийности, конструкции соположенности (глубинка и центр).

Заключение

Феномен глубинки при объективации в текстах художественной и нехудожественной литературы во многом обнаруживает сходства, однако выделяется также ряд различий, обусловленных собственно функциональной направленностью текстов. Итак, под глубиной в рассмотренных нами текстах художественной и нехудожественной литературы понимается следующее:

1) глубинка представляет собой территориальное пространство, удаленное от условного центра на неопределенное расстояние от «близко» до «очень далеко», при этом данное расстояние может быть уточнено количественно (ХЛ), либо через пространственные ориентиры, конкретные локации (НХЛ);

2) субъектом глубинки являются представители прежде всего социально значимых сфер (учителя, врачи, библиотекари) преимущественно сельской местности и малых городов, субъект позиционируется с точки зрения возраста (молодой / немолодой), одаренности, индивидуальных особенностей, в художественной литературе – женской красоты;

3) в глубинке бытование субъекта определяется основными жизненными этапами (родился, рос и т. д.); в текстах нехудожественной литературы деятельность и занятия субъекта, как правило, локационно привязаны, а также здесь репрезентируется отсутствие, либо невозможность определенной деятельности в силу ряда условий, в художественной литературе глубинка выступает пространством, где протекает «настоящая жизнь»;

4) для глубинки как пространства характерно разнонаправленное перемещение по отношению к условному центру (из глубинки в центр – в глубинку из центра) с определенной

целью, под влиянием обстоятельств, при этом в текстах нехудожественной литературы перемещение в глубину часто осуществляется по чьей-то воле, а при перемещении в центр глубинка характеризуется негативно;

5) глубинка в нехудожественной литературе объективируется также как пространство, в котором происходят определенные события, привносимые из условного центра (как правило, культурного и социального характера);

6) глубинка включает в себя различные социальные и материальные объекты (как правило, не городской среды), которые в текстах художественной литературы сопровождаются оценочными квалификаторами (амбивалентная оценка);

7) глубинка имеет определенные атрибуты, которые характеризуют ее амбивалентно, с точки зрения ландшафта – стереотипно как пространство с живой природой, типичным русским пейзажем;

8) глубинка позиционируется как территория, противопоставленная центру (условно-му), в роли которого выступает столица, город (крупный), регион; в текстах нехудожественной литературы также как территория, соположенная центру;

9) глубинка – это территория со сложившимися стереотипами ее восприятия: добропорядочная, полярная, живописная, заповедно далекая, с березами, с настоящей жизнью, с местными «ломоносовыми», со скукой, статичностью (ХЛ); где покой, уют, сохранение традиций (исконность), доброта, душевность, изначальные ценности, первозданная красота природы (НХЛ).

Таким образом, анализ текстов художественной и нехудожественной литературы показал сложную структуру понятия глубинки в русской лингвокультуре и позволил уточнить и расширить представление об этом феномене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко Н. Ф., 2011. Жизнесмыслы русской провинции в зеркале языка // Вестник Вятского государственного университета. № 1-1. С. 124–130.
- Балашова Л. В., Кириллова К. И., 2024. Концептуальный образ страны-оппонента в жанре аналитической статьи в российских и американских общественно-политических массмедиа (на материале деструктивных метафор) // Жанры речи. Т. 19, № 4 (44). С. 357–367. DOI: 10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-357-367
- Бельчиков Ю. А., 1965. О развитии русской лексики в советскую эпоху // Русский язык в школе. № 6. С. 3–9.
- Голомидова М. В., 2023. Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург : образ города в динамике топонимического текста // Слово.ру: балтийский акцент. Т. 14, № 1. С. 29–53. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-2
- Данилина, Г. И., Эртнер Е. Н., 1999. Образ провинции в русской литературе XIX в. // Вестник Тюменского государственного университета. № 4. С. 34–49.
- Ильин В. И., 2010. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XIII, № 4. С. 25–47.
- Марков Р. Е., 2022. Ментальные карты как инструмент изучения образа города (на примере г. Касимова) // Культурный ландшафт регионов. Т. 4, № 6. С. 61–80. DOI: 10.17748/2686-8814-2022-4-6-61-80
- Позднякова Е. Ю., 2014. Проблема восприятия городского пространства и его отражения в языковом сознании горожан // Филология и человек. № 2. С. 76–86.
- Российская глубинка: модели и методы изучения : сб. ст., 2012 / ред.-сост. Т. А. Корнилова, Е. П. Олешкевич. Москва : Эслан. 463 с.
- Семеновская А. Е., 2023. Концепт «провинция» в русской литературе XIX века : семантическое поле психологических и экзистенциальных состояний // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 4 (228). С. 101–109. DOI: 10.23951/1609-624X-2023-4-101-109
- Спивак М. Я., 2004. «Провинция идет в регионы» : О некоторых особенностях современного употребления слова «провинция» // Геопанорама русской культуры. Москва : Яз. слав. культуры. С. 503–518.
- Трофимова И. Н., 2014. «Мегаполис» и «глубинка» как модели ценностных ориентаций и политических установок россиян // Социологическая наука и социальная практика. № 3 (7). С. 60–78.

- Чернявская О. С., 2013. Нижний Новгород глазами нижегородцев: внутренний образ города // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 1 (29). С. 69–76.
- Шамне Н. Л., Милованова М. В., 2025. Медиаобраз нецентральной территории в российских СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 24, № 2. С. 29–43. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.3>
- Boeckh J., 2018. Migration und soziale Ausgrenzung // Handbuch Armut und soziale Ausgrenzung. Springer. S. 539–571. DOI: 10.1007/978-3-658-19077-4_24
- Frost L., Magyar-Haas V., Schoneville H., Sicora A., 2020. Shame and Social Work: Theory, Reflexivity and Practice. Bristol University Press, Policy Press. 200 p. DOI: 10.1332/policypress/9781447344063.001.0001

ИСТОЧНИК

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru

СЛОВАРИ

- Дмитриев – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. Москва : Астрель, 2003. 989 с. (Словари Академии Российской).
- Евгеньева – Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Москва : Астрель : АСТ, 2003. 2 т.

REFERENCES

- Alefirenko N.F., 2011. Zhiznesmysly russkoy provintsii v zerkale yazyka [Life-Meanings of the Russian Province in the Mirror of Language]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], no. 1-1, pp. 124-130.
- Balashova L.V., Kirillova K.I., 2024. Kontseptualnyy obraz strany-opponenta v zhanre analiticheskoy stat'i v rossiyskikh i amerikanskikh obshchestvenno-politicheskikh massmedia (na materiale destruktivnykh metafor) [Conceptual Image of a Rival Country in Analytical Articles in Russian and American Socio-Political Mass Media (Based on Destructive Metaphors)]. *Zhany rechi* [Speech Genres], vol. 19, no. 4 (44), pp. 357-367. DOI: 10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-357-367
- Belchikov Yu.A., 1965. O razvitiy russkoy leksiki v sovetskuyu epokhu [On the Development of Russian Vocabulary in the Soviet Era]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 6, pp. 3-9.
- Golomidova M.V., 2023. Ekaterinburg – Sverdlovsk – Ekaterinburg: obraz goroda v dinamike toponimicheskogo teksta [Ekaterinburg – Sverdlovsk – Ekaterinburg: The City Image in the Dynamics of a Toponymic Text]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru. Baltic Accent], vol. 14, no. 1, pp. 29-53. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-2
- Danilina G.I., Ertner E.N., 1999. Obraz provintsii v russkoy literature XIX v. [The Image of the Province in Russian Literature of the 19th Century]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald], no. 4, pp. 34-49.
- Ilyin V.I., 2010. Rossiyskaya glubinka v sotsialnoy strukture Rossii [Russian Hinterland in the Social Structure of Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. XIII, no. 4, pp. 25-47.
- Markov R.E., 2022. Mentalnye karty kak instrument izucheniya obraza goroda (na primere g. Kasimova) [Mental Maps as a Tool for Studying the Image of a City (Using the City of Kasimov as an Example)]. *Kulturnyy landschaft regionov* [Cultural Landscape of Regions], vol. 4, no. 6, pp. 61-80. DOI: 10.17748/2686-8814-2022-4-6-61-80
- Pozdnyakova E. Yu., 2014. Problema vospriyatiya gorodskogo prostranstva i yego otrazheniya v yazykovom soznanii gorozhan [The Problem of Perception of Urban Space and Its Reflection in the Linguistic Consciousness of City Dwellers]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man], no. 2, pp. 76-86.
- Kornilova T.A., Oleshkevich E.P., eds. 2012. Rossiyskaya glubinka: modeli i metody izucheniya: sb. st. [Russian Outback: Models and Methods of Study. Collection of Articles]. Moscow, Eslan Publ. 463 p.
- Semenovskaya A.E., 2023. Kontsept «provintsii» v russkoy literature XIX veka: semanticheskoye pole psikhologicheskikh i ekzistentsialnykh sostoyaniy [The Concept of “Province” in Russian Literature of

- the 19th Century: Semantic Field of Psychological and Existential Feelings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], iss. 4 (228), pp. 101-109. DOI: 10.23951/1609-624X-2023-4-101-109
- Spivak M. Ya., 2004. «Provintsiya idet v regiony»: O nekotorykh osobennostyakh sovremennogo upotrebleniya slova «provintsiya» [The Province Goes to the Regions”: On Some Features of the Modern Use of the Word Province”]. *Geopanorama russkoy kultury* [Geopanorama of Russian Culture]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., pp. 503-518.
- Trofimova I.N., 2014. «Megapolis» i «glubinka» kak modeli tsennostnykh orientatsiy i politicheskikh ustanovok rossiyan [“Megapolis” and “Hinterland” as Models of Value Orientations and Political Attitudes of Russians]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika* [Sociological Science and Social Practice], no. 3 (7), pp. 60-78.
- Chernyavskaya O.S., 2013. Nizhniy Novgorod glazami nizhegorodtsev: vnutrenniy obraz goroda [Nizhny Novgorod Through the Eyes of Nizhny Novgorod Residents: The Internal Image of the City]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences], no. 1 (29), pp. 69-76.
- Shamne N.L., Milovanova M.V., 2025. Mediaobraz netsentralnoy territorii v rossiyskikh SMI [Media Image of Non-Central Territory in Russian Media]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 24, no. 2, pp. 29-43. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.3>
- Boeckh J., 2018. Migration und soziale Ausgrenzung. *Handbuch Armut und soziale Ausgrenzung*. Springer, S. 539-571. DOI: 10.1007/978-3-658-19077-4_24
- Frost L., Magyar-Haas V., Schoneville H., Sicora A., 2020. *Shame and Social Work: Theory, Reflexivity and Practice*. Bristol University Press, Policy Press. 200 p. DOI: 10.1332/policypress/9781447344063.001.0001

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus]. URL: <http://ruscorpora.ru>

DICTIONARIES

- Dmitriev D.V., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Astrel Publ., 2003. 989 p. (Slovari Akademii Rossiyskoy [Dictionaries of the Russian Academy]).
- Yevgenyeva A.P., ed. *Slovar sinonimov russkogo yazyka: v 2 t.* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. In 2 Vols.] Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2003.

Information About the Author

Marina V. Milovanova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Информация об авторе

Марина Васильевна Милованова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.2>

UDC 81'282
LBC 81.025.7

Submitted: 10.12.2025
Accepted: 05.03.2026

NAMES OF LAND PLOTS IN RUSSIAN DIALECTS ON THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Elvira N. Akimova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Tatiana I. Mochalova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The paper concerns lexical and phraseological units denoting land plots, as well as concepts and processes related to them. The study is based on the material taken from the "Dictionary of Russian Dialects in the Republic of Mordovia." Nominative processes which reflect the ways of naming a fact of social and cultural significance are identified. It has been established that Russian dialects frequently employ nouns that refer to land plots based on their belonging, size, shape, intended use, and cultivation characteristics, as well as their relationship to an object (house, estate, settlement, etc.). The study has revealed that this group also includes other names directly related to land use. These names include nouns denoting units of area and plot length measurement, as well as human designations in relation to land plots. A small group consists of adjectives that characterize and evaluate the properties of land plots, and verbs that describe actions associated with the use of various lands. Linguistic units in this thematic group constitute one of the most ancient and stable parts of the vocabulary of Russian vernaculars, reflecting human exploration of the real world and the practical use of the environment. They implement the principle of localism as one of the most important components of human speech.

Key words: dialect, vocabulary, semantics, land plot, ethnocultural unit, nomination, linguoculturology.

Citation. Akimova E.N., Mochalova T.I. Names of Land Plots in Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 3, pp. 18-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.2>

УДК 81'282
ББК 81.025.7

Дата поступления статьи: 10.12.2025
Дата принятия статьи: 05.03.2026

НАИМЕНОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В РУССКИХ ГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Эльвира Николаевна Акимова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Татьяна Ивановна Мочалова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. В работе рассмотрены лексические и фразеологические единицы, обозначающие земельные участки и называющие связанные с ними понятия и процессы. Исследование проведено на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия». Выявлены языковые процессы, отражающие способы именования социально значимого в лингвокультурном плане факта. Установлено, что в русских говорах активно употребляются имена существительные, называющие участки земли в зависимости от их принадлежности, размера, формы, целевого назначения, особенностей обработки и отношения к какому-

либо объекту (дому, усадьбе, населенному пункту). Исследование показало, что к этой группе примыкают существительные, передающие единицы измерения площади, длины надела, наименования человека в связи с каким-либо земельным участком. В незначительном количестве отмечены имена прилагательные, которые характеризуют свойства земельных участков и дают их оценку, и глаголы, которые называют действия по обработке различных угодий. Языковые единицы описанной в статье тематической группы репрезентируют одну из наиболее древних и устойчивых частей словарного состава русских народных говоров, отражают освоение человеком реального мира и практическое применение им окружающей среды, реализуют принцип локализма как одну из важнейших черт человеческой речи.

Ключевые слова: диалект, лексика, семантика, земельный участок, этнокультурная единица, номинация, лингвокультурология.

Цитирование. Акимова Э. Н., Мочалова Т. И. Наименования земельных участков в русских говорах на территории Республики Мордовия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 3. – С. 18–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.2>

Введение

Важнейшей характерной чертой языка является локализм, который Х.П. Блок определил как тенденцию в период первоначального этапа существования человеческой речи выражать в терминах места и пространства любые отношения, которые в дальнейшем могут развиваться в более тонкие различия грамматических категорий, как одну из важнейших составляющих человеческой речи вообще, в какой бы части земли или в какой бы специфической форме морфологического или структурного порядка он себя ни обнаруживал [Blok, 1955/56, p. 383].

Слова, обозначающие земное пространство, по наблюдениям В.В. Корнеевой, составляют одну из наиболее древних и устойчивых частей словарного состава любого языка, поскольку «отражают освоение человеком реального мира и практическое использование им окружающей природы» [Корнеева, 2006, с. 16].

Земледельческая терминология изучалась на материале различных групп русских говоров. Так, в работе П.Н. Задуминой представлено описание лексической семантики и структурной организации диалектных слов, обозначающих сенокосные угодья, встречающиеся на территории Вологодской области [Задумина, 2015]. Я.В. Мызникова в составе земледельческой лексики русских говоров Симбирского Заволжья выделяет несколько лексико-семантических групп: названия полей и земельных участков, наименования культурных растений, наименования построек для обработки и хранения зерна, названия инструментов и механизмов для земледелия, наименования видов укладки снопов и сена,

наименования зерновых на разных стадиях созревания и обработки, наименования частей культурных растений, названия действий при обработке земли и выращивании сельскохозяйственных культур [Мызникова, 2020]. Ученые изучают земледельческую терминологию, отраженную в ойконимии Пермской области [Боброва (Богачева), 2004], названия сельскохозяйственных угодий в пространстве культурного ландшафта Костромской низины [Неганова, 2016], земледельческую и смежную с ней лексику в говоре поселений по р. Курше (Рязанская Мещера) [Ванюшечкин, 1959] и др. Л.Ю. Астахина предложила систематизировать наименования пахотных земель исходя из общих и дифференциальных признаков их плана содержания [Астахина, 1982].

Исследователи обращаются к анализу исторических процессов, способствовавших возникновению этой группы слов в системе русских говоров. В частности, О.А. Теуш описала наименования приусадебных участков в русских говорах Европейского Севера, выявила и этимологизировала базовые лексемы, охарактеризовала внутреннюю форму частных наименований [Теуш, 2016]. В центре внимания О.П. Беляевой находился диахронический аспект региональной лексики, связанной с обозначениями земельных участков [Беляева, 1964].

Наименования различных участков земли рассматривались при характеристике особенностей ландшафта определенного региона, поскольку такие языковые единицы отражают важные для миропонимания носителями диалекта, отражают способы освоения и использования окружающего пространства. Т.Н. Кари-

мова обращается к рассмотрению особенностей диалектной лексики Приамурья, называющей географические реалии [Каримова, 2017]; М.В. Флягина – к народной географической терминологии севернорусского происхождения в донских говорах [Флягина, 2020].

Русские говоры на территории Республики Мордовия уже становились объектом комплексного разноаспектного изучения, в результате которого описан их фразеологический корпус [Акимова, Маслова, Мочалова, 2014], наименования природных географических объектов [Нарбикова, Мочалова, 2016] и способы их номинации [Мочалова, Нарбикова, 2017]. В то же время специального исследования наименований земельных участков не предпринималось.

Цель данной статьи – охарактеризовать в семантическом и лингвокультурологическом аспектах наименования земельных участков и смежных понятий, отраженных в русских говорах на территории Республики Мордовия.

Материал и методы

Объектом исследования являются лексические и единицы, в том числе и фразеологические, репрезентирующие различные представления человека об используемых земельных участках. Работа проведена на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия» (СРГРМ) с применением как общенаучных (анализ, синтез, обобщение, классификация и др.), так и собственно лингвистических методов. Описательный метод применялся для анализа языкового материала, извлеченного в результате сплошной выборки из СРГРМ; метод компонентного анализа языковых единиц – для определения смысловой структуры слова, конституирующих ее сем; метод контекстного анализа – для выяснения плана содержания рассматриваемых слов в речевом употреблении.

Результаты и обсуждение

В русских говорах на территории Мордовии употребляются слова различных частей речи, связанные с представлениями диалектоносителей о земельных участках, способах их использования в сельской местности.

Многочисленный и неоднородный в структурно-семантическом плане класс представляют имена существительные. При этом лишь единичная лексема *ссуд* имеет обобщенное значение ‘земельный участок’: *Ссуду им давали. У каво харошъя, у каво плахая* (Протасово, Лямбирский район). Лексема *любавинка* в 1-м знач. имеет оценочный компонент значения и номинирует лучший участок луга, земли: *Им на пай ф Кумалятъви любавинк дасталъсь. Скокь Макаркины там сень нъкасили!* (Усыскино, Инсарский район).

Наиболее разнообразны в семантическом отношении имена существительные, номинирующие виды земельных участков в зависимости от размера, формы, хозяйственного назначения и т. п.

Наименования участков земли, выделяемых в пользование крестьянину

Многочисленны наименования земельных участков, которые выделялись крестьянской семье в различные исторические периоды. Так, отдельную группу составляют устаревшие названия земельного надела крестьянина в дореволюционной России: *десятина*, ¹*душá*, *душевáя*, *душéвник*, *душéвничек*, *душóнка*, ¹*толика* в 1-м знач. Заметим, что внутренняя форма слова может раскрывать причину возникновения номинации, поскольку участок земли выделялся на одного члена семьи мужского пола, то есть на одну душу: *Сколько муцин ф семье, столько и душ земли* (Ирсеть, Старошайговский район); *Раньше душ давали только нъ мужыка* (Новое Акшино, Старошайговский район); *На аднаво йидака душэвник, на девушкх не былъ, только што нъ муцин* (Лухменский Майдан, Инсарский район).

Диалектизмы *кряж* в 1-м знач., *кулишка* в 4-м знач., *полстáть* во 2-м знач. служат для обозначения земельного надела крестьянина в период до коллективизации: *Землю нъ кулишки делили. Кулишки были разны. Если большая семья, кулишки большы давали. Только нъ своих кулишкх и роботъли* (Студенец, Zubovo-Polyanskiy район). Субстантивированное прилагательное *назёмный* указывает на участок земли, находившийся в постоянном владении у крестьянской семьи и ежегодно удобрявшийся навозом: *Нъ назёмных каждый гот уражай был* (Челмодеевский Майдан, Инсарский район).

Участок лугов какого-либо размера, выделяемый группе крестьян, номинирует лексема *осьма́к* во 2-м знач.: *Нони фсю пойму на три ъсьмака рѣзделили* (Суподеевка, Ардатовский район). Устаревшее устойчивое сочетание *ку́пчая земля* употребляется со значением ‘земля, купленная у государства (до Октябрьской революции)’: *Купчая зимля была, этъ катору у гъсударствъ купляли. У миня купчий зимли былъ десить диситин* (Новоникольское, Ельниковский район).

Наименования участков по их отношению к какому-либо объекту

В территориально ограниченном социуме разнообразны наименования приусадебного земельного участка, находящегося при доме или усадьбе: *гумѣнник*, *гумно́*, *ка́рта* в 1-м знач., *коноплѣник*, *коноплѣничек*, *коноплѣнщик*, *ко́пка* в 1-м знач., *кряж* во 2-м знач., *навѣзник* в 1-м знач., *подво́рье*, *поддво́рье*, *позѣм* в 4-м знач., *подста́вка* в 4-м знач., *приса́дник* в 1-м знач., *приса́дба*, *уса́д* в 1-м знач., *уса́дик*, *уса́дник* во 2-м знач., *уса́дба*, *уса́рба*. Приусадебное хозяйство в сельской местности предназначалось для садоводства и огородничества, что подтверждает и иллюстративный материал: *У фсех нъ уса́дъх вишни былъ навалѣм, сѣ ходили к нам пѣкупать из Аловѣ* (Манадыши, Атяшевский район); *Нъ уса́дби сажам картошку, капусту, маркофѣ, свиклу* (Новоникольское, Ельниковский район); *Вот двор, а пѣд двором земля, которъ блискѣ, этъ поддво́рья. Ф поддво́рья самъ хорошѣ земля, тут и навос выкидывѣют, и золу* (Суподеевка, Ардатовский район).

В советское время колхознику в личное пользование выделяли участок земли дополнительно к приусадебному хозяйству, что подтверждают сохранившиеся в исследуемых говорах наименования *домѣр*, *наде́лок*, *наме́рок*, *отре́зок*, *перепѣшек*, *примѣр*, *прире́зок*. Например: *У каво усады нибальшыя, наделѣк давали, так, сотѣк пять, а у нас наделѣк не былѣ* (Атемар, Лямбирский район); *У каво былѣ зимли малѣ, давали намерѣки. И у нас намерѣк был* (Подверниха, Старошайговский район); *Зимля, коя к агароду дѣбавляцѣ, прирезѣк нѣзвацѣ* (Русские Найманы, Большеберезниковский район).

В русских говорах Мордовии употребляются наименования непосредственно участка земли, на котором расположен жилой дом с хозяйственными постройками; усадьба: *помѣстье* в 1-м знач., *подста́вка* во 2-м знач., *потом́ство* в 1-м знач., *позѣм* во 2-м знач., *пѣзьма́* в 1-м знач., *селі́тьба*, *позьмо́* во 2-м знач. Такие участки, как правило, передавались по наследству: *Жыть-тѣ он осталси нѣ оцѣво́м потом́стви* (Пермеево, Ичалковский район); *Я живу на дедушкинѣм патом́стви* (Протасово, Ичалковский район); *У миня потом́ствѣ послѣ стѣрикоф* (Ташкино, Ичалковский район); *Мѣладѣи-тѣ нѣ ацѣво́м пазьме дом пастроили* (Усыскино, Инсарский район).

Участки земли в зависимости от размера и формы

Значимым в крестьянской среде было определение размера используемого земельного надела. В связи с этим следует отметить существующую специальную систему мер, применяемую для определения площади участка: *пѣстѣть* во 2-м знач. – ‘единица измерения земельной площади’, *длинник* – ‘мера земельной площади, равная 80 саженьям (170,5 м) в длину и 30 (64 м) саженьям в ширину’, *кувыро́к* в 1-м знач., *мах* – ‘мера длины, равная 2,134 метра’, *осьме́нник* в 1-м знач., *осьми́нник* в 1-м знач. – ‘метрическая мера земельной площади, равная 1/3 гектара’, *третня́к*, *круг* во 2-м знач. – ‘мера земельной площади, равная гектару’, *сѣте́льник* – ‘мера длины в 100 сажень (200 метров)’, *сто́лб* во 2-м знач., *сто́лбник* во 2-м знач., *сто́лбняк* – ‘мера площади, равная 80 кв. саженьям (160 кв. метрам)’. Например: *А ранѣшѣ-тѣ угороды-тѣ постѣтими мѣрили* (Редкодубье, Ардатовский район); *Длинникѣми ранѣшѣ землю мѣрили* (Старая Михайловка, Ромодановский район); *А зимли у нас цѣлѣй третня́к был* (Башкирцы, Теньгушевский район); *Асьминник зимли зѣсивали мы пиыницѣй* (Силино, Ардатовский район) (подробно см.: [Акимова, Мочалова, 2024, с. 189–190]).

Наименования земельных участков, связанных с их размером, можно разделить на две группы. Первую группу составляют имена существительные, указывающие на приблизительную величину участка или его части: *заго́нка*, *ка́рта* в 1-м знач. – ‘земельный

участок различных размеров', *кулі́жка* во 2-м знач., *кулі́шек*, *ла́стовка* в 4-м знач., *полста́тка* в 1-м знач., *полста́ть* в 1-м знач., *поста́ток*, *рубезо́к* – 'небольшой участок земли', ¹*поста́та*, *полста́тка* во 2-м знач. Например: *Землю дилили загонкѣми. И хто сваю загонку за гѣт ацыстит, этъ уш гождѣ* (Новый Ковыляй, Ельниковский район); *Паста́тък* – *ласкути́к* зимли. *Паста́тък* картошкѣй за-сажы́въли (Силеевский Майдан, Инсарский район). Дialeктизмы *рубе́ж* в 3-м знач., *уса́д* во 2-м знач. обозначают небольшой луг за огородом: *Дайчи на рубижѣх мать-и-мачиху събираль* (Новая Нечаевка, Кочкуровский район); *Баня у нас была на рубижѣ, нидѣлико ад домъ* (Силино, Ардатовский район).

Ко второй группе относятся наименования, обозначающие земельные участки определенной площади: *сороковѣха* – 'участок земли 30 сажень (64 метра) в ширину и 80 (171 метр) в длину', *четвері́к* – 'участок земли размером десять сажень на сто', *шестѣха* во 2-м знач. – 'участок земли в восемнадцать соток', *полу́кова* – 'четвертая часть десятины', *тридцáтка* в 1-м знач. – 'земельный участок в тридцать сажень', ²*улёт* – 'земельный участок, равный 0,2 гектара', ¹*пятері́к* во 2-м знач. – 'участок земли в пять сажень'. Например: *Сѣръкавухъ – этъ балы́шая диситинѣ. Три́ццѣтъ сажѣн на восимдисит в длину* (Енгальчево, Дубенский район); *Ранѣшъ нам землю пѣ шѣстѣхѣм рѣздавали* (Чеберчино, Дубенский район); *В асминки – десѣтъ сажѣн, а ф три́ццатки – три́ццѣтъ* (Майдан, Старошайговский район); *Три́ццаткѣ – этъ три́ццѣтъ сажѣн зимли* (Чуфарово, Ромодановский район); *Ско́лькѣ у миня зимли? Два улётѣ, или сорѣк сотѣк* (Енгальчево, Дубенский район); *Ф пожни чѣтыри пѣтирика* (Такушево, Теньгушевский район). Для номинации полосы земли в длину поля или усадьбы шириной полтора метра используются такие языковые единицы, как *лѣха́* в 1-м знач., *лѣшка*: *Лѣха – этъ намно́гъ менѣшѣ карты, этъ три шага, с лѣхи мно́гѣ ни събирѣш* (Челмодеевский Майдан, Инсарский район).

Отдельную группу составляют лексемы, в смысловой структуре которых, кроме указания на размер, содержится дополнительная характеристика формы участка (*кругові́на*, ¹*кружеві́на*, *кружеві́ночка* – 'небольшой участок пространства, часто округлой фор-

мы, чем-либо отличающийся от окружающей местности'), его состояния, особенностей обработки (*кулі́га* в 1-м знач., *кулі́жка* в 1-м знач. – 'небольшой участок земли, поросший однородной растительностью', *поста́ток* – 'небольшой участок обрабатываемой земли', *пóста́ть* в 1-м знач. – 'часть земельного участка различного размера, обрабатываемая в один прием; прогон').

Единичные наименования используются для обозначения надела только в зависимости от его формы: *у́скорник* во 2-м знач., *у́скорничек* – 'клинообразный участок земли'. Например: *Там уш ускѣрник пашол, быстрѣ дѣкапам* (Пермеево, Ичалковский район); *Нимношкѣ аста́льсѣ дажать, адин ускѣрничек* (Пермеево, Ичалковский район).

Участки земли

в зависимости от целевого назначения

В диалектной языковой картине мира важным параметром является характеристика земельных участков в зависимости от их предназначения. Здесь можно выделить такие обобщенные номинации, как ¹*план* в 1-м знач. – 'свободный участок земли, используемый с какой-либо целью', *плóща* во 2-м знач. – 'пространство земли, занимаемое чем-либо'. Например: *Нѣ плану рош складывали* (Надеждино, Ельниковский район); *Божѣя трафкѣ реткѣ адна растѣт, фсѣ большѣ на плóщи* (Такушево, Теньгушевский район). Более широкое распространение в диалектной среде получили названия участков, предназначенных для осуществления земледелия или животноводства.

Наименования земельных участков, предназначенных для осуществления животноводства

К этой группе относятся слова *вы́пасок*, *вы́пуск*, *кормѣжка*, *пáсево*, *поскóтина*, *толóк*, *толóка* в 1-м знач., *ухóжѣ* – 'пастбище', *вы́гон* в 1-м знач., *денні́к* – 'огороженный участок для скота около дома, загон'. Как показывает иллюстративный материал, такие участки использовались для выпаса и содержания различных домашних животных: *Тѣлку на вы́пѣскѣ пагнать надѣ* (Вед, Тенг); *Авец на вы́пуски*

пасут у нас с вясны (Лаврентьево, Темниковский район); *Льшыдей-тѣ нѣ фтарой выпуск пагнали* (Стародевичье, Ельниковский район).

Наименования земельных участков,
предназначенных для выращивания
определенных сельскохозяйственных культур

В сельской местности земельные участки могли использоваться для выращивания сельскохозяйственных культур, что подтверждают функционирующие в диалектной среде многочисленные наименования. При этом употребляются как обобщенные наименования таких угодий (¹*толі́ка* во 2-м знач. – ‘участок земли под огородными и полевыми культурами’, *плáнка* – ‘земельный участок, засеянный одной сельскохозяйственной культурой’), так и конкретные, связанные с определенными видами посевов (*карто́фь* во 2-м знач., *карто́вник* в 1-м знач., *костри́жник* – ‘земельный участок, на котором сажают картофель’, *кочні́к* – ‘небольшой участок земли в огороде, где выращивают капусту на семена’, *махо́рочная* – ‘участок земли, засаженный табаком’, *оржа́нище* в 1-м знач. – ‘ржаное поле’). Например: *Щас вон у сяла планкѣ ржы идѣт, а в энѣт гот там гарох сеили* (Малый Азясь, Ковылкинский район); *У нас была таликѣ, где сеили гричиху* (Скрябино, Лямбирский район); *Домѣ-тѣ у нас нико́во нет, фсе ушли нѣ костри́жник картошку са-жать* (Кергуды, Ичалковский район); *Внучя́т паи́ли нѣ махорѣ́чню. С махорѣ́чнѣ́й мно́гѣ тѣбаку събира́м* (Лыковщина, Ромодановский район). Диалектизм *приса́дочек* используется для обозначения сада – участка земли, занятого фруктовыми деревьями: *Ф приса́дѣчкѣх-тѣ абычнѣ ви́шни, сливы расту́т, дѣ он у нас ма-ниньки́й* (Старый Город, Темниковский район).

Кроме того, примыкают к этой группе слов наименования земельных участков, связанных с характером посевов: *глуби́нка* – ‘семенной участок’, *вы́падок* – ‘участок поля, на котором погибли посевы’. Например: *Нончы озимѣ у нас горит, мно́гѣ выпѣ́ткѣф сталѣ* (Пичеуры, Чамзинский район); *Глуби́нкѣф мно́гѣ засе́или* (Большие Поляны, Ардатовский район). Заметим, что участки земли после уборки посевов (²*га́ть, жни́во* – ‘поле после уборки хлебов’, *оржа́нище* во 2-м знач. – ‘поле, с которого убрана рожь’) могли использоваться

для выпаса домашних животных: *Вот убя́рут хля́ба, аве́ц па́сть на га́ти бу́дут* (Кушки, Темниковский район); *Аве́ц ны́нчи нѣ аржа́нищи́х па́сли, там травы́ ф стирне мно́гѣ висно́й вы́рѣслѣ. Цѣ́лый де́нь нѣ аржа́нищу́ кру́жыли офѣ́ы* (Усыскино, Инсарский район).

Отдельную группу составляют названия огорода – участка земли, чаще всего огороженного забором и предназначенного для выращивания овощей и других огородных растений: *обо́ц*, ¹*подста́вка* в 3-м знач., *по́змá* во 2-м знач., *позьмо́* в 3-м знач. Как показывает иллюстративный материал, в Республике Мордовия широко распространено разведение различных культур, практически повсеместно возделывается картофель: *Ф па́зѣми расту́т овѣ́щи* (Пушкино, Ромодановский район); *В нони́шним га́ду на по́зми се́или то́лькѣ па́цсолну́х* (Лыковщина, Ромодановский район); *Нѣ па́зьме у нас карто́шку са́дѣ́ют* (Елизаветинка, Большеберезниковский район); *Пайду́ нѣ па́зьмо́ лук па́лотѣ* (Ишейки, Темниковский район); *Па́зьмѣ мы карто́шкѣ́й заса́жы́вѣ́м* (Сиалеевский Майдан, Инсарский район). Зафиксированы также наименования узкой полосы вскопанной земли в огороде – грядки: *лѣ́ха* в 4-м знач., *ме́жá*. Например: *Аста́рожнѣ́, на ле́хѣ́м ни ха́дити, там ма́ркофѣ́* (Нагаево, Инсарский район).

Участки земли, связанные с характером обработки

Одним из важных параметров в оценке земли диалектоносителями является определение характера, возможности и особенностей ее обработки. Пахотная земля называется *позѣ́м* в 1-м знач., *позьмо́* в 1-м знач.: *Типе́рь ка́кой бу́л па́зѣ́м – фсе́ в де́ли, фсе́ роди́т хле́п* (Кулишейка, Рузаевский район). Можно выделить также наименования как обработанных или обрабатываемых участков (*барлы́к* – ‘вспаханный, но не засеянный участок земли’, *засѣ́в* – ‘засеянный участок поля’, *пря́жка* во 2-м знач., *полста́тка* во 2-м знач., *полста́тъ* в 3-м знач., ¹*постáта*, *постáтка*, *постáтъ* в 1-м знач. – ‘полоса земли, обрабатываемая за один прием (при косье, жатве и т. п.), прогон’), так и длительное время не возделываемых или неудобных для пахоты (*за́ло́г, за́лежни* – ‘давно не паханная земля, залежь’, *не́паи́ш* – ‘давно не обраба-

тываемая пахотная земля', *луговинник* в 1-м знач. – 'непаханая, не подвергавшаяся обработке земля', *запарок*, *неудобье* – 'участок земли, неудобный для пахоты'). Например: *Здесь астаюцъ залижни, пѣтаму шть нильзя пахать. Раньшѣ-тѣ залижний не былѣ, а таперь усат-тѣ атрезъли – ни себе, ни людим* (Елизаветинка, Большеберезниковский район); *У нас непѣши рѣспахали* (Петровка, Большеберезниковский район); *Нам запѣркѣф пять досталѣсь фсѣво, а так хорошѣ земля* (Пичеуры, Чамзинский район); *Рѣскопалѣ луговинник дѣ пѣсадиѣ луку* (Суподеевка, Ардатовский район). Примыкает к этой группе слов устойчивое сочетание *как на ялѣне житѣ* – 'на невозделанном, необжитом участке земли': *Уш лет деситѣ как в нашу диревню приехѣли, а фсѣ как нѣ ялани жывѣут. Дажѣ агарот ни зѣвили* (Стародевичье, Ельниковский район).

Участки земли, связанные с расположением в пространстве

В русских говорах Мордовии встречаются наименования земельных участков, в смысловой структуре которых содержится указание на их удаленное расположение от населенного пункта: *запольное* [*пѣле*] – 'поле, находящееся далеко от селения', *ярмавка* – 'дальний участок пахотной земли или пастбища'. Например: *Нѣ запольнѣм поли сеил я пѣшыницѣ* (Ирсеть, Старошайговский район); *Свѣклу в етѣм гаду нѣ запольнѣм поли пасеили, дѣлико хадитѣ* (Тепловка, Кочуровский район). Отдельные языковые единицы обозначают земельные участки по особенностям их географического расположения: *поднагѣрица* – 'земельный участок, расположенный на возвышенном месте', *извѣл* – 'возвышенный участок луга, заросший кустарником'. Например: *А нѣ пѣднагѣришыни сеют када авѣс, када рош, а када и пшаницѣ* (Стародевичье, Ельниковский район); *В наших лугах извѣлѣф-тѣ много былѣ. Я в дефкѣх-тѣ зѣ чирѣмухѣй и малинѣй туда хадилѣ* (Яковщина, Рузаевский район).

Наименования межи, обозначающей границы земельных участков

Широко распространены в диалектной среде наименования межи: *брѣвка*, *брод*,

валовѣк, *головнѣк*, ¹*гранѣ*, ¹*грѣбѣнѣ*, *кряж* в 3-м знач., *лавнѣк* в 1-м знач., *лѣха* во 2-м знач., *луговинник* во 2-м знач., *межнѣк*, *пѣсканѣ*, *рез*, *рубѣж* в 1-м знач., *рубѣжик*, ¹*столб* в 1-м знач., *столбѣице*, *столбнѣк* в 1-м знач., *трѣпочка*, *умѣжѣк*. Межа представляла собой необрабатываемую узкую тропинку между двумя участками земли, которая служила для обозначения их границ: *Фсѣю зиллю вѣльвѣками рѣздиѣли* (Ефаево, Краснослободский район); *Вѣлавѣк-тѣ на агароди мы ни фспахѣвѣм, он так ы астаѣцѣ из годѣ в гот* (Шаверки, Краснослободский район); *На грѣбни мы ничаво ни сажам. Цаво сажатѣ, фсѣ равно ничаво ни вырѣстит. На грѣбни-тѣ адна трава растѣт* (Мельцаны, Старошайговский район). Примыкает к этой группе диалектизм *рубѣиш*, называющий полосу непаханой земли между полями: *Сѣнѣ пѣлажыли нѣ рубѣишѣ, а иво раздуѣлѣ* (Протасово, Ичалковский район). Кроме того, для обозначения границ участка может использоваться узкая сжатая полоска – ¹*подстѣвка*: *Атметѣ пацѣстафкѣй мой учѣстѣк, а я апасѣла выжну* (Аксѣл, Темниковский район).

Наименования, связанные с характером использования наделов

К тематической группе наименований земельных участков примыкают и другие языковые единицы, называющие различные понятия, признаки и процессы, непосредственно связанные с характером использования наделов. Здесь можно выделить слова различных частей речи: имена существительные, обозначающие человека по отношению к земельным участкам; имена прилагательные, которые называют их свойства и дают оценку; глаголы, которые называют действия, связанные с обработкой различных угодий. Остановимся на их рассмотрении.

Наименования человека по отношению к земельным участкам

В исследуемых говорах зафиксированы устаревшие наименования человека по его отношению к земельным участкам. Как правило, они содержат указание на способ приобрете-

ния или выделения надела: *жива́к* – ‘член семьи, который получал земельный надел в дореволюционной России’, *купча́р* – ‘крестьянин, арендовавший землю’. Например: *Землю-ту давали раньше токъ на кажнѣвъ жывака* (Шаверки, Краснослободский район); *Приходит купчяр, зими ему малъ, плотит дорѣгъ* (Старая Михайловка, Ромодановский район).

*Наименования признаков,
связанных с характеристикой и оценкой
земельных участков*

В русских говорах Мордовии зафиксированы единичные прилагательные, которые характеризуют человека по его отношению к земле (*межнѣй* – ‘жадный на землю’) или оценивают непосредственно сам участок (*пусты́нный* – ‘ничем не засаженный’). Например: *У тибя уш ели ноги двигѣющѣ, а ты сѣ две усадѣбы сажаш. Больнѣ уш ты мижня* (Шалы, Атюрьевский район); *Пусты́нный агарот у маей сасетки* (Сосновый Гарт, Большеберезниковский район). Небольшая частотность адъективной лексики в говорах объясняется сложной смысловой структурой имен существительных, которые не только называют предмет, но и содержат его дополнительную качественную характеристику, ср.: *люба́винка* в 1-м знач. – ‘лучший участок луга, земли’.

*Наименования действий,
связанных с использованием
земельных участков*

В исследуемых говорах представлены немногочисленные глагольные лексемы, связанные с определением границ земельных участков и их обработкой:

– *лешѣть, разлешѣть* – ‘обозначать границы земельных участков, межевать’. Например: *Кривѣ лешыи между-ту, нѣ чужой усат полес* (Суподеевка, Ардатовский район); *Где Ванькѣ-тѣ? – Участки пѣт картошку рѣзлѣшат* (Суподеевка, Ардатовский район);
– *вырезѣть* – ‘отводить, нарезать участок земли’. Например: *Калхос нам выризат землю пѣд агарот и избу пастроит* (Кайбичево, Дубенский район);

– *прогонѣть* – ‘обрабатывать участок земли какого-либо размера или собирать урожай с него’. Например: *Она одна за динѣ прѣгонѣт деситѣ борост во весь усат, ей никаких помошникѣф не надѣ* (Суподеевка, Ардатовский район).

Заключение

Пространственные реалии были самыми ранними из воспринятых и осознанных людьми, поскольку «первобытное сознание было способно вначале воспринимать лишь то, что находится на поверхности, не вникая глубоко в сущность вещей, в существенные и необходимые связи, лежащие в основе тех или иных процессов и явлений» [Маслиева, 1980, с. 75], и поэтому «прежде всего осознаются связи сосуществования в пространстве, затем, в соотнесенности с ними, связи временные; в русском языке нет ни одного временного предлога, который по своему происхождению не был бы пространственным» [Якубинский, 1953, с. 255].

В русских говорах Республики Мордовия представлено несколько способов номинации локальных реалий – различных земельных участков. Наиболее активно диалектоносителями употребляются имена существительные, называющие участки земли в зависимости от их принадлежности, размера, формы, целевого назначения и особенностей обработки, а также по их отношению к какому-либо объекту (дому, усадьбе, населенному пункту и др.). К этой группе примыкают и другие наименования, непосредственно относящиеся к земельным участкам: имена существительные, обозначающие единицы измерения площади, длины надела, а также наименования человека по отношению к земельным участкам. Небольшую группу составляют имена прилагательные, которые характеризуют свойства земельных участков и дают их оценку; глаголы, которые называют действия, связанные с обработкой различных угодий. Языковые единицы этой тематической группы составляют одну из наиболее древних и устойчивых частей словарного состава русских народных говоров, отражают освоение человеком реального мира и практическое использование им окружающей среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова Э. Н., Маслова А. Ю., Мочалова Т. И., 2014. Этнолингвокультурологическая интерпретация бытовой и обрядовой фразеологии русских говоров Республики Мордовия // Современное состояние и перспективные векторы развития филологии, лингвистики, языкознания и коммуникативистики : в 3 т. Т. 1. Ростов-на-Дону : Науч. сотрудничество. С. 73–99.
- Акимова Э. Н., Мочалова Т. И., 2024. Квантитативные характеристики в языковой картине мира диалектоносителя // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 4. С. 184–195. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.14>
- Астахина Л. Ю., 1982. Особенности наименований участков в русских сельскохозяйственных книгах XVI–XVIII вв. // Системные отношения в лексике северновеликорусских говоров. Вологда : Изд-во Волог. гос. пед. ин-та. С. 106–120.
- Беляева О. П., 1964. Местная лексика, связанная с обозначениями земельных участков // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ин-та. С. 93–103.
- Боброва (Богачева) М. В., 2004. Земледельческая терминология, отраженная в ойконимии Пермской области // Проблемы лингвистического краеведения. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та. С. 27–33.
- Ванюшечкин В. Т., 1959. Земледельческая и смежная с ней лексика в говоре поселений по р. Курше (Рязанская Мещера) // Ученые записки Рязанского педагогического института. Вып. XXV. С. 255–275.
- Задумина П. Н., 2015. Наименования сенокосных угодий в вологодских говорах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». № 5. С. 83–86.
- Каримова Т. Н., 2017. Географическая лексика в говорах Приамурья // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. № 4–5 (90–91). С. 206–211.
- Корнеева В. В., 2006. Ландшафтная лексика в языковом сознании этноса (по данным ассоциативного словаря) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 16–23.
- Маслиева О. В., 1980. Становление категории причинности. Ленинград : Наука. 105 с.
- Мочалова Т. И., Нарбикова Г. Р., 2017. Способы номинации природных географических объектов в русских говорах Республики Мордовия // Русский язык в диалоге культур. Саранск : Изд-во Морд. ун-та. С. 368–373.
- Мызникова Я. В., 2020. Лексика земледелия в русских говорах Симбирского Заволжья // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). Санкт-Петербург : Наука. С. 615–627.
- Нарбикова Г. Р., Мочалова Т. И., 2016. Наименования природных географических объектов в русских говорах Республики Мордовия // Русский язык в контексте национальной культуры. Саранск : Изд-во Морд. ун-та. С. 142–146.
- Неганова Г. Д., 2016. Названия сельскохозяйственных угодий в пространстве культурного ландшафта Костромской низины // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 1 (154). С. 49–52.
- Теуш О. А., 2016. Наименования приусадебных участков в русских говорах Европейского Севера // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). Санкт-Петербург : Нестор-История. С. 453–460.
- Флягина М. В., 2020. Народная географическая терминология севернорусского происхождения в донских говорах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. № 1 (144). С. 178–183.
- Якубинский Л. П., 1953. История древнерусского языка. Москва : Учпедгиз. 370 с.
- Blok H. P., 1955/56. Localism and deixis in Bantu linguistik // Lingua. Vol. 5. P. 376–386.

СЛОВАРЬ

СРГРМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2 ч. Санкт-Петербург : Наука, 2013. Ч. 1. 672 с. ; Ч. 2. С. 673–1560. (Сплош. паг. частей).

REFERENCES

- Akimova E.N., Maslova A.Yu., Mochalova T.I., 2014. Etnolingvokulturologicheskaya interpretatsiya bytovoј i obrjadovoј frazeologii russkikh govorov Respubliki Mordovija [Ethnolinguoculturological Interpretation of the Everyday and Ritual Phraseology of the Russian Dialects of the Republic of Mordovia]. *Sovremennoje sostojanije i perspektivnye vektory razvitija filologii, lingvistiki, jazykoznanija i kommunikativistiki: v 3 t. T. 1.* [The Current State and Promising Vectors of Development of Philology, Linguistics, Linguistics and Communication Studies. In 3 Vols. Vol. 1]. Rostov-on-Don, Nauch. sotrudnichestvo Publ., pp. 73-99.
- Akimova E.N., Mochalova T.I., 2024. Kvantitativnye kharakteristiki v jazykovoj kartine mira dialektonositelja [Quantitative Characteristics in the Linguistic Worldview of a Dialect Speaker]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 4, pp. 184-195. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.14>
- Astakhina L.Ju., 1982. Osobennosti naimenovanij uchastkov v russkikh selskokhozjajstvennykh knigakh XVI–XVIII vv. [Features of Names of Plots in Russian Agricultural Books of the 16th – 18th Centuries]. *Sistemnyje otnoshenija v leksike severnovelikorusskikh govorov* [System Relations in the Vocabulary of Northern Russian Dialects]. Vologda, Izd-vo Volog. gos. ped. in-ta, pp. 106-120.
- Beljaeva O.P., 1964. Mestnaja leksika, svjazannaja s oboznachenijami zemelnykh uchastkov [Local Vocabulary Related to the Designations of Land Plots]. *Voprosy fonetiki, slovoobrazovanija, leksiki russkogo jazyka i metodiki jego prepodavanija* [Issues of Phonetics, Word Formation, Vocabulary of the Russian Language and Methods of Teaching]. Perm, Izd-vo Perm. gos. ped. in-ta, pp. 93-103.
- Bobrova (Bogacheva) M.V., 2004. Zemledelcheskaja terminologija, otrazhennaja v ojkonomii Permskoj oblasti [Agricultural Terminology Reflected in the Oikonymy of the Perm Region]. *Problemy lingvisticheskogo krajevedenija* [Problems of Linguistic Local History]. Perm, Izd-vo Perm. gos. ped. un-ta, pp. 27-33.
- Vanjushechkin V.T., 1959. Zemledelcheskaja i smezhnaja s nej leksika v govore poselenij po r. Kurshe (Rjazanskaja Meshchera) [Agricultural and Related Vocabulary in the Dialect of Settlements Along the Curonian River (Ryazan Meschera)]. *Uchenyje zapiski Rjazanskogo pedagogicheskogo instituta* [Proceedings of the Ryazan Pedagogical Institute], iss. XXV, pp. 255-275.
- Zadumina P.N., 2015. Naimenovanija senokosnykh ugodij v vologodskikh govorakh [The Names of Grasslands in Vologda Dialects]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Serija «Gumanitarnye i sotsialnye nauki»* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences], no. 5, pp. 83-86.
- Karimova T.N., 2017. Geograficheskaja leksika v govorakh Priamur'ja [Geographical Vocabulary in the Dialects of the Amur Region]. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, no. 4-5 (90-91), pp. 206-211.
- Korneeva V.V., 2006. Landshaftnaja leksika v jazykovom soznanii etnosa (po dannym assotsiativnogo slovarja) [Landscape Vocabulary in the Linguistic Consciousness of an Ethnic Group (According to the Associative Dictionary)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkulturnaja kommunikatsija* [Proceedings of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 16-23.
- Maslieva O.V., 1980. *Stanovlenije kategorii prichinnosti* [The Formation of the Category of Causality]. Leningrad, Nauka Publ. 105 p.
- Mochalova T.I., Narbikova G.R., 2017. Sposoby nominatsii prirodnykh geograficheskikh ob'ektov v russkikh govorakh Respubliki Mordovija [Russian Russian Language in the Dialogue of Cultures]. *Russkij jazyk v dialoge kultur* [The Russian Language in the Dialogue of Cultures]. Saransk, Izd-vo Mord. un-ta, pp. 368-373.
- Myznikova Ja.V., 2020. Leksika zemledelija v russkikh govorakh Simbirskogo Zavolzh'ja [Russian Dialects of Agriculture in the Simbirsk Trans-Volga Region]. *Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovanija)* [Lexical Atlas of Russian Vernacular Dialects (Materials and Research)]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 615-627.
- Narbikova G.R., Mochalova T.I., 2016. Naimenovanija prirodnykh geograficheskikh ob'ektov v russkikh govorakh Respubliki Mordovija [Russian Russian Language in the Context of National Culture: The Names of Natural Geographical Objects in the Russian Dialects of the Republic of Mordovia]. *Russkij jazyk v kontekste natsionalnoj kultury* [Russian Language in the Context of National Culture]. Saransk, Izd-vo Mord. un-ta, pp. 142-146.
- Neganova G.D., 2016. Nazvanija selskokhozjajstvennykh ugodij v prostranstve kulturnogo landshafta Kostromskoj niziny [The Names of Agricultural Lands in the Cultural Landscape of Kostroma Lowland]. *Uchenyje zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (154), pp. 49-52.

- Teush O.A., 2016. Naimenovanija priusadebnykh uchastkov v russkikh govorakh Jevropejskogo Severa [Russian Dialects of the European North Have Names of Household Plots]. *Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovanija)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)]. Saint Petersburg, Nestor-Istorija Publ., pp. 453-460.
- Fljagina M.V., 2020. Narodnaja geograficheskaja terminologija severnorusskogo proiskhozhdenija v donskikh govorakh [Folk Geographical Terminology of the Northern Russian Origin in the Don Dialects]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskije nauki* [Izvestija of the Volgograd State Pedagogical University], no. 1 (144), pp. 178-183.
- Jakubinskiy L.P., 1953. *Istorija drevnerusskogo jazyka* [The History of the Old Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz. 370 p.
- Blok H.P., 1955/56. Localism and Deixis in Bantu Linguistic. *Lingua*, vol. 5, pp. 376-386.

DICTIONARY

Slovar russkikh govorov na territorii Respubliki Mordovija: v 2 ch. [Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia. In 2 Pts.]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2013, pt. 1. 672 p.; pt. 2, pp. 673-1560. (Consecutive Pagination of the Parts).

Information About the Authors

Elvira N. Akimova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Cross Cultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, akimovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0883-2173>

Tatiana I. Mochalova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department Russian Philology and Cross Cultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

Информация об авторах

Эльвира Николаевна Акимова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, akimovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0883-2173>

Татьяна Ивановна Мочалова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.3>

UDC 81'221

LBC 81.116

Submitted: 10.11.2025

Accepted: 02.02.2026

AXIOLOGICAL TEXT ANNOTATION AS A RESEARCH METHODOLOGY (A CASE STUDY OF THE VALUE PROFILE OF YOUTH BLOGS)¹

Tatyana V. Leontyeva

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article presents a methodology for axiology-based annotation of blogosphere texts aimed at constructing the value profile of digital personalities. The author posits that contemporary axiolinguistics actively utilizes textual data to identify value markers. The relevance of referring to linguoaxiology of the youth bloggers' narratives stems from the need to monitor the value systems disseminated in the digital space, given that young people are the most ideologically malleable and dependent demographic, whose well-being significantly impacts the future of society. The novelty of this work lies in addressing the methodological gap in comprehensive approaches to studying the axiological foundations of discourse, particularly in the blogosphere, and proposing an original algorithm for axiological text annotation (or value-based text markup) to build the value profile of digital personalities. A three-stage approach is developed, emphasizing that the accuracy of subsequent analysis hinges on the initial stage of compiling a digital profile of internet users based on sociographic data and social media metrics. The second stage involves revealing and describing specific discursive means of value self-identification by bloggers (value names, discourse markers, syntactic templates, etc.). The third stage focuses on modelling the value case of digital personalities through comprehensive data interpretation and distinguishing unique combinations of axiological elements.

Key words: axiolinguistics, blogosphere, values, axiological categories, discourse analysis, axiological text annotation algorithm, value names.

Citation. Leontyeva T.V. Axiological Text Annotation as a Research Methodology (A Case Study of the Value Profile of Youth Blogs). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 3, pp. 29-46. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.3>

УДК 81'221

ББК 81.166

Дата поступления статьи: 10.11.2025

Дата принятия статьи: 02.02.2026

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗМЕТКА ТЕКСТА КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТНОГО ПРОФИЛЯ МОЛОДЕЖНЫХ БЛОГОВ)¹

Татьяна Валерьевна Леонтьева

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Статья посвящена методологии аксиологической разметки текстов блогосферы с целью построения ценностного профиля цифровой личности. Автор исходит из тезиса, что современная аксиолингвистика активно использует текстовые данные для выявления ценностных маркеров. Актуальность обращения к лингвоаксиологии нарратива молодежных блогеров обусловлена необходимостью мониторинга ценностных установок, транслируемых в цифровой среде, поскольку молодежь – это наиболее мировоззренчески гибкая и внушаемая категория, от которой между тем зависит благополучие общества в будущем. Новизна исследования определяется методологической неразработанностью комплексного подхода к изучению аксиологической основы дискурса вообще и блогосферы в частности и созданием оригинального алго-

ритма аксиологического аннотирования текстов (или ценностной разметки текста) для построения ценностного профиля цифровой личности. Предложен комплексный подход, включающий три этапа. Отмечается, что корректность последующего анализа детерминирована первым этапом – составлением цифрового профиля интернет-пользователя на основе социографических данных и метрик социальных сетей. Второй этап заключается в поиске и описании частных средств дискурсивной объективации ценностной самоидентификации блогеров (имена ценностей, дискурсивы, синтаксические шаблоны и др.). На третьем этапе осуществляется моделирование ценностного кейса цифровой личности посредством комплексной интерпретации данных и выявления уникальных комбинаций аксиологических элементов.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, блогосфера, ценности, аксиологические категории, дискурсивный анализ, алгоритм аксиологической разметки текста, имена ценностей.

Цитирование. Леонтьева Т. В. Аксиологическая разметка текста как методология исследования (на примере изучения ценностного профиля молодежных блогов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 3. – С. 29–46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.3>

Введение

Цифровая природа современной коммуникации предоставляет интернет-пользователям оригинальную возможность моделирования собственного виртуального пространства посредством создания текста в широком его понимании как любой последовательности единиц из определенной знаковой системы или даже из нескольких знаковых систем. В образующих личное пространство блогера интернет-текстах, характеризующихся мультимодальностью (поликодовостью), непременно складывается некоторый уникальный комплекс ценностей, личностно значимых установок, который можно назвать *ценностным кейсом цифровой личности*. Проектированию методики изучения этого феномена и посвящена данная статья.

На сегодня в лингвистике уже многое сделано для решения задачи описания ценностей через языковые данные. Аксиологический фокус языковедческих исследований обусловил выделение «аксиологической лингвистики» [Аксиологическая лингвистика..., 2003; Карасик, 2002, с. 5; Карасик, Твердохлебова, 2024] или «лингвистической аксиологии» [Водяницкая, 2022; Темиргазина, 2015] как научной дисциплины, ориентированной на выявление ценностей того или иного человеческого коллектива (носителей языка) лингвистическими инструментами. Иногда в качестве обозначения указанной научной области используются однословные терминологические единицы *аксиолингвистика* [Ицкович, 2025] и *лингвоаксиология* [Современная лингвоакси-

ология..., 2023], однако сравнительно нечасто. Термин *лингвоаксиология* вообще более употребителен в составе коллокаций со структурой «*лингвоаксиология* + существительное в род. п.», в которой последний элемент является обозначением речевого произведения (*лингвоаксиология дипломатического дискурса* [Беляков, 2021], *лингвоаксиология военно-политического дискурса* [Лобанова, Середенко, 2025], *лингвоаксиология прозы* [Карпухина, 2024]), что свидетельствует о понимании *лингвоаксиологии* не как науки, а скорее как системы ценностей и средств их вербализации.

Аксиологический ракурс научных изысканий присутствует как в отечественных [Арутюнова, 1984; Взгляд..., 2019; Дементьев, 2013; Дронова, 2005; Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005; Карасик, 2002; Категория оценки..., 2015; Марьянич, 2013; Мельничук, 2017; Радбиль, 2023; и др.], так и в зарубежных трудах [Бартминьский, 2011; Вежбицкая, 2002; Макаровская, 2018; Шакенова, Ташимханова, 2025; Halliday, 1978; Ismukhanova, Akmadi, 2025; Murray, Schuler, 2023; и др.]. Анализ современного состояния исследований в области выявления и описания ценностей, представленных в языковых картинах мира разных народов, демонстрирует разнообразие применяемых подходов и методов. Разрабатывается теория описания культурных доминант языковой картины мира с аксиологическим фокусом. Ценностная основа признается центром лингвокультурного концепта: в структуре концепта В.И. Карасик выделяет ценностный, образный и понятийный компоненты: «В культурных концептах выде-

ляются, на наш взгляд, по меньшей мере три стороны – образ, понятие и ценность» [Карасик, 2004, с. 134].

Методологически важной для выбранного нами ракурса исследования является зарубежная ветвь научных изысканий (широчайшая по охвату работ – европейских и американских), утверждающая перспективность прикладной идеи «конструирования ценностей», например, для продвижения товаров, услуг, проектов, должных получить одобрение общественности [Meynhardt, Chandler, Strathoff, 2016; Murray, Schuler, 2023; и др.].

В контексте развития аксиологии текста невозможно отрицать, что в условиях прочного внедрения технологий в коммуникативную практику огромное влияние на широкую аудиторию приобрели блогеры, создающие контент в социальных сетях и мессенджерах. Воздействие блогеров на молодое поколение, особенности их деятельности и речевые практики разносторонне рассматриваются в публикациях последних лет. Так, изучается специфика блогов как популярных текстов интернет-коммуникации, описывается типовой контент, публикуемый в профессиональном и любительском сегментах отечественной блогосферы, оценивается роль блогеров в развитии интернет-журналистики, в продвижении различных продуктов, личного бренда [Бауэр, 2022; Дускаева, 2011; Костин, 2023; и др.]. Исследователи признают, что контент соцсетей репрезентирует ценности авторов текстов, даже притом что он не принадлежит к дидактическим нарративам, а имеет интимную тональность или событийный характер: «Фотографии в ленте пользователя – способ не просто фиксации значимых событий, но и коммуникации в социальных сетях, разворачивающийся визуальный рассказ человека о себе, о своих ценностях и о том, что является для него важным» [Полева, Голубева, 2021, с. 102].

Однако большая часть исследований выполнена в иных ракурсах, безотносительно к изучению ценностей. Комплексных исследований ценностной составляющей блогерских нарративов, ориентированных на молодежную аудиторию, нами не выявлено, что обосновывает высокую актуальность задачи разработки подходов к изучению таких текстов с позиций лингвоаксиологии.

В рамках нашего исследования, посвященного аксиологии дискурса, интерес представляют записи в блогах, авторы которых принадлежат к российской молодежи, а также к категории подростков и детей, поскольку в соцсетях можно найти немало примеров того, что иногда даже малыши при посредничестве своих родителей вовлечены на сегодняшний день в производство интернет-контента. Новые поколения граждан делают выбор в пользу сетевого общения, поэтому ученые не могут игнорировать интернет-коммуникацию, в частности блогосферу: ее следует рассматривать как едва ли не наиболее важный объект исследования в условиях нарастания внешних и внутренних общественных угроз. Специальное внимание к вопросам диагностики и моделирования ценностных установок молодежи обусловлено тем, что в скором будущем она перейдет в другую возрастную категорию и станет определять общественно-политический курс развития государства. Мониторинг состояния ценностного фона можно проводить лингвистическими методами на языковом материале.

Материал и методы

В отношении исследовательской процедуры выявления конструктивных элементов текста, служащих маркерами той или иной ценности, мы предлагаем использовать термин *аксиологическое аннотирование текста* (или *ценностная разметка текста*).

Эта процедура предполагает пошаговый поиск в тексте средств объективации аксиологических категорий. Например, к числу языковых маркеров ценностей очевидным образом относятся не только имена ценностей (*мораль, любовь, дружба, здоровье* и т. д.), но и дискурсивные указатели (*главное, важно* и т. д.), которые, как правило, вводят оценочный компонент в высказывание и служат сигналом присвоения аксиологического статуса предмету речи и дальнейшего развития и углубления ценностного нарратива.

Об этих и прочих средствах, каждое из которых соотносительно с этапом алгоритмизованного анализа, пойдет речь далее как о компонентах алгоритма аксиологической разметки текста.

Будем далее называть единицы анализируемого материала *текстами* или *постами*, если подразумевается полная запись, опубликованная блогером в его аккаунте, и *микротекстами*, если для комментирования нами был извлечен фрагмент записи, представляющий собой некоторое единство (прежде всего с позиций темы или авторской интенции). В целом же *микротекстом* допустимо называть и полный текст записи в блоге, поскольку в этом случае *макротекстом* по отношению к нему выступает в целом весь нарратив, весь контент блогера-автора. Ср. определение Н.В. Данилевской в терминологическом словаре, обобщающее подходы к этому понятию: «МИКРОТЕКСТ – относительно самостоятельная структурно-смысловая или синтактико-тематическая единица целого текста (произведения), выступающего по отношению к этой единице как макротекст... Объем микротекста как единицы может быть разным – от целого отдельного (самостоятельного) текста до относительно самостоятельного высказывания в рамках абзаца, сложного синтаксического целого или сверхфразового единства» [Стилистический энциклопедический словарь..., 2006, с. 230]. Заметим, что современные письменные тексты в соцсетях к тому же свидетельствуют о размывании формализованных признаков текста в его классическом понимании (а значит, и микротекста), в частности, письменные высказывания могут не иметь выраженного абзацного членения.

Наши наблюдения над текстами ($n = 25\,000$), опубликованными в личных аккаунтах молодых людей 18–35 лет в социальной сети «ВКонтакте», позволили сделать ряд выводов относительно приемов выявления ценностных смыслов в нарративах блогов, установить комплекс средств текстовой объективации аксиологических категорий, разработать алгоритм исследовательской процедуры – аксиологической разметки текста или текстового массива, включающий три основных этапа (помимо собственно сбора данных и формирования корпуса текстов) с дальнейшей алгоритмизацией действий на каждом из них:

1) составление цифрового профиля интернет-пользователя или совокупности пользователей, выступивших респондентами в исследовании созданных ими текстов в аксиологическом ракурсе;

2) поиск и описание средств дискурсивной объективации ценностной самоидентификации блогеров с молодежной аудиторией в созданных ими текстах;

3) моделирование ценностного кейса цифровой личности.

Результаты и обсуждение

Этап 1: составление цифрового профиля интернет-пользователя или совокупности пользователей

Данный этап соотносится со специфической исследовательской процедурой, применяемой к речевым продуктам цифровой среды, то есть к письменным интернет-текстам, а также аудиозаписям или видеоконтенту, размещенным в виртуальном пространстве.

Сбор сведений о владельце аккаунта или блога необходим для паспортизации его коммуникативного цифрового профиля, который в той или иной мере (в зависимости от аналитических задач) должен приниматься во внимание при интерпретации текстов этого автора, поскольку аксиологический ракурс исследования обуславливает важность учета отдельных параметров, дифференцирующих выбранных для анализа респондентов. В пользовательском интерфейсе каждой социальной сети присутствует некоторый объем сведений о человеке, если он счел возможным представить информацию о себе. Профили пользователей содержат социографические данные: сетевой ник (имя пользователя) или название канала, настоящее имя, возраст, пол, местоположение, семейное положение, наличие детей, образование, профессия, место работы. Пользователи нередко публикуют информацию о своих предпочтениях, интересах, хобби.

Социальные сети фиксируют объективную количественную информацию об активности пользователей. Метрики социальных связей и взаимодействий, такие как число подписчиков, число «друзей», лайки, репосты и комментарии, позволяют оценить популярность и влияние пользователя в сообществе.

Полезным представляется собрать выше-названные сведения не по одному каналу, а по

различным соцсетям, мессенджерам, видео-платформам. Анализ множества площадок, используемых одним интернет-пользователем, позволит исследователю получить объемную картину его личностных характеристик, мировоззрения и ценностных ориентаций. Изучение аккаунтов в различных сервисах помогает проследить динамику изменения взглядов и предпочтений субъекта, установить взаимосвязи между различными аспектами его самоидентификации, а также реконструировать целостную систему аксиологических ориентиров. Такой комплексный подход обогащает понимание культурных феноменов и механизмов формирования персональной идентичности в условиях цифровой среды.

**Этап 2: поиск и описание средств
дискурсивной объективации ценностной
самоидентификации блогеров
с молодежной аудиторией
в созданных ими текстах**

Качественный анализ текстов с позиций аксиологической лингвистики предполагает поиск вербализованных в нарративе сигналов ценностных предпочтений автора высказывания. Речь идет о выявлении и систематизации основных типов дискурсивных маркеров, посредством которых носители русского языка актуализируют свои ценностные установки в речевом произведении. Однако термин *дискурсивный маркер* уже ангажирован в русской лингвистике для других объектов, а именно для служебных слов и некоторых других средств, обеспечивающих связность текста (формально это могут быть наречия, союзы, частицы, междометия, вводные слова: *надо, пора, жаль, черт вас всех подери!, ах!, уж, знаешь, далее значит, с трудом, едва, еле, на самом деле, вообще, в принципе, просто* и др.), см. обзор концепций в работе: [Кулешова, Сластникова, 2024]. Поэтому для аксиолингвистического ракурса дискурсивного анализа, в котором тоже важен поиск «маркеров в дискурсе», понадобилась другая номинация, что позволило бы устранить терминологическую двусмысленность и к тому же ввести аксиологический ракурс. А ввиду того, что дискурсивными сигналами, как будет показано далее,

выступают не только слова и конструкции, то мы предлагаем обозначить всю разнородную совокупность маркеров термином *средства дискурсивной объективации ценностей*.

1. Имена ценностей:

*системно-языковые данные как маркеры
ценностей в тексте*

Изучение лексической маркировки ценностей может осуществляться через выявление ключевых слов в тексте, обеспечивающих эксплицитную репрезентацию ценностей. Они составляют активный лексикон пишущего и тем самым представляют собой часто актуализируемые автором текста семантические «узлы». Особенно интересны в этом отношении отдельные номинации, которые, будучи давно известными носителю языка, вдруг приобретают сверхактуальность в силу востребованности в культурной конъюнктуре и состоявшегося ценностного рефрейминга (например, в настоящее время: *скрепы* [Северская, Туркина, 2024], *вдохновлять* [Леонтьева, 2022], *мотивировать, гибкость, экспертность* и др.), а также неологизмы, в частности новые единицы в речи молодежи, отражающие тенденции времени и нередко попадающие в зону метаязыковой рефлексии, — знаки новой эпохи: *шипперить, шипперство* [Leontyeva, 2021], *танг пинг «лежать плашмя», тангпинизм* [Го Лицзюнь, Ван Цзыюй, 2021; Морозова, Золотарева, 2024], *насмотренность* и мн. др. Специфика выбора вербализаторов ценностей (например, языковых инноваций и др.) интересна с позиций определения принадлежности автора текста к старой или новой лингвокультуре, в которых могут различаться либо сами ценности, либо их наименования (новая реалья и аксиологическая структура > новое слово; старая, но актуализированная или изменившаяся реалья и трансформированная аксиологическая структура > известное слово со смещением семантики или коннотации и под.).

Это слова с эксплицитно присвоенной им ценностью: исследователь отмечает их в составе массива прочих слов, использованных как материал для построения текста, на основании собственной интеракции, проникновения в текст с позиций интерпретатора. Например,

тема текста, обозначенная ключевым словом, в этом случае получает статус ценности уже на основании априорного признания высокого приоритета предмета речи как результата осознанного выбора автора контента.

Посредством анализа способов публичного речевого самовыражения интернет-пользователей можно выявить их мнения относительно общекультурных ценностей. Так, в высказывании (1) разворачивается мысль об осознании ценности веры (здесь и далее при цитировании материала сохранены орфография и пунктуация источников):

(1) Молитва это просьба, это общение. Я сегодня это прочитала. Знала и до этого, но как-то не всегда задумывалась. Получается, даже если человек не **верит** в Бога, он всё же может попробовать попросить, помолиться. Допустим, кто-то не знает, что я есть, не **верит** в это, но вдруг он где-то увидел моё имя и адрес, он ведь может отправить мне письмо, даже не **веря**, что оно дойдёт. А я бац и есть, и могу ответить на письмо.

Подобные тексты репрезентируют именно мнение как обдуманную декларацию, поэтому результат выявления ценностей в тексте через ключевые темы и прямые имена ценностей, как принято считать, имеет наименьшую языковую обусловленность и, соответственно, наивысший «потенциал лжи». Размышляя над тем, «каким образом достоверно и верифицируемо исчислить и формализовать пресловутый “язык ценностей” в естественном языке», Т.Б. Радбиль совершенно обоснованно подчеркивает, что «объективно наличествующие в языке ценности следует отличать от эксплицитных ценностных суждений тех или иных говорящих и пишущих» [Радбиль, 2020, с. 168].

На этой ступени исследования инструментами количественного анализа (анализаторы речи и под.) может быть оценена частотность языковых единиц в тексте или совокупности текстов. Данный метод предполагает выявление наиболее употребительных лексических единиц, выступающих ключевыми словами, вокруг которых формируются смысловые кластеры. Эти ключевые слова становятся основными элементами семантической сети, отражающей структуру ценностей, транслируемых автором или группой авторов.

2. Дискурсивы, или операторы неноминативного характера, как маркеры ценностей в тексте

Разновидностью аксиологических маркеров выступают дискурсивы – языковые знаки (слова и конструкции), не являющиеся именами ценностей, но вводящие ценностный модуль, то есть сигнальные фразы, упреждающие о последующем разворачивании аксиологически маркированного смысла: *ИМХО, по моему мнению, главное, подчеркну, важно, не стоит, нехорошо, правильно, предупреждаю* и т. п. В таком качестве традиционно выступают операторы долженствования (*следует, нужно, должно*), операторы благодарности (*спасибо, благодарю*), операторы пожелания (*желаю*) (см. примеры (2), (3), (4)).

(2) Уже не девятиклассница, получается... (почти)

Этот учебный год был по-настоящему тяжёлым. Да, я говорю это каждый раз, потому что легче все не становится(

Поэтому **хочу поблагодарить** всех, кто **помогал, помогает и будет помогать** мне справляться со всеми жизненными трудностями;

(3) Ну что... подведём итоги года? Ох, каким же он был насыщенным, как на позитивные, так и на негативные эмоции. Закончилась ещё одна глава моей жизни. И в любом случае я **благодарю** богов за те испытания и награды, которые они мне послали, ведь **опыт**, который я получила в этом году, – бесценен <...> **Спасибо** всем, **кто был рядышком** со мной в этом году♡ с наступающим всех;

(4) Ну шо, мой безбожник.

С днём рождения. **Желаю** счастья, здоровья и всё. Хватит с тебя. <...>

Спасибо тебе за все 9 лет, которые провёл со мной и тебе уже 14 <...>

Спасибо:

– за то что понимаешь мой фандомный плоский юмор.

– за уроки, которые заполнены ржачем и бомбежом <...>

– за всё время, проведённое в школе. Да, в следующем учебном году мы будем в разных классах <...>

Боже, пора прекращать эти спасибоны, а то в ванильность ушёл я.

Вообщем, **желаю** тебе **удачи, добра, позитива**, чтоещёможнопожелать, **креатива и меня** <...>

В качестве одного из средств текстовой объективации аксиологических категорий

можно назвать и использование рефлексива *по-хорошему* «как репрезентативного контекста для выявления ценностей особого типа – так называемых “псевдоценностей”, то есть ценностей, которые выражают относительную оценку: ‘нечто в каком-то отношении хорошо, а в каком-то отношении плохо’. <...> Установлено, что данный репрезентативный контекст является индикатором повышения ценностного регистра для номинаций, по умолчанию характеризующихся как негативно-оценочные» [Радбиль, 2023, с. 171]. Например: *по-хорошему активная / самолюбивый / прагматичный / вызывающий / амбициозный / эгоистичен / старомодный*.

В речи современной молодежи роль дискурсива, актуализирующего тему ценностей, могут выполнять своего рода пропозеомы определенной семантики – реплики идиоматической структуры с семантикой негативной оценки, которые являются метками антиценностей: *Есть вопросыки; Ну такое себе; Осуждаю*. Далее исследователь может методом интроспекции на основе построения бинарных оппозиций реконструировать собственно ценностные категории.

Перечисленные операторы дискурсивных ценностных модулей – это открытый ряд, который ждет пополнения.

3. Синтаксические шаблоны как маркеры ценностей

Аксиологическими маркерами в рамках текста, по нашим наблюдениям, могут выступать отдельные грамматические конструкции, особенно если они сами по себе, в роли уникального грамматического шаблона, есть знаки своей эпохи, то есть вошли в язык именно в этот период или, возможно, существовали ранее, но лишь сейчас проявили аномальную активность в речевой практике человеческого сообщества. Так, в речи современной молодежи «экспансивно» разросся ряд лексических заместителей позиции существительного в идиоматизированном предложно-падежном сочетании «на $S_{предл}$ » (на *драйве*, на *лайте*, на *расслабоне*, на *галстуке*, на *костюме* и т. д.). М.В. Дудорова и О.И. Северская, анализируя примеры речевой реализации этой грамматической конструкции в со-

временной речи, верно подмечают: «Важно, что слоты синтаксической конструкции заполняют так называемые *tag-words*, “слова-теги”... или “ключевые слова современности”... относящиеся к тематическим полям “Стиль”, “Психология”, “Рабочие алгоритмы”, которые находятся в центре внимания носителей языка, а потому могут характеризовать взгляды и ценности определенного периода» [Дудорова, Северская, 2024, с. 709].

4. Поризающий микротекст как маркер эксплицитных антиценностей, позволяющий провести аксиологическую реконструкцию

Помимо текстов, в которых центральным, декларативно заявленным предметом речи выступает та или иная ценностная категория, часто прямо обозначенная в тексте, в интернет-пространстве личных блогов присутствуют публичные записи, характеризующиеся высокой степенью экспрессии в связи с описанием чувств, настроений, ощущений, эмоций автора, как правило негативных, а значит затрагивающие наиболее чувствительные для него темы, при этом не содержащие имени ценности, но опосредованно отсылающие через переживания к мировоззренческой сфере и ценностям.

Вообще, нарративы молодых блогеров характеризуются превалированием утрированной эмоциональности в ущерб рациональному аргументированию в силу возрастной специфики речевого поведения авторов текстов. В личных высказываниях молодежи в блогах практически отсутствует конструктивная аргументация, даже если поднимается серьезная или дискуссионная тема, притом иногда не без влияния самого жанра, ведь, например, публикация в видеоблоге чаще характеризуется малоформатностью и расчетом не на вдумчивое слушание, а на эмоциональное вовлечение аудитории подписчиков. Высказывание часто представляет собой «крик души», содержит перечисление событий или собственных эмоций без рефлексивной рамки. Рассуждение, квалификации и поиск конструктивного выхода из сложной ситуации остаются «за кадром», поэтому в тексте отсутствуют имена ценностей, но поскольку комментированию подвергается то,

что представляет ценность для говорящего, аналитические усилия исследователя могут привести к реконструкции имени ценности, имплицитно присутствующей в тексте. В качестве примера рассмотрим запись в личном аккаунте школьницы, приведенную в одной из научных статей:

(5) Да, блин, вся жизнь моя – сплошная проблема!!!!!!! С парнем **ссоримся** постоянно, с мамой **ругаемся**, в школе все уже **достали**, **орут**, чет ваще не понимаю (думают, что если я отличница, дык и не могу двойки получать, что ли?!!!)..... <...> все равно **никому не нужна**... (цит. по: [Дускаева, 2011, с. 187]).

Данный микротекст характеризуется остро негативной тональностью и не содержит никаких имен ценностей. Но в целом содержание текста и языковые единицы *ругаемся*, *орут*, *ссоримся*, *не нужна* указывают на то, что предметом речи являются отношения между людьми, притом негармоничные, обнажающие взаимное непонимание, а значит, двигаясь «от противного», исследователь может реконструировать ценность «взаимопонимание».

5. Жанровые структуры как маркеры ценностей

Еще одним вектором исследования ценностной самоидентификации цифровой личности или группы (совокупности) людей через призму языковых данных является изучение их речевых практик через образцы их «материализации» в той или иной жанровой форме, специфической для цифровой среды.

Остановимся на одном из видов контента, создаваемого пользователями соцсетей: так называемый «статус» – лаконичное, содержательно емкое, декларативное высказывание в профиле пользователя по типу афоризма, выполняющее роль «публичной вывески» («этикетки»), поскольку отображается вверху аккаунта и может транслироваться в лентах новостей подписчиков, являющееся одним из инструментов самовыражения в актуальном времени, сообщающее читателям о текущих настроениях, состояниях владельца аккаунта, событиях из повседневной жизни в режиме постоянных обновлений (статус может меняться ежедневно). Статусы участвуют в формировании вир-

туального образа индивида, демонстрируя его ценности, убеждения и настроение, и можно предполагать, что в их основе, в имплицатуре, лежит аксиогенная ситуация, то есть событие, имеющее высокую личную значимость, такое как достижение важной жизненной цели, столкновение с серьезной проблемой или переживание сильного эмоционального потрясения. Понятие «аксиогенная ситуация» предложено В.И. Карасиком и определено как «положение дел, которое заслуживает внимания, является ценностно мотивированным и допускает переосмысление» [Карасик, 2014, с. 74]. Подразумеваются случаи из жизни, смешные или трагические, запоминающиеся ситуации, которые получают вербальное воплощение в текстах: «Существуют выработанные коммуникативной практикой специальные жанры для интерпретации аксиогенных ситуаций – легенды, притчи, пословицы, анекдоты, казуальные нарративы» [Карасик, 2014, с. 75]. Этот список жанров получает осмысление в других исследованиях и дополняется. Так, И.Т. Вепрева в продолжение разговора о жанрах, опирающихся на аксиогенные ситуации, отмечает: «Мы выделили ряд речевых жанров повседневной семейной коммуникации, в которых ценностные смыслы эксплицитированы прямыми номинациями. К ним относятся ритуализированные праздноречевые жанры семейных праздников (тосты, пожелания, поздравления), а также жанры совета, откровенного разговора, разговора по душам и назидательные разговоры взрослых с детьми» [Бартминьски и др., 2021, с. 1404].

В интернет-коммуникации аксиогенные ситуации, проходя через фильтры цифровой коммуникации – практики взаимодействия пользователей соцсетей, получают преломление в жанрах, порожденных вовлеченностью коммуникантов в виртуальную реальность, в том числе в статусах интернет-профиля.

Вполне возможно, что размещению статуса в акканте не предшествовала никакая реальная «аксиогенная ситуация», но это как раз допускает концепция В.И. Карасика, который предлагает принимать во внимание и фактические, и фикциональные ситуации [Карасик, 2014, с. 65]. Интернет-пользователь может не «придумывать» статус, не формулировать его, а выбрать понравившуюся цитату или воспроизвести чужой ранее увиден-

ный статус, однако несомненно то, что его выбор имеет в своей основе личностную «фиксацию», сформировавшуюся в результате обобщения своего или чужого опыта и вследствие своего страха в отношении гипотетической ситуации, вскрывающей высокую ценность какой-либо реальности – идеальной или материальной.

Итак, сам жанр выступает профильным средством объективации ценностей в дискурсе соцсетей. Текст жанра «статус в аккаунте соцсети» часто конструируется с использованием риторических приемов, придающих яркую запоминающуюся форму открытому объявлению ценности. Демонстративную риторичность, привлекательность словесной формы, которая реализуется в различных фигурах речи, следует трактовать как способ упреждающего информирования о собственной «ценностной идентичности», как «дискурсивный маяк» для аудитории пользователей соцсетей, позволяющий им быстро ориентироваться среди многообразия профилей в социальной сети при установлении, сохранении и разрыве межличностных контактов в обширном и пестром интернет-пространстве. Средствами достижения подобного эффекта служат разнообразные риторические фигуры (особенно популярны антитеза и хиазм):

(6) Ради будущего нужно завязывать с прошлым (Архив автора; далее – АА) (антитеза);

(7) Не беспокойся, о тебе вспомнят обязательно. Когда понадобится (АА) (парцелляция);

(8) Люди никогда не увидят того, что вы для них делаете. Они видят лишь то, что вы не делаете (АА) (хиазм);

(9) Уже поздно возвращаться назад, чтобы все правильно начать, но еще не поздно устремиться вперед, чтобы правильно закончить (АА) (хиазм).

Метафоричность высказываний часто не предполагает прямого упоминания имени ценности, поэтому требуется применение логических алгоритмов для того, чтобы обозначить ценность (и/или антиценность), выступившую имплицитным предметом речи. В частности, уместно осмысление контекстных оппозиций:

(10) Когда падает человек – все смеются. Когда падает айфон – все переживают. Люди, придите в себя (АА).

В примере (10) следует оттолкнуться от бинарной оппозиции «люди – вещи» (конкретизированной в варианте «человек – айфон») и далее через интерпретацию ее в свете противопоставления «духовное – материальное» и с учетом проекции на оппозицию «смеяться – переживать» можно реконструировать личный выбор блогера в пользу ценности «сочувствие, человеческое участие, сострадание».

(11) Я вам не карнавал. При входе в мою жизнь, снимайте **маски** (АА).

Для нахождения имени ценности в примере (11) достаточно оттолкнуться от переносного значения слова *маска* – ‘притворство, скрывающее истинную сущность кого-, чего-л.’, далее поиск антонимичного понятия приводит к слову *искренность* как обозначению ценности.

Нельзя не упомянуть в свете аксиологического разворота дискурса блогосферы еще один популярный жанр в блогах психологов, коучей, инфоцыган – аффирмации. Получившие широкое распространение техники самовнушения предлагаются и используются в качестве духовных практик. Аффирмации, мантры – это утвердительные формулировки, содержащие лаконичное тезисное описание жизненного принципа или максимально конкретизированного желаемого результата, они непременно позитивны, никогда не строятся в виде вопроса, предикация оформлена глаголами в настоящем времени, то есть желаемый результат представлен грамматическими средствами как свершившийся, имеющий локализацию не в будущем, а в текущем времени. Аффирмация всегда аксиологически значима, поскольку отражает стремление субъекта зафиксировать собственные приоритеты, личные цели и глубинные смыслы существования, «материализовать» их в вербальной форме, например:

(12) – Я отдаю только из тепла, а не из пустоты.

– Моя энергия – **ценность**, и я распоряжаюсь ею осознанно. <...>

– Я доверяю потоку жизни и знаю: всё, что даю от сердца, возвращается умноженным.

– Я свободен(а) от потребности доказывать свою ценность через отдачу.

– Я живу в равновесии – между любовью к другим и уважением к себе. 🌸

Доброе утро)

💡 Прочти это несколько раз, ставь сердечко, пересылай друзьям ❤️, и твои аффирмации начнут воплощаться в жизнь! Мир ждет тебя! Путевки на любой вкус – пиши мне, и начнем планировать! (Наталья Горяева : личный блог // ВКонтакте. 29 октября 2025. URL: https://vk.com/wall916385_21406).

Подобная форма высказывания, как верят люди, практикующие техники аффирмации, способствует формированию внутренней уверенности, мотивации и ориентации на достижение успеха, гармонии и благополучия. Этот жанр предоставляет речевой шаблон для трансляции этико-аксиологических установок в коммуникативном пространстве современной блогосферы. Так, можно констатировать широкое распространение тематик саморазвития, продуктивности, личного и семейного счастья, здоровья.

Этап 3: моделирование ценностного кейса цифровой личности

Третий этап аксиологической разметки нарратива вообще и дискурса блогосферы в частности предполагает применение к описанному материалу процедур анализа и синтеза: необходимо осуществить комплексную многовекторную интерпретацию собранных данных с целью собрать из деталей целостный портрет изучаемого объекта – авторского текста в разрезе аксиологических категорий – и создать, таким образом, модель – ценностный профиль цифровой личности. В распоряжении интерпретатора оказывается массив сведений: 1) о самом блогере; 2) об аксиологических категориях, обладающих для него значимостью; 3) о комплексе средств объективации этих категорий в текстах, принадлежащих блогеру. Именно поэтому становится возможным описать их комбинаторику, уникальную для каждого текста, для каждого блогера, для каждой возрастной или выделенной по иному параметру группы блогеров, для каждого поколения интернет-пользователей, для каждой соцсети.

Векторы интерпретации данных могут варьироваться в зависимости от целей исследования. Перечислим далее протоколы формирования структурированного представления аксиологического поля текста.

1. Выявление ключевого словаря, то есть составление перечня ключевых номина-

ций ценностей, выделенных методом контент-анализа или экспертного отбора.

2. Разработка классификации номинаций согласно традиционной шкале базовых ценностей: безопасность, комфорт, свобода, успех, развитие, справедливость, здоровье и т. п.

2.1. Слова должны быть объединены в кластеры, они могут получить идеографическое описание (реконструкция и осмысление семантической сети).

2.2. Ценности можно ранжировать согласно параметру частотности их актуализации в контенте одного блогера или в некоторой иной совокупности текстов.

2.3. Определение иерархии ценностных приоритетов и синтагматических отношений между ними проводится через установление связей между кластерами ценностей.

Посредством лингвистического инструментария может быть установлена концептуальная связь между различными ценностными категориями. Применение методик корпусного анализа текстов блогов позволяет констатировать высокую частотность совместной, одновременной актуализации двух или более ценностных категорий в одном микро-тексте (записи в блоге). Например, языковые репрезентанты таких ценностей, как работа и здоровье, с высокой степенью регулярности выступают контекстуальными соседями в рамках высказывания и микротекста поста блога. В ходе выявления ценностных конфигураций удастся реконструировать семантическую сеть, «узловые» элементы которой заняты аксиологическими категориями. Когнитивные отношения существуют в структуре человеческого познания и мышления, отражаясь в языке.

Однако в других случаях при моделировании уникальных комбинаций аксиологических элементов в рамках текста или блога выясняется, что комбинаторика ценностей вовсе не всегда обусловлена концептуальной связью понятий. Тогда корректно интерпретировать комбинаторные свойства ценностного ряда одного блогера помогает обращение к социографическим данным. Так, автор блога, имеющего 8,9 тыс. подписчиков, указывает в краткой характеристике аккаунта, что имеет психологическое образование, работает в сфере туристических услуг. Это объясняет сопряжение тема-

тик в рамках каждого поста: ведение блога организовано как регулярное (почти ежедневное) размещение записей, начинающихся, как правило, с так называемых аффирмаций и всякий раз завершающихся приглашением обратиться к автору блога для получения услуг по организации туров или переезда в другую страну.

2.4. Интересный ракурс может составить типология ценностей по иному критерию – по имплицитности / эксплицитности их репрезентации в тексте. На этом основании можно выделить ценности артикулируемые (объявленные, декларативные) и реконструируемые (субтекстовые, нерелексивные). К первым следует отнести такие аксиологические категории, которые в тексте названы прямо (зафиксированы имена ценностей), при этом нужно разделить ценности, ставшие предметом метарефлексии, обсуждения, специального комментирования в ракурсе признания их важности, и ценности, имена которых упомянуты, но без осознанного присвоения им статуса ценности, без релексивного контекста. Ко второму типу – реконструируемым ценностям – можно отнести ценности «без имени», которые ни разу не названы в тексте прямо; методологически продуктивной в данном случае представляется процедура интроспективной реконструкции ценностей «от противного», то есть восстановление позитивного члена бинарной оппозиции на контрасте с отвергаемой антиценностью.

3. Оценка номинативной плотности отдельных сегментов семантической сети – аксиологом.

4. Оценка аксиологической плотности:
– текстов разных блогеров (если исследование имеет прикладную задачу поиска блогеров для коллабораций);

– текстов различных жанров (если целью исследования является фундаментальная разработка и уточнение существующей типологии жанров);

– текстов, составляющих контент блогеров определенной возрастной группы (если предметом исследования является поколенческая специфика блогов или закономерности возрастной динамики аксиосферы).

5. Классификация блогов и разновидностей ценностных профилей блогеров в зависимости от доминирующих аксиологических

характеристик. Закономерно следует ожидать различий в актуализации ценностных категорий между различными типами блогов, поскольку «то, что может считаться положительным в одной группе, может рассматриваться отрицательно в другой» [Терехова, 2024, с. 117]. Например, по нашим наблюдениям, справедливость совершенно не обладает ценностью в мировоззрении современных молодых блогеров, однако она ожидаемо выходит на ключевые позиции среди ценностей в тематических блогах юристов (в том числе начинающих). Это означает, что логи, в которых доминирует профессионально обусловленный контент, существенно отличаются от блогов, авторы которых не актуализируют какую-либо профессиональную специфику.

6. Описание поколенческой динамики ценностей через оценку новизны и особенностей семантической трансформации имен ценностей: выявление, неологизмов, выборочное изучение ключевых номинаций, которые подверглись семантическим или стилистическим трансформациям в сравнении с номинациями, актуальными в предшествующие периоды развития языка.

6.1. Могут быть выявлены постоянные и временные категории ценностей (константы и переменные). Изменение состава и семантики ключевых номинаций в текстах блогеров разных поколений свидетельствует о трансформации восприятия базовых человеческих потребностей и принципов в условиях глобальных перемен: как правило, у дошкольника, подростка, студента и работающей молодежи набор ценностных установок существенно различается.

6.2. Социографический параметр «возраст» приобретает значение и при изучении трансформации ценностей блогера в условиях личных и общественных кризисов, поэтому интерес представляет и анализ текстового контента одного автора на разных хронологических срезах согласно периодам его взросления.

7. Дифференциация индивидуальных и групповых ценностных структур: аксиологический профиль блогера включает ряд аксиологических доминант, регулярно объективируемых в текстах блогеров, представляющих определенную субкультуру или поколение, и, с другой стороны, индивидуальные компоненты.

8. Установление корреляций между ценностными категориями и метриками блога либо текста. В частности, представляет интерес выявление наиболее читаемых постов в контексте их ценностного содержания. Возможна также оценка блогов согласно количественным характеристикам аудитории «друзей» и подписчиков. Любопытный факт асимметрии ценностных репрезентаций был установлен нами в ходе сравнительного анализа контента женских блогов семейной тематики, имеющих разное число подписчиков, и этот вопрос еще предстоит обстоятельно изучить.

Этот ряд процедур, обеспечивающих структурирование данных, полученных в ходе анализа средств объективации ценностей в тексте, без сомнения, требует дальнейшего уточнения, детализации и расширения.

В перспективе при накоплении некоторой критической массы знаний о закономерностях организации аксиологического пространства текстов в блогосфере станет возможным прогнозировать реакцию аудитории на контент определенного аксиологического профиля, а также удовлетворять запросы на осмысленное конструирование ценностного дизайна блогов (например, официальных пабликов государственных структур, муниципальных органов, предприятий и т. д.), на оптимизацию коммуникации, ее гармонизацию посредством подбора наиболее эффективных форматов взаимодействия с аудиторией с учетом ценностного профиля отдельных групп пользователей.

Заключение

Итак, в лингвистике последних десятилетий наблюдается всплеск интереса к выработке методологий, учитывающих достижения смежных дисциплин, что проявляется в таких направлениях современной лингвистической мысли, которые сопрягают две области, что подчеркнуто уже в их названиях: *политическая лингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, компьютерная лингвистика, аксиологическая лингвистика*. Гуманитарное научное знание призвано решать назревшие проблемы общественного развития. Так, в условиях меняющейся коммуникативной реальности очевидна актуальность дис-

курс-анализа блогосферы как площадки, на которой вещают молодежные блогеры, оказывающие влияние на формирования мировоззрения молодежи как основных потребителей интернет-контента. Мониторинг и моделирование продвигаемых в соцсетях ценностных констант и переменных российской молодежи с привлечением лингвистических методик может служить цели построения и сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей.

Анализ собранного материала блогерских нарративов позволил провести разработку понятийно-терминологического аппарата исследования ценностей в дискурсе социальных сетей.

Инструментом решения задачи изучения любого дискурса или текста в фокусе лингвоаксиологии видится применение **алгоритма аксиологического аннотирования текста** (или **ценностной разметки текста**), системно описывающего порядок пошагового поиска в тексте средств объективации аксиологических категорий и имеющего результатом модель портретирующего характера – ценностный кейс цифровой личности, или ценностный профиль.

Алгоритм анализа интернет-дискурса в аксиолингвистическом ракурсе включает три этапа: 1) составление цифрового профиля интернет-пользователя или совокупности пользователей; 2) поиск и описание средств дискурсивной объективации ценностной самоидентификации авторов текстов; 3) моделирование ценностного кейса цифровой личности.

На первом этапе предлагается составление цифрового профиля интернет-пользователя, которое предусматривает сбор данных о владельце аккаунта или блога. Методика включает фиксацию социографической информации об авторе блога: демографические характеристики, личные предпочтения, профессиональные данные, метрики социальных сетей (количество подписчиков, лайков, комментариев и др.). Обосновывается целесообразность сопоставления данных из различных онлайн-сервисов для получения полной картины аксиологических ориентиров пользователя, способствующей исследованию процессов формирования индивидуальной идентичности в цифровой среде.

Отнесенные ко второму этапу процедуры алгоритмизованного анализа текстового мате-

риала, нацеленного на аксиологическую разметку текста, соотносительны со средствами дискурсивной объективации ценностных доминант в нарративе, границы которого исследователь определяет сообразно задачам и специфике своих научных изысканий (это может быть один текст или массив текстов одного блогера либо совокупности блогеров, выделенной по одному из критериев: поколенческому, тематическому и т. д.). Ограничение текстового материала имеет большое значение для корректности и репрезентативности результатов исследования. Средствами объективации ценностного поля виртуальной личности могут выступать имена ценностей, дискурсивы (операторы ненормативного характера), синтаксические шаблоны, порицающие микротексты и некоторые специфические жанровые структуры.

На третьем этапе аксиологической разметки должна быть проведена комплексная интерпретация собранных данных для построения комплексного ценностного профиля цифровой личности блогера. Обосновывается необходимость применения методов анализа и синтеза для выявления ключевой номенклатуры ценностей, разработки их классификаций и моделей соотношения аксиологических категорий внутри текстов. Предлагается классификация ценностей по уровню их эксплицитности (артикулируемые и реконструируемые). Среди важнейших протоколов структурирования ценностного профиля блогера названы оценка аксиологической плотности текстов, дифференциация индивидуальных и групповых ценностных структур, типология блогов по доминантным аксиологическим характеристикам, установление комбинаций аксиологических элементов в текстах различных возрастных групп, поколений интернет-пользователей и соцсетей и т. д.

Под *ценностным кейсом цифровой личности* мы понимаем уникальный для интернет-пользователя, продуцирующего контент в своем аккаунте, комплекс ценностей (личностно значимых установок), а также выбор сценариев их текстовой реализации, предполагающий моделирование микротекстов блога с учетом трех факторов: 1) языковая личность автора блога (включающая сформированные коммуникативные навыки, речевые практики и концептосферу); 2) актуализируемая в данном микротексте интенция

автора (намерение); 3) личная интерпретация миссии блога и назначения контента в целом, которая, как правило, включает в себя и самоидентификацию своей деятельности как части общих коммуникативных практик в интернет-среде (привлечение широкой аудитории, укрепление популярности, удовлетворение потребности в признании, получение коммерческого эффекта и под.), и моделирование своего интернет-контента как уникализированного предложения для целевой аудитории.

Термин *ценностный кейс (или профиль) цифровой личности* сужает фокус этой научной модели до интернет-образа участника коммуникации, который по понятным причинам невозможно считать равным действительной совокупности мировоззренческих характеристик личности: интернет-пользователь может моделировать свое виртуальное пространство с разной степенью дистанцирования от своих реальных взглядов и принципов и с разной степенью осознанности собственных мотивов и целей. Диагностика полученной научной модели блогерского нарратива в рамках оппозиции «правда – ложь» не может быть проведена исключительно лингвистическими методами, так как сам запрос на такую оценку лежит в области социологической и психологической.

Таким образом, алгоритм дискурсивного исследования ценностных ориентиров автора текста, в том числе блогерского контента, опирается на комплекс приемов семантического, текстового, дискурс-анализа, процедур структурирования данных и моделирования интегративной аксиологической модели текста или совокупности текстов. В целом же разработка лингвистических основ исследования дискурса молодежной культуры, несомненно, требует продолжения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-01168 «Ценностные смыслы в персональном нарративе российских молодежных блогеров», <https://rscf.ru/project/25-28-01168/>

The study is supported by Russian Science Foundation, project No. 25-28-01168 “Value Meanings in the Personal Narrative of Russian Youth Bloggers”, <https://rscf.ru/project/25-28-01168/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения, 2003 : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Перемена. 181 с.
- Арутюнова Н. Д., 1984. Аксиология в механизмах языка и речи // Проблемы структурной лингвистики – 1982. Москва : Наука. С. 5–23.
- Бартми́нский Е., 2011. Место ценностей в языковой картине мира // Эволюция ценностей в языках и культурах / отв. ред. И. А. Седакова. Москва : Прованс-2000. С. 51–80.
- Бартми́нский Е., Березович Е., Вепрева И., Ковшова М., Шмелев А., 2021. Взаимодействие языка и культуры в исследовательском поле: границы и перспективы // Quaestio Rossica. Т. 9, № 4. С. 1389–1408. DOI: 10.15826/qr.2021.4.645
- Бауэр Г. В., 2022. Виртуальная самопрезентация в социальной сети «ВКонтакте» // Цифровизация. Т. 3, № 1. С. 24–40. DOI: 10.37993/2712-8733-2022-3-1-24-40
- Беляков М. В., 2021. Лингвоаксиология и лингвосомиотика дипломатического дискурса. Москва : Наука. 147 с.
- Вежбицкая А., 2002. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (4). С. 6–34.
- Взгляд на славянскую аксиологию, 2019 / отв. ред. И. А. Седакова. Москва : Ин-т славяноведения РАН. 268 с.
- Водяницкая А. А., 2022. Экспланаторный потенциал лингвистической аксиологии: анализ академических дискурсивных практик : дис. ... д-ра филол. наук. Москва. 407 с.
- Го Лицзюнь, Ван Цзыюй, 2021. Китайский концепт ТАНГ ПИНГ / ЛЕЖАТЬ НА МЕСТЕ РОВНО в восприятии россиян // Научный диалог. № 11. С. 63–81. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-63-81
- Дементьев В. В., 2013. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. Москва : Глобал Ком. 336 с.
- Дронова Л. П., 2005. Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Томск : Изд-во Том. ун-та : Том. межрегион. ин-т обществ. наук. 353 с.
- Дудорова М. В., Северская О. И., 2024. На стиле, на чиле, на панике, на волне: семантика и прагматика модной конструкции // Коммуникативные исследования. Т. 11, № 4. С. 699–714. DOI: 10.24147/2413-6182.2024.11(4).699-714
- Дускаева Л. Р., 2011. Стереотипы речевого поведения в блогосфере сообществ // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. № 2 (42). С. 183–188.
- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д., 2005. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва : Яз. слав. культур. 554 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- Ицкович Т. В., 2025. Аксиолингвистика в трактовке Уральской научной школы лингвокультурологии и стилистики // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тез. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею проф. Наталии Александровны Купиной, Екатеринбург, 17–18 апр. 2025 г. Екатеринбург : Ажур. С. 33–35.
- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Карасик В. И., 2004. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. Москва : ИНИОН РАН. С. 130–159.
- Карасик В. И., 2014. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика. № 1 (47). С. 65–75.
- Карасик В. И., Твердохлебова И. П., 2024. Аксиологическая лингвистика: от теории ценностей к реализации ценностей в языке: интервью с профессором В.И. Карасиком // Иностранные языки в школе. № 9. С. 41–44.
- Карпухина В. Н., 2024. Лингвоаксиология ранней прозы Михаила Булгакова в переводе на английский язык / В. Н. Карпухина // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. № 8. С. 393–398.
- Категория оценки и система ценностей в языке и культуре, 2015 / отв. ред. С. М. Толстая. Москва : Индрик. 432 с.
- Костин Д. М., 2023. Блогер как инструмент построения личного бренда персоны и репутации компании: тенденции и перспективы // Научный журнал. № 1 (66). С. 18–27.

- Кулешова А. В., Слестникова Т. В., 2024. Опыт исследования дискурсивных маркеров в трудах отечественных лингвистов: функционально-прагматический и функционально-семантический подходы // Научный диалог. Т. 13, № 5. С. 84–103. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-84-103
- Леонтьева Т. В., 2022. Рефрейминг слова *вдохновлять*: от опции к миссии // Критика и семиотика. № 1. С. 158–182. DOI: 10.25205/2307-1737-2022-1-158-182
- Лобанова Т. Н., Середенко В. М., 2025. Лингвоаксиология военно-политического дискурса (на материале китайязычных и англоязычных медиаресурсов) // Филология: научные исследования. № 2. С. 157–171. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.72932
- Макаровска О., 2018. Ценность человеческой души в зеркале (де)мотивационных постеров // *Antropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie miedzykulturowej, tom trzeci: aksjosfera duszy – dusza w aksjosferze*. Warszawa : Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk. С. 325–344.
- Марьянчик В. А., 2013. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. Москва : Либроком. 272 с.
- Мельничук В. А., 2017. Аксиологическая динамика русской лексики (конец XVIII – начало XXI в.) : дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург. 216 с.
- Морозова В. С., Золотарева А. А., 2024. Интернет-феномены 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») как отражение современных ценностей китайской молодежи // Современная Азия: политика, экономика, общество. № 1. С. 9–24. DOI: 10.48647/ICCA.2024.95.89.002
- Полева Н. С., Голубева Н. А., 2021. Особенности конструирования цифровой самопрезентации в виртуальном пространстве // Вопросы психологии. Т. 67, № 6. С. 102–111.
- Радбиль Т. Б., 2020. Пути и способы выявления ценностно значимой информации в естественном языке // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности : сб. ст. Москва : Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. С. 168–174.
- Радбиль Т. Б., 2023. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема *по-хорошему*) // Научный диалог. Т. 12, № 6. С. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189
- Северская О. И., Туркина Е. В., 2024. «Общность» и «скрепы» в актуальном медиадискурсе единения // Диалог: политика, право, экономика. № 2 (16). С. 60–68.
- Современная лингвоаксиология: Россия – Кыргызстан в научном диалоге, 2023. Москва : Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. 346 с.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2006 / под ред. М. Н. Кожинной. Москва : Флинта ; Наука. 696 с.
- Темиргазина З. К., 2015. Лингвистическая аксиология. Оценочные высказывания в русском языке. 2-е изд., стер. Москва : ФЛИНТА. 247 с.
- Терехова А. А., 2024. Подходы к изучению ценностей в современной лингвоаксиологии и аксиологической лингвистике // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. № 17-1. С. 112–120.
- Шакенова М. Т., Ташимханова Д. С., 2025. Медиа манипулирование: лингвистическая параметризация с применением цифровых технологий // Научный диалог. Т. 14, № 9. С. 244–269. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-244-269
- Halliday M. A. K., 1978. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London : Edward Arnold. 256 p.
- Ismukhanova G., Akmadi M., 2025. A Value-Oriented Analysis of Expert Political Discourse in Kazakhstan: A Spiral Dynamics Approach to Public Social Media Communication // *Journal of Central Asian Studies*. September. Vol. 23, № 3. P. 90–104. DOI: 10.52536/3006-807X.2025-3.005
- Leontyeva T. V., 2021. Daydreaming of Internet Users About a Someone Else's Love Relationship as a Virtual vs Real Hybrid // *Communication Today*. Vol. 12, № 2. P. 46–57.
- Meynhardt T., Chandler J. D., Strathoff P., 2016. Systemic Principles of Value Co-Creation: Synergetics of Value and Service Ecosystems // *Journal of Business Research*. Vol. 69, iss. 8. P. 2981–2989. DOI: 10.1016/j.jbusres.2016.02.031
- Murray P., Schuler J., 2023. Reclaiming the Concepts of Value and Capital // *Philosophical and Political Consequences of the Critique of Political Economy*. Cham : Springer International Publishing. P. 133–146. DOI: 10.1007/978-3-031-37545-3_6

REFERENCES

- Karasik V.I., ed., 2003. *Aksiologicheskaya lingvistika: problemy kommunikativnogo povedeniya: sb. nauch. tr.* [Axiological Linguistics: Problems of Communicative Behavior. Collection of Scientific Papers]. Volgograd, Peremena Publ. 181 p.
- Arutyunova N.D., 1984. Aksiologiya v mekhanizмах yazyka i rechi [Values in Mechanisms of Language and Speech]. *Problemy strukturnoy lingvistiki – 1982* [Problems of Structural Linguistics – 1982]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-23.
- Bartminsky E., 2011. Mesto tsennostey v yazykovoy kartine mira [The Place of Values in the Language Picture of the World]. Sedakova I.A., ed. *Evolutsiya tsennostey v yazykakh i kulturakh* [Evolution of Values in Languages and Cultures]. Moscow, Probel-2000 Publ., pp. 51-80.
- Bartmiński J., Berezovich E., Vepreva I., Kovshova M., Shmelev A., 2021. Vzaimodeystvie yazyka i kultury v issledovatel'skom pole: granitsy i perspektivy [The Interaction of Language and Culture: Research Boundaries and Perspectives]. *Quaestio Rossica*, vol. 9, no. 4, pp. 1389-1408. DOI: 10.15826/qr.2021.4.645
- Bauer G.V., 2022. Virtualnaya samoprezentatsiya v sotsialnoy seti «VKontakte» [Virtual Self-presentation in Social Network «VK»]. *Tsifrovizatsiya* [Digitalization], vol. 3, no. 1, pp. 24-40. DOI: 10.37993/2712-8733-2022-3-1-24-40
- Beliakov M.V., 2021. *Lingvoaksiologiya i lingvosemiotika diplomaticeskogo diskursa* [Linguoaxiology and Linguosemiotics of Diplomatic Discourse]. Moscow, Nauka Publ. 147 p.
- Vezhbitskaya A., 2002. Russkie kulturnye skripty i ikh otrazhenie v yazyke [Russian Cultural Scripts and Their Reflection in the Language]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 2 (4), pp. 6-34.
- Sedakova I.A., ed., 2019. *Vzglyad na slavyanskuyu aksiologiyu* [View on Slavic Axiology]. Moscow, In-t slavyanovedeniya RAN, 2019. 268 p.
- Vodyanitskaya A.A., 2022. *Ekplanatornyy potentsial lingvisticheskoy aksiologii: analiz akademicheskikh diskursivnykh praktik: dis. ... d-ra filol. nauk* [Explanatory Potential of Linguistic Axiology: Analysis of Academic Discursive Practices: Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 407 p.
- Guo Lijun, Wang Ziyu, 2021. Kitayskiy kontsept TANG PING / LEZHAT NA MESTE ROVNO v vospriyatii rossiyan [Chinese Concept TANG PING / TO LIE FLAT in Russian Perception (Texts of Internet Discourse)]. *Nauchny dialog* [Scientific Dialogue], no. 11, pp. 63-81. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-63-81
- Dementyev V.V., 2013. *Kommunikativnye tsennosti russkoy kultury: kategoriya personalnosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of Russian Culture: The Category of Personality in Lexicon and Pragmatics]. Moscow, Global Kom Publ. 336 p.
- Dronova L.P., 2005. *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Pictures of Russian World: Axiology in Language and Text]. Tomsk, Izd-o Tom. un-ta, Tom. mezheregion. in-t obshchestv. nauk Publ. 353 p.
- Dudorova M.V., Severskaya O.I., 2024. Na stile, na chile, na panike, na volne: semantika i pragmatica modnoy konstruktzii [Na Stile, Na Chile, Na Panike, Na Volne: Semantics and Pragmatics of One Fashionable Grammatical Construction]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communicative Studies], vol. 11, no. 4, pp. 699-714. DOI: 10.24147/2413-6182.2024.11(4).699-714
- Duskaeva L.R., 2011. Stereotipy rechevogo povedeniya v blogosfere soobshchestv [Speech Behavior Stereotypes in Blogosphere Communities]. *Upravlencheskoe konsultirovanie. Aktualnye problemy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Managerial Consulting. Current Issues of State and Municipal Administration], no. 2 (42), pp. 183-188.
- Zaliznyak Anna. A., Levontina I.B., Shmelev A.D., 2005. *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 554 p. (Yazyk. Semiotika. Kultura [Language. Semiotics. Culture]).
- Itskovich T.V., 2025. Aksiolingvistika v traktovke Uralskoy nauchnoy shkoly lingvokulturologii i stilistiki [Axiolinguistics According to the Interpretation of the Ural School of Linguocultural Studies and Stylistics]. *Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch., yubileyu prof. Natalii Aleksandrovny Kupinoy, Ekaterinburg, 17–18 apr. 2025 g.* [Axiological Aspects of Modern Philological Research. Abstracts of Reports at the International Scientific Conference Dedicated to the Anniversary of Professor Natalia Alexandrovna Kupina, Yekaterinburg, April 17–18, 2025]. Yekaterinburg, Azhyur Publ., pp. 33-35.

- Karasik V.I., 2002. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Karasik V.I., 2004. Lingvokulturnye kontsepty: podkhody k izucheniyu [Linguocultural Concepts: Approaches to Study]. *Sociolingvistika vchera i segodnya* [Sociolinguistics Yesterday and Today]. Moscow, INION RAN, pp. 130-159.
- Karasik V.I., 2014. Aksiogennaya situatsiya kak edinita tsennostnoy kartiny mira [Value-Generating Situation as a Unit of Value Worldview]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (47), pp. 65-75.
- Karasik V.I., Tverdokhlebova I.P., 2024. Aksiologicheskaya lingvistika: ot teorii tsennostey k realizatsii tsennostey v yazyke. Intervyu s professorom V.I. Karasikom [Axiological Linguistics: From Theory of Values to Realization of Values in Language. Interview with Prof. V.I. Karasik]. *Inostrannyye yazyki v shkole* [Foreign Languages at School], no. 9, pp. 41-44.
- Karpukhina V.N., 2024. Lingvoaksiologiya ranney prozy Mikhaila Bulgakova v perevode na angliyskiy yazyk [Linguoaxiology of Early Fiction by Mikhail Bulgakov Translated into English]. *Dinamika yazykovykh i kulturnykh protsessov v sovremennoy Rossii* [Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Contemporary Russia], no. 8, pp. 393-398.
- Tolstaya S.M., ed., 2015. *Kategoriya otsenki i sistema tsennostey v yazyke i kulture* [Category of Evaluation and System of Values in Language and Culture]. Moscow, Indrik Publ. 432 p.
- Kostin D.M., 2023. Blogger kak instrument postroeniya lichnogo brenda persony i reputatsii kompanii: tendentsii i perspektivy [Blogger as a Tool for Building Personal Brand and Company Reputation: Trends and Prospects]. *Nauchnyy zhurnal* [Scientific Journal], no. 1 (66), pp. 18-27.
- Kuleshova A.V., Slastnikova T.V., 2024. Opyt issledovaniya diskursivnykh markerov v trudakh otechestvennykh lingvistov: funktsionalno-pragmaticheskiy i funktsionalno-semanticheskiy podkhody [Experience of Studying Discourse Markers in Works of Domestic Linguists: Functional-Pragmatic and Functional-Semantic Approaches]. *Nauchnyi dialog*, vol. 13, no. 5, pp. 84-103. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-84-103
- Leontyeva T.V., 2022. Refreyning slova vdokhnovlyat: ot optsii k missii [Reframing the Word Inspire: From Option to Mission]. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], no. 1, pp. 158-182. DOI: 10.25205/2307-1737-2022-1-158-182
- Lobanova T.N., Seredenko V.M., 2025. Lingvoaksiologiya voenno-politicheskogo diskursa (na materiale kitayesazychnykh i angloyazychnykh mediarekursov) [Linguo-Axiology of Military-Political Discourse (Based on the Material of Chinese and English-Language Media Resources)]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research], no. 2, pp. 157-171. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.72932
- Makarovska O., 2018. Tsennost chelovecheskoy dushi v zerkale (de)motivatsionnykh posterov [Human Soul Value Reflected in (De)Motivational Posters]. *Antropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie miedzykulturowej, tom trzeci: aksjosfera duszy – dusza w aksjosferze*. Warszawa, Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, vol. 3, pp. 325-344.
- Maryanchik V.A., 2013. *Aksiologichnost i otsenochnost media-politicheskogo teksta* [Axiological Nature and Evaluativity of Media-Political Text]. Moscow, Librokom Publ. 272 p.
- Melnichuk V.A., 2017. *Aksiologicheskaya dinamika russkoy leksiki (konets XVIII – nachalo XXI v.): dis. ... kand. filol. nauk* [Axiological Dynamics of Russian Lexis (Late 18th – Early 21st Centuries). Cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 216 p.
- Morozova V.S., Zolotareva A.A., 2024. Internet-fenomeny tang ping («lezhat plashmya») i bai lan («opustit ruki») kak otrazhenie sovremennykh tsennostey kitayskoy molodezhi [(“Lying Flat”) and (“Put Your Hands Down”) Internet-Phenomena as a Reflection of Chinese Youth Contemporary Values]. *Sovremennaya Aziya: politika, ekonomika, obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], no. 1, pp. 9-24. DOI: 10.48647/ICCA.2024.95.89.002
- Poleva N.S., Golubeva N.A., 2021. Osobennosti konstruirovaniya tsifrovoy samoprezentatsii v virtualnom prostranstve [Features of Constructing Digital Self-Presentation in Virtual Space]. *Voprosy psikhologii*, vol. 67, no. 6, pp. 102-111.
- Radbil T.B., 2020. Puti i sposoby vyyavleniya tsennostno-znachimoy informatsii v estestvennom yazyke [Ways and Methods of Identifying Valuable Information in Natural Language]. *Sovremennaya rossiyskaya aksiosfera: semantika i pragmatica identichnosti: sb. st.* [Contemporary Russian Axiosphere: Semantics and Pragmatics of Identity. Collection of Articles]. Moscow, Gos. in-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina, pp. 168-174.

- Radbil T.B., 2023. Yazykovoe voploshchenie tsennostey v mediadiskurse Interneta po dannym korpusnogo analiza reprezentativnykh kontekstov (leksyema po-khoroshemu) [Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (The Lexeme 'po-khoroshemu')]. *Nauchnyi dialog*, vol. 12, no. 6, pp. 170-189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189
- Severskaya O.I., Turkina E.V., 2024. «Obshchnost» i «skrepy» v aktualnom mediadiskurse edineniya [“Community” and “Spiritual Bonds” in the Current Media Discourse of Unity]. *Dialog: politika, pravo, ekonomika* [Dialogue: Policy, Law, Economics], no. 2 (16), pp. 60-68.
- Sovremennaya lingvoaksiologiya: Rossiya – Kirgizstan v nauchnom dialoge* [Modern Linguoaxiology: Russia – Kyrgyzstan in Scientific Dialogue], 2023. Moscow, Gos. in-t rus. yaz. im. A. S. Pushkina. 346 p.
- Kozhina M.N., ed., 2006. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 696 p.
- Temirgazina Z.K., 2015. *Lingvisticheskaya aksiologiya. Otsenochnye vyskazyvaniya v russkom yazyke* [Linguistic Axiology. Evaluative Statements in Russian]. Moscow, FLINTA Publ. 247 p.
- Terekhova A.A., 2024. Podkhody k izucheniyu tsennostey v sovremennoy lingvoaksiologii i aksiologicheskoy lingvistike [Approaches to Studying Values in Modern Linguoaxiology and Axiological Linguistics]. *Professionalnaya kommunikatsiya: aktualnye voprosy lingvistiki i metodiki* [Professional Communication: Topical Issues of Linguistics and Methodology], no. 17-1, pp. 112-120.
- Shakenova M.T., Tashimkhanova D.S., 2025. Mediamanipulirovanie: lingvisticheskaya parametrizatsiya s primeneniem tsifrovyykh tekhnologiy [Media Manipulation: Linguistic Parameterization Through Digital Technologies]. *Nauchnyi dialog*, vol. 14, no. 9, pp. 244-269. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-244-269
- Halliday M.A.K., 1978. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London, Edward Arnold. 256 p.
- Ismukhanova G., Akmedi M., 2025. A Value-Oriented Analysis of Expert Political Discourse in Kazakhstan: A Spiral Dynamics Approach to Public Social Media Communication. *Journal of Central Asian Studies*, September, vol. 23, no. 3, pp. 90-104. DOI: 10.52536/3006-807X.2025-3.005
- Leontyeva T.V., 2021. Daydreaming of Internet Users About Someone Else’s Love Relationship as a Virtual Versus Real Hybrid. *Communication Today*, vol. 12, no. 2, pp. 46-57.
- Meynhardt T., Chandler J. D., Strathoff P., 2016. Systemic Principles of Value Co-Creation: Synergetics of Value and Service Ecosystems. *Journal of Business Research*, vol. 69, no. 8, pp. 2981-2989. DOI: 10.1016/j.jbusres.2016.02.031
- Murray P., Schuler J., 2023. Reclaiming the Concepts of Value and Capital. *Philosophical and Political Consequences of the Critique of Political Economy*. Cham, Springer International Publishing, pp. 133-146. DOI: 10.1007/978-3-031-37545-3_6

Information About the Author

Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, t.v.leontieva@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7213-1582>

Информация об авторе

Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой языков массовых коммуникаций, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, t.v.leontieva@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7213-1582>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.4>

UDC 81'322.4

LBC 81.184

Submitted: 13.10.2025

Accepted: 02.02.2026

PROTOTYPE IN NEURAL MACHINE TRANSLATION OF PROMOTIONAL TEXTS: ALGORITHMIZATION OF THE SOURCE TEXT¹

Vera A. Mityagina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Anna A. Novozhilova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article examines the quality of neural machine translation of promotional texts in the context of digitalization and the active integration of artificial intelligence into multilingual communication. The authors state that source texts should be deliberately optimized for machine translation in order to enhance the quality of translations produced by large language models (LLMs). The empirical material comprises promotional content from the multilingual website of the Singapore-based company Linguise, which develops software solutions for connecting websites to neural machine translation systems, as well as the website of the German hospitality company Traumferienhäuser Schwarzwald – presented by Linguise as a successful case of multilingual logistics. The methodology combines contrastive and translational analysis of source and target texts, aimed at identifying structural, grammatical, and lexical congruence, as well as typical transformations and translation techniques. The results prove that a high degree of predictability and adequacy in neural machine translation is achieved through the prototypization of the source text, including a modular text structure, a fixed sequence of functional blocks, syntactic simplicity, and terminological consistency. It affirms that texts oriented towards a universal international market and devoid of culturally marked and expressive vocabulary exhibit the greatest stability in automatic translation. Based on the analysis, an algorithm for creating an “ideal” promotional source text is proposed, contributing to improved quality of multilingual neural machine translation and a reduced need for post-editing.

Key words: promotional text, machine translation, neural machine translation, artificial intelligence, LLM, algorithmisation, prototype, translational analysis.

Citation. Mityagina V.A., Novozhilova A.A. Prototype in Neural Machine Translation of Promotional Texts: Algorithmization of the Source Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 3, pp. 47-57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.4>

**ПРОТОТИП В НЕЙРОСЕТЕВОМ ПЕРЕВОДЕ ПРЕЗЕНТАЦИОННОГО ТЕКСТА:
АЛГОРИТМИЗАЦИЯ ОРИГИНАЛА ¹****Вера Александровна Митягина**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Анна Алексеевна Новожилова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию качества нейросетевого машинного перевода презентационных текстов в условиях цифровизации и активного внедрения искусственного интеллекта в сферу многоязычной коммуникации. Авторы показывают, что исходный текст должен целенаправленно оптимизироваться для машинного перевода с целью повышения качества результатов, получаемых с использованием больших языковых моделей (LLM). Материалом исследования послужил презентационный контент многоязычного сайта сингапурской компании Linguise, которая занимается разработкой программ подключения веб-сайтов к нейронной системе машинного перевода, и сайт германской компании сферы гостеприимства Traumferienhäuser Schwarzwald, многоязычную логику которого обеспечила и позиционирует как свой удачный проект компания Linguise. Методика включает конфронтативный и транслатологический анализ исходных и переводных текстов, направленный на выявление структурной, грамматической и лексической конгруэнтности, а также типичных трансформаций и переводческих приемов. В результате исследования установлено, что высокая степень предсказуемости и корректности нейросетевого перевода обеспечивается за счет прототипизации оригинала: модульной структуры текста, фиксированной последовательности функциональных блоков, синтаксической простоты и терминологической однородности. Определено, что тексты, ориентированные на универсальный международный рынок и лишенные культурно маркированной и экспрессивной лексики, демонстрируют наибольшую устойчивость при автоматическом переводе. Предложен алгоритм создания «идеального» презентационного оригинала, способствующий повышению качества многоязычного нейросетевого перевода и снижению необходимости постредактирования.

Ключевые слова: презентационный текст, машинный перевод, нейросетевой перевод, искусственный интеллект, LLM, алгоритмизация, прототип, транслатологический анализ.

Цитирование. Митягина В. А., Новожилова А. А. Прототип в нейросетевом переводе презентационного текста: алгоритмизация оригинала // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 3. – С. 47–57. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.4>

Introduction

The involvement of linguistic research in the challenges of scientific-and-technological progress, realized through successive industrial revolutions, became particularly pronounced during the era of Industry 4.0. This stage of civilizational development is characterized by large-scale automation and the introduction of artificial intelligence systems, which are viewed as a prerequisite for the transition to Industry 5.0. The latter is conceptualized as a human-centric, sustainable, and resilient evolution of digital industrial transformation [Ghobakhloo et al., 2024; Vyhmeister, Castane, 2024] and is expected to develop towards cybernetic solutions and human-machine systems.

The advancement of robotics, artificial intelligence, and large language models (hereinafter – LLMs) has brought about a new technological reality in which languages function not only as a means of communication but also as objects of algorithmic processing. Under these conditions, the linguistic interpretation of the principles underlying text “construction” embedded in the functionality of LLMs, as well as planned optimization operations aimed at improving the quality of automated processing, becomes increasingly important. Digitalization gives rise to new types of discourse, transforming the status of language as a tool of social and technological interaction. Texts produced in digital environments represent a combination of verbal

and paraverbal parameters, thus reflecting the specifics of online communication and the structure of digital identity [Potapova, Kuryanova, 2021].

The aim of the present study is to propose a model of an ideal, prototypical source text in the full range of its structural, lexical, and grammatical characteristics, designed to ensure high-quality translation using neural machine translation tools.

The issue of machine translation (hereinafter – MT) quality has been discussed since its emergence in the mid-twentieth century. Neither the growing volume of translated specialized texts nor the relatively limited range of tasks addressed by automated translation has eliminated critical attitudes towards this type of translation. Historical evidence makes it possible to trace the logic of MT development as an instrument of industrial progress.

German translation scholars M. Wolf and O. Czulo conceptualize the history of machine translation as a history of “algorithmic translation,” emphasizing that translators’ efforts to structure the translation process can be traced over a long period. In particular, they refer to the works of Ramon Llull (1232–1316), who developed *ars combinatoria*, a system of formalized combination of basic concepts that made it possible to correlate symbols, letters, and terms relevant for translation from Latin into Arabic [Wolf, Czulo, 2026, pp. 6-7]. Llull is regarded as one of the intellectual forerunners of computer science, as his algorithmic combination of basic concepts represents an early form of formalized language processing [Wolf, Czulo, 2026, p. 7].

The notion of text algorithmisation is associated with the monadology of Gottfried Wilhelm Leibniz (1646–1716), according to which language and perceived reality consist of discrete units and can be described through coding. H. Breger notes that the idea of binary encoding originates with Leibniz and considers him to be a pioneer in the field of future computer sciences [Breger, 2009].

Early ideas of algorithmic language transformation are confirmed by studies of the history of twentieth-century machine translation. Thus, J. Slocum points out that the first MT projects were based on formal rules of linguistic transformation and that the transition to more complex models reflects a persistent attempt to

structure the process [Slocum, 1985]. L. Schwartz stated that concepts of a universal language and symbolic transformations formed the methodological basis of formal approaches to automatic translation [Schwartz, 2018]. L. Dostert described early stages of MT, emphasising the role of coding, analysis, and mechanical operations [Dostert, 1957]. Contemporary research indicates that the evolution of MT – from interlingual and statistical models to corpus-based and neural approaches – reflects continuous algorithmic optimization of translation processes [Mercan, Akgün, Odacıoğlu, 2024].

The twentieth century became an era of active integration of scientific-and-technological innovations into the processes of linguistic “recoding.” Alongside the development of equipment for simultaneous interpreting, several projects of automatic translation machines emerged, developed by G. Artsrouni in France and P. Troyansky in the USSR [Hutchins, 2004]. Troyansky’s ideas were more complex: his three-phase model included analysis of the source word form, transfer through a bilingual lexicon, and synthesis of the form in the target language [Wolf, Czulo, 2026, pp. 13-14].

Post-war developments in MT were shaped by advances in cryptography, including the breaking of the Enigma cipher using the Bombe – an electromechanical device considered a prototype of the computer – and by the principles proposed by W. Weaver in the *Translation Memorandum*, which conceptualized translation as a process of decoding that takes into account context, linguistic logic, and universals [Weaver, 1949].

The idea of transforming the source text according to predefined parameters as a means of translation optimization has a long history. J. Nitzke identifies text types as most suitable for automated translation, including tourism-related texts; however, the purposeful transformation of the source text as a factor influencing MT quality is not addressed in her work [Nitzke, 2026, pp. 106-107].

Controlled transformation of the source text is emphasised in the studies on controlled language. W. Hutchins notes that restricting lexical and syntactic variability increases the predictability of MT output [Hutchins, 1998]. S. O’Brien considers pre-editing as a means of

reducing the volume and complexity of post-editing by enhancing structural transparency and terminological consistency [O'Brien, 2011]. M. Siegel points out that pre-editing reveals defects in the source text, which often serve as sources of translation errors [Siegel, 2018].

Methodologically, this approach correlates with E. Nida's view of translation as a sequence of formalized operations of analysis and meaning reconstruction, oriented towards result reproducibility [Nida, 1964]. In the context of statistical and neural machine translation, this dependence is confirmed by MT research emphasizing the role of structural regularity, domain homogeneity, and standardized terminology of input data [Koehn, 2010]. Although the DIN ISO 18587 standard regulates only the post-editing stage, its provisions implicitly indicate the importance of preliminary text algorithmisation for optimizing machine translation [ISO 18587:2017...].

Thus, the algorithmisation of the source text establishes an integral component of machine translation quality. The following sections will identify specific features of an "ideal" source text that ensure accurate neural machine translation.

Materials and methods

Research material

The research material comprises various sources.

1. **Promotional content of the website of the Singapore-based company Linguise** (<https://www.linguise.com>) operating in the field of neural multilingual communication and machine translation services. The company was founded in 2014 and, since 2019, has been developing software solutions for connecting websites to neural machine translation systems. In 2021, Linguise became publicly available with content management system (hereinafter – CMS) support for WordPress and, subsequently, for Joomla. At present, the company offers translation into more than 85 languages, while the company's own website is available in 18 languages. The focus of the present study is the main section of the website in English (source text), Russian, and German, within the framework of multilinguality understood as a prerequisite for communicative equality in the digital environment [Mityagina,

Novikova, 2025; Mityagina, Novozhilova, Naumova, 2024].

2. **Promotional content of the website of the German hospitality company Traumferienhäuser Schwarzwald** (<https://www.schwarzwald-ferienhaus.net/>), whose multilingual content is provided by Linguise and presented by the latter as a successful case. The website is also available in 18 languages; however, the set of languages differs from that of the Linguise content. The analytical procedures are likewise focused on the main section of the website presented in German (source text), English, and Russian.

Research methodology

The methodology of the study includes the following stages.

1. **Contrastive analysis** of the source and target texts aimed at identifying their structural, grammatical, and lexical congruence (see: [Mityagina, Novozhilova, Shovgenina, 2019]), including:

- identification of linguistic means in the source text that optimize accurate translation into two or more languages;
- identification of linguistic means in the source text that hinder accurate translation into two or more languages.

2. **Translatological analysis** of the source and target texts aimed at identifying types of transformations and translation techniques that ensure accurate translation into more than one language.

3. **Formulation of algorithms for ensuring the quality of multilingual promotional texts** in the format of an "optimal toolkit": text length – text structure – text syntax – lexical composition.

Results and discussion

Promotional content of the Linguise website in English, Russian, and German: prototype implementation

The contrastive analysis of the main section of the Linguise website (<https://www.linguise.com/>) in English (source text), Russian, and German reveals a high degree of macrostructural congruence, confirming the universality of the

source text and its adaptability for multilingual presentation. In all language versions analyzed, the sequence of elements characteristic of corporate promotional texts is preserved: a headline with a positioning slogan, a product description, a list of functional advantages, verbal and/or visual markers of product recognition by users and partners that increase trust and reduce communicative risk for the addressee, as well as a call to action.

In the source version, the informational core is centred around the slogan-appeal:

(1) Translate your website into over 85 languages with unlimited, instant AI translations!

This slogan explicitly conveys the core function of the service to support more than 85 languages and emphasizes the immediacy of translation.

The Russian version of the slogan fully reproduces the semantic and pragmatic content of the English original but syntactically expands it by means of additional elements (original orthography and punctuation are preserved):

(2) Переведите свой веб сайт на более чем 85 языков с помощью неограниченного количества мгновенных переводов на основе искусственного интеллекта!

The norms of the Russian language motivate the use of *с помощью* and *на основе*; however, the phrase *на основе искусственного интеллекта* appears somewhat outdated. A more current and functional equivalent would be *на основе ИИ*.

In the German version, the headline retains the same structural (organizing the homepage content) and semantic load:

(3) Übersetzen Sie Ihre Website in über 85 Sprachen mit unbegrenzten, sofortigen KI Übersetzungen!

Compared to the Russian version, a greater degree of syntactic and lexical parallelism can be observed in this case. It is manifested in the functional and semantic correspondence between *with* and *mit* and in the availability of the term *KI Übersetzungen* within the LLM's lexical inventory.

The structural unity of the text is further manifested in the consistency of functional blocks across all language versions:

(4) **English:** Increase your traffic from Google, Baidu or Yandex search engines by 40%. Perfect AI translation quality. Translate all the major CMS on the market.

German: Steigern Sie Ihren Traffic von den Suchmaschinen Google, Baidu oder Yandex um 40 %. Perfekte KI-Übersetzungsqualität. Übersetzen Sie alle wichtigen CMS auf dem Markt.

Russian: Увеличьте трафик из поисковых систем Google, Baidu или Яндекс на 40%. Идеальное качество перевода ИИ. Переведите все основные CMS на рынке.

The unified organization of the text is complemented by a source-oriented preference for syntactic simplicity: the majority of sentences are simple and consist of short coordinated phrases.

This algorithm is consistently maintained throughout the hypertext: ***We will make the installation for free!*** In the Russian version, this sentence corresponds to *произведем бесплатно!* This type of syntactic compression is also observed in a parallel fragment in both the Russian and German translated texts:

(5) **English:** Get your website translated in 15 minutes **with our high-quality cloud AI translation tool – we will do this for you, free of charge!**

German: Lassen Sie Ihre Website in nur 15 Minuten **mit unserem hochwertigen Cloud-KI-Übersetzungstool übersetzen – und das kostenlos!**

Russian: Переведите свой веб-сайт за 15 минут **с помощью нашего высококачественного облачного инструмента перевода на основе искусственного интеллекта – мы сделаем это для вас бесплатно!**

Syntactic simplicity in the translated texts progresses as far as permitted by the means, norms, and usage of the target language; however, these are insufficient when the LLM continues to employ somewhat outdated correspondences. The English phrase *with high-quality cloud AI translation tool* has a direct equivalent in German, which uses borrowings typical of computer-related slang (*mit unserem hochwertigen Cloud-KI-Übersetzungstool*). In Russian, however, the abbreviation *ИИ* is not employed, resulting in the continued use of the less current *на основе искусственного интеллекта*.

At the lexical level, the English source text is characterized by vocabulary with minimal polysemy. Terminological elements, frequent in this discourse – *AI translations*, *SEO optimized*, *instant*, *CMS integrations*, *85+ languages* – are repeated across different parts of the source text, creating a stable lexical framework for translation. Borrowings from English in their original spelling are also present in the Russian content (e.g., *переводы оптимизированы для SEO*), and lexical congruence across language versions is ensured by the nominative conventions of information technology discourse.

At the same time, the promotional content under analysis contains linguistic elements that complicate automatic translation. Such lexemes include marketing clichés and idiomatic expressions, for example:

(6) Cloud AI translation or Linguae AI specialized model –

a complex terminological unit requiring mediated transfer through explanatory constructions.

(7) Used by some of the biggest companies in the world –

a statement requiring interpretative adaptation for accurate rendering in other languages. In the German and Russian versions, such expressions undergo local transformations with the aim to produce the communicative effect while accounting for the norms of the target audiences.

Translatological analysis: transformations and translation techniques

The translatological analysis of the promotional hypertext indicates the use of stable translation techniques and strategies across the website.

Grammatical structures of the English content are predominantly calqued in translation. English constructions with active infinitives and imperative forms are rendered in Russian and German by equivalent structures. The English call-to-action *Request your free installation now!* is translated into Russian as the infinitival construction *Запросить бесплатную установку сейчас* and into German as a polite imperative *Fordern Sie jetzt*

Ihre kostenlose Installation an!, preserving both the communicative function and the implicit persuasive tone.

In service descriptions, a simple proportional substitution is widely used:

(8) **English:** Our neural automatic translation tool **will elevate** your business online rank, whether you have an eCommerce website, **are** a travel and tourism provider, **international business** or even provide learning solutions for clients across the globe!

German: Unser neuronales automatisches Übersetzungstool **verbessert** Ihr Online-Ranking – egal ob Sie einen Online-Shop betreiben, im Reise- und Tourismussektor tätig sind, **international arbeiten** oder Lernlösungen für Kunden weltweit anbieten!

Russian: Наш инструмент нейронного автоматического перевода **повысит** рейтинг вашего бизнеса в Интернете, независимо от того, есть ли у вас веб-сайт электронной коммерции, **являетесь** ли вы поставщиком путешествий и туризма, **международным бизнесом** или даже предоставляете обучающие решения для клиентов по всему миру!

These examples demonstrate how grammatical and syntactic structures are transferred in the translated versions without significant deviation from the source text. In Russian, the future tense is preserved, whereas in German it is replaced by the present tense, which is typical of German when expressing future events in declarative contexts.

Thus, the German and Russian versions of the Linguae website exhibit a high degree of syntactic conservation: nominal structures of the English source are reproduced without substantial transformations. The absence of complex verbal constructions reduces the need for grammatical transformations and increases the predictability of machine translation.

At the same time, grammatical transformations motivated by asymmetries between language systems are observed. The machine translation system renders the gerund in German and Russian by means of subordinate clauses:

(9) **English:** All translations are SEO-optimized, **making it easier for users to find your content!**

German: Alle Übersetzungen sind SEO-optimiert, **sodass Nutzer Ihre Inhalte leichter finden können!**

Russian: Все переводы оптимизированы для SEO, **что облегчает пользователям поиск вашего контента!**

Terminological transfer in the material under analysis is generally achieved through established equivalents. However, certain complex English terms “burdened” with language-specific derivational and morphological features are transformed with translation techniques:

(10) *SEO optimized translations* → *переводы, оптимизированные для SEO* –

component rearrangement prevents incorrect interpretation.

(11) *KI-LLMs (große Sprachmodelle)* –

the term *LLMs* is accompanied by an explanatory translation. Neither German nor Russian has an equivalent abbreviation; therefore, *LLM* is retained in both languages in combination with an explanation (*große Sprachmodelle*, *Большие языковые модели*).

Internationally used terms (*SEO*, *AI*, *instant translations*) are successfully employed in the German and Russian versions without loss of meaning. However, the presence of such terminological inclusions also leads to violations of terminological uniformity, as double variants occur: *AI-Übersetzung* / *KI-Übersetzung*, *AI-nepeвод* / *III-nepeвод*.

An analysis of evaluative vocabulary in the English, German, and Russian versions of the Linguise website shows that markedness is functional and technologically oriented. It is realized primarily through terminological adjectives (*automatic*, *AI-powered*, *neural*) and standardized marketing formulas (*easy integration*, *seamless integration*), which are reproduced in translation without intensification or reduction of expressiveness. The absence of emotionally evaluative and culturally marked vocabulary indicates a deliberate optimization of the source text for multilingual neural

reproduction and ensures a high degree of lexico-pragmatic congruence across language versions (see Table).

The translational analysis indicates the absence of radical adaptation strategies that could significantly alter the informational structure or communicative orientation of the text. The translation retains its promotional function, which confirms Linguise’s orientation towards a universal international market and the use of a universal textual strategy for multilingual promotional materials produced through machine translation.

Algorithm for ensuring the quality of multilingual promotional texts (prototype)

Based on the analysis of the Linguise website content, an optimal algorithm for ensuring multilingual text quality can be formalized as follows:

– **text length:** modular, syntactically simple blocks allowing autonomous translation with minimal structural rearrangement;

– **text structure:** a strictly fixed sequence of elements ensures uniformity across languages (*slogan* → *description* → *advantages* → *product recognition markers* → *call to action*);

– **syntax:** predominance of active voice, short sentences, and nominal constructions reduces the likelihood of distortion in automatic translation.

– **lexical composition:** a limited, high-frequency set of terms enhances translation stability and reduces polysemy risks; the absence of complex expressive and evaluative vocabulary.

Thus, the structure and content of the Linguise website demonstrate an effective prototype of a text optimized for neural multilingual translation, making it a representative example of corporate multilingual content in the field of automated translation solutions.

Analysis of evaluative vocabulary

English	German	Russian	Comment
<i>easy integration</i>	<i>einfache Integration</i>	<i>простая интеграция</i>	A direct calque with the same degree of evaluation
<i>seamless integration</i>	<i>nahtlose Integration</i>	<i>бесшовная интеграция</i>	The metaphorical element (seamless) is preserved in all languages, but remains blurred and technical
<i>instant translations</i>	<i>sofortige Übersetzungen</i>	<i>мгновенные переводы</i>	The temporal evaluation is conveyed equivalently

*Promotional content of Traumferienhäuser
Schwarzwald in German, English,
and Russian: prototype-based modelling*

The contrastive analysis of the promotional content of the *Traumferienhäuser Schwarzwald* (<https://www.schwarzwald-ferienhaus.net/>) website reveals a combination of emotionally marked vocabulary, descriptions of tourist experience, and local markers associated with a regional tourism discourse. Importantly, both the English and Russian versions of the website are available in the format of a multilingual web presentation, which enables systematic comparative analysis.

In the German source text, the main headline and introductory block constitute an emotionally rich tourist appeal oriented towards the sensory experience of leisure: comfort, wellness, and style of stay:

(12) Die Traumferienhäuser Schwarzwald mit **Sauna, Kamin und Whirlpool** – Sind Sie auf der Suche nach einem Traum Ferienhaus...? Denn wir vermitteln besondere Traumferienhäuser Schwarzwald – und zwar nur die, die uns als Agentur zu 100% überzeugt haben.

In the English version, the key attributes of the accommodation (*sauna, fireplace, whirlpool*) are retained, but the formulation is shortened and transformed into a more universal marketing statement designed to be accessible to an international audience:

(13) The 'Black Forest dream holiday homes' with sauna, fireplace and whirlpool... Because we provide special dream holiday homes in the Black Forest – and only those that have convinced us 100% as an agency.

In the Russian version, the introductory paragraph preserves the semantic framework of the source text but is adapted to the expectations of a Russian-speaking audience, primarily through the nomination of the offered services:

(14) Дома мечты Шварцвальда с сауной, камином и гидромассажной ванной. Вы ищете апартаменты мечты с сауной или частный дом для отдыха в стиле шале...

Thus, all three versions contain comparable semantic blocks, while differing in their degree of expressiveness and detail explicitness.

The **English version** tends towards a rationalized description of tourist facilities by emphasizing accessibility, universality, and core accommodation benefits. The **Russian version** reflects the same core propositions but more frequently employs adapted collocations (*дом мечты, комфортный отдых*), which reduces the culturally specific colouring of the source text.

Translatological analysis

The translatological analysis of the multilingual website hypertext reveals that lexical and stylistic congruence between the source and translated texts is disrupted by the extensive use of neutralization, which is characteristic of automatic translation systems not oriented towards localization:

(15) German (source text):

– Das Haus ist sehr schön und liegt idyllisch mitten im Wald.

– ...Mit wunderschönem Blick auf das Bergpanorama im Schwarzwald.

– Ein hervorragend ausgestattetes Haus, schön eingerichtet...

– Wir hatten eine superschöne Zeit ...

– ...Hat alles, was das Herz begehrt.

English:

– The accommodation is very comfortable and well-equipped.

– ...With a stunning view of the Black Forest.

– Fantastic holiday home! ...Superbly equipped...

– A true haven for relaxation...

– ...Everything you could wish for.

Russian:

– Дом очень красив и расположен идиллически в лесу.

– ...С прекрасным видом на горный пейзаж Шварцвальда.

– Прекрасно оборудованный дом, красиво обставленный...

– Мы провели превосходное время...

– ...Имеет всё, что может пожелать сердце.

When the German-language content of the *Traumferienhäuser Schwarzwald* website is considered as the source text, it becomes evident that it realises a discourse strategy typical of regional tourism: moderate positive evaluation combining descriptiveness with emotional appeal. Evaluative vocabulary in the German original is primarily expressed through qualitative adjectives (*schön, idyllisch, hervorragend*) and stable

colloquial-positive formulas (*superschöne Zeit, alles, was das Herz begehrt*), which appeal to the subjective experience of leisure while remaining within communicative norms.

The English version demonstrates a systematic transformation of evaluative semantics: German descriptive-and-evaluative constructions are often reinterpreted in favour of a universal, marketing-oriented discourse. This manifests itself in intensified evaluation (*hervorragend* → *fantastic*), a shift of focus from local natural characteristics to functional benefits (*idyllisch* → *comfortable, well-equipped*), and the replacement of colloquial evaluations with metaphorical nominations (*superschön* → *a true haven for relaxation*). At the same time, it should be noted that literal rendering occasionally results in a certain artificiality of expression.

Thus, the English translation does not so much reproduce the stylistic profile of the German original as adapt it to the expectations of a global tourist audience, for whom universal markers of comfort and emotional well-being are of primary importance. The Russian version, by contrast, in most cases demonstrates a high degree of lexico-semantic congruence with the German source text. Evaluative adjectives and figurative formulas are frequently translated literally (*idyllisch* → *идиллически*; *was das Herz begehrt* → *что может пожелать сердце*), which may result in stylistic artificiality and reduced promotional effectiveness. At the same time, epithets whose literal translation would violate collocational norms are replaced by semantically close but largely neutral equivalents (*hervorragend* → *прекрасно*), which also contributes to a decrease in expressiveness: colloquial or intensifying elements of the German original lose their stylistic markedness, and the intended communicative effect is not fully achieved.

Conclusion

The conducted study demonstrates that the quality of neural machine translation of promotional texts is largely determined by the parameters of the source text, which, under conditions of using large language models, functions as a prototype for multilingual reproduction. Contrary to the widespread notion of the “self-sufficiency” of neural translation

systems, the results of the analysis confirm the necessity of deliberate algorithmisation of the source text as a key factor in translation optimization.

The contrastive analysis of multilingual promotional content reveals a stable correlation between the degree of structural and lexico-grammatical organization of the source text and the level of congruence across translated versions. The texts organised into modular blocks with a fixed sequence of functional elements demonstrate high predictability in translation and minimal divergence between language versions. Syntactic simplicity, the predominance of nominal constructions, and active voice usage contribute to a reduction in grammatical transformations and ensure the reproducibility of the promotional function of the text across languages.

Lexical analysis shows that terminological homogeneity and the use of frequent, low-polysemy nominations significantly enhance the stability of neural machine translation. At the same time, the inclusion of expressive, metaphorical, and culturally marked vocabulary characteristic of tourism discourse leads to the neutralization of evaluative meanings, stylistic losses, and shifts in communicative effect in translated versions, especially when oriented towards a global audience.

The translational analysis confirms the dominance of calquing and simple proportional substitution as the core techniques of neural machine translation, indicating a high degree of formalization of this discourse type, provided that prior prototyping of the source text is applied. The proposed algorithm – *text length* – *text structure* – *text syntax* – *lexical composition* – may be considered a practice-oriented model for designing multilingual promotional content and is of relevance for translators, localisation specialists, and developers of digital communication solutions employing AI technologies.

NOTE

¹ The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 25-28-00223), “Translatological substantiation of multilinguality of presentational content in the AI paradigm” (<https://rscf.ru/en/project/25-28-00223/>).

REFERENCES

- Breger H., 2009. Leibniz' binäres Zahlensystem als Grundlage der Computertechnologie. *Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen* 2008, S. 385-391. DOI: 10.26015/adwdocs-289
- Dostert L., 1957. Brief History of Machine Translation Research. *Research in Machine Translation*. ACL Anthology. URL: <https://aclanthology.org/1957.earlymt-1.2/>
- Ghobakhloo M., Mahdiraji H.A., Iranmanesh M., Jafari Sadeghi V., 2024. From Industry 4.0 Digital Manufacturing to Industry 5.0 Digital Society: A Roadmap Toward Human-Centric, Sustainable, and Resilient Production. *Information Systems Frontiers*. DOI: 10.1007/s10796-024-10476-z
- Hutchins J., 2004. Two Precursors of Machine Translation: Artsrouni and Trojanskij. *International Journal of Translation*, vol. 16, no. 1, pp. 11-31. URL: <https://aclanthology.org/www.mt-archive.info/IJT-2004-Hutchins.pdf>
- Hutchins W.J., 1998. Controlled Language Translation. *Machine Translation*, vol. 13, no. 2-3, pp. 191-200.
- ISO 18587:2017. *Translation Services – Post-editing of Machine Translation Output*. URL: <https://www.iso.org/standard/62970.html>
- Koehn P., 2010. *Statistical Machine Translation*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Mercan H., Akgün Y., Odacıoğlu M.C., 2024. The Evolution of Machine Translation: A Review Study. *International Journal of Language and Translation Studies*, vol. 4, no. 1, pp. 104-116.
- Mityagina V.A., Novikova E.Yu., 2025. Presentatsionalnyy diskurs: prototipicheskie kharakteristiki tekstov v lingvokulturnom izmerenii [Presentational Discourse: Prototypical Characteristics of Texts in the Linguacultural Dimension]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 24, no. 4, pp. 132-146. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.11>
- Mityagina V.A., Novozhilova A.A., Naumova A.P., 2024. Potentsial mashinnogo perevoda v muzeynom mediadiskurse: analiz sovremennykh brauzernykh sistem [Potential of Machine Translation in Museum Media Discourse: Analysis of Modern Browser Systems]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 5, pp. 87-98. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.7>
- Mityagina V.A., Novozhilova A.A., Shovgenina Y.A., 2019. Congruence of Legal Term Systems in the Tourism Internet Discourse. Popkova E., ed. *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT. Studies in Computational Intelligence*, vol. 826. Cham, Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_32
- Nida E.A., 1964. *Toward a Science of Translating*. Leiden, Brill. 331 p.
- Nitzke J., 2026. Grundlagen des Post-Editings. Czulo O., Kappus M., Hoberg F., Hrsg. *Digitale Translatologie*. Berlin, Language Science Press, pp. 105-113. DOI: 10.5281/zenodo.17523042
- O'Brien S., 2011. Towards Predicting Post-Editing Productivity. *Machine Translation*, vol. 25, no. 3, pp. 197-215. URL: https://www.researchgate.net/publication/220418997_Towards_predicting_post-editing_productivity
- Potapova R.K., Kuryanova I.V., 2021. Osobennosti issledovaniya teksta v epokhu tsifrovoy kommunikatsii [Features of Text Research in the Age of Internet-Mediated Communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 2, pp. 5-15. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.2.1
- Schwartz L., 2018. The History and Promise of Machine Translation. *Innovation and Expansion in Translation Process Research*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company. URL: https://www.researchgate.net/publication/392892827_Chapter_8_The_history_and_promise_of_machine_translation
- Siegel M., 2018. Authoring Support for Controlled Language and Machine Translation: A Report from Practice. Rehm G., Sasaki F., Stein D., Witt A., eds. *Language Technologies for a Multilingual Europe: TC3 III*. Berlin, Language Science Press, pp. 85-102. DOI: 10.5281/zenodo.1291932
- Slocum J., 1985. A Survey of Machine Translation: Its History, Current Status and Future Prospects. *Computational Linguistics*, vol. 11, no. 1, pp. 1-17. URL: <https://mt-archive.net/CL-1985-Slocum.pdf>
- Vyhmeister E., Castane G.G., 2024. When Industry Meets Trustworthy AI: A Systematic Review of AI for Industry 5.0. *ACM Computing Surveys*. DOI: 10.48550/arXiv.2403.03061
- Weaver W., 1949. *Translation. Memorandum*. Rockefeller Foundation. URL: <https://dimes.rockarch.org/objects/SrisEuJJy5DRcMhtsbvC2R>

Wolf M., Czulo O., 2026. Algorithmische Übersetzung: Die Ideengeschichte vor der Entwicklung der Maschinellen Übersetzung. Czulo O., Kappus M., Hoberg F., Hrsg. *Digitale Translatologie*. Berlin, Language Science Press, pp. 3-16. DOI: 10.5281/zenodo.17523030

SOURCES

Linguise. URL: <https://www.linguise.com>

Traumferienhäuser Schwarzwald. URL: <https://www.schwarzwald-ferienhaus.net/>

Information About the Authors

Vera A. Mityagina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, mityagina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3997-3139>

Anna A. Novozhilova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, novozilova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7601-9048>

Информация об авторах

Вера Александровна Митягина, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, mityagina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3997-3139>

Анна Алексеевна Новожилова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, novozilova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7601-9048>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.5>

UDC 81'221

LBC 81.055.51

Submitted: 20.12.2025

Accepted: 05.03.2026

DECONSTRUCTION IN COMMENTATIVE SUBGENRES AS A BASIC COGNIOVERBAL MECHANISM OF NON-COOPERATIVE REACTION TO FAKE POSTS

Sergey N. Bredikhin

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Tatiana V. Marchenko

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Nataliia A. Pelevina

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Abstract. The current online communication space is characterized by rapid growth of intentionally fabricated forms of posting deliberately false information. The common way of explicating lies, which demonstrates the greatest persuasive potential, is a fake post. The genre diversity of initial posts and their multi-interpretative nature dictate the variability of the representation of negative reactions to fake content in commentative subgenres. A non-cooperative explanation that is based on the deconstruction of cognitive and emotional dominants of the initial post remains a leading strategy. The purpose of the study is to identify and analyze the functional and pragmatic potential of the deconstruction mechanism in terms of demonstrating a non-cooperative reaction of disagreement with both the form and the generalized content of a fake post. Micro-contexts of commentaries, which transfer the exposure and rejection on lies in the original item, served as the empirical material. The scientific novelty lies in considering deconstruction as the main argumentative mechanism for verbalizing the general strategy of explanation, in identifying and analyzing the key characteristics of the variability of non-cooperative interaction and commentary. Based on the cognitive-and-discursive analysis and the integral description with parameterization of genre stratification, the authors delimitate subgenre formations: instruction, definition-based description, affirmation, which differ significantly in the type of de-objectification/objectification reflection. Deconstruction forms a special area of non-cooperative response, possessing high persuasive potential, with a sufficient degree of explication of epistemic confidence, which allows levelling out discrepancies in the interpretation of the fake, forming a stable mono-vector assessment and prevention of obviously false conflict-generating content transmission.

Key words: deconstruction, commentative subgenres, non-cooperative interaction, fake, de-objectification, objectification, definition-based description, multi-interpretative nature.

Citation. Bredikhin S.N., Marchenko T.V., Pelevina N.A. Deconstruction in Commentative Subgenres as a Basic Cognioverbal Mechanism of Non-Cooperative Reaction to Fake Posts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 3, pp. 58-67. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.5>

УДК 81'221
ББК 81.055.51

Дата поступления статьи: 20.12.2025

Дата принятия статьи: 05.03.2026

ДЕКОНСТРУКЦИЯ В КОММЕНТАТИВНЫХ СУБЖАНРАХ КАК БАЗОВЫЙ КОГНИОВЕРБАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ НЕКООПЕРАТИВНОЙ РЕАКЦИИ НА ФЕЙКОВЫЕ ПОСТЫ

Сергей Николаевич Бредихин

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Татьяна Владимировна Марченко

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Наталья Александровна Пелевина

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Аннотация. Современное онлайн-пространство характеризуется быстрым ростом интенционально сфабрикованных форм публикации заведомо ложной информации. Фейковый пост, обладающий значительным персуазивным потенциалом, является наиболее распространенным способом экспликации лжи. Разнообразие жанров инициальных постов и их мультиинтерпретативность диктуют вариативность представления негативных реакций на фейковый контент в комментативных субжанрах. Ведущей стратегией остается некооперативное объяснение, основанное на деконструкции когнитивных и эмоциональных доминант исходного поста. Цель исследования состоит в установлении и анализе функционального и прагматического потенциала механизма деконструкции с точки зрения демонстрации некооперативной реакции несогласия как с формой, так и с обобщенным содержанием фейкового поста. Эмпирическим материалом послужили микроконтексты комментариев, транслирующие разоблачение и опровержение лжи в исходном сообщении. Научная новизна заключается в рассмотрении деконструкции как основного аргументативного механизма вербализации общей стратегии объяснения, в определении и анализе ключевых характеристик вариативности некооперативного взаимодействия и комментариев. На основе когнитивно-дискурсивного анализа, комплексного описания и параметризации жанровой стратификации авторы выделяют поджанровые образования: инструкция, дефинитивное описание, утверждение, которые существенно различаются по типу распредмечивающей / опредмечивающей рефлексии. Деконструкция формирует особую область некооперативного ответа, обладающую высоким убеждающим потенциалом, а достаточная степень объяснения эпистемической уверенности позволяет сглаживать расхождения в интерпретации фейка, формируя стабильную моновекторную оценку и предотвращая передачу заведомо ложного, конфликтного контента. *Вклад авторов:* С.Н. Бредихин – разработка методологии исследования; Т.В. Марченко – анализ эмпирического материала; Н.А. Пелевина – составление картотеки исследования и анализ эмпирического материала.

Ключевые слова: деконструкция, комментативные субжанры, некооперативное взаимодействие, фейк, распредмечивание, опредмечивание, дефинитивное описание, мультиинтерпретативность.

Цитирование. Бредихин С. Н., Марченко Т. В., Пелевина Н. А. Деконструкция в комментативных субжанрах как базовый когниовербальный механизм некооперативной реакции на фейковые посты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 3. – С. 58–67. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.5>

Introduction

Mediated interaction in developing social platforms (blogging resources, social networks, instant messengers, etc.) offers broad opportunities to expand the degree of access to influence the modification vectors in conceptual-valued systems of entire communities (social groups, ethnic,

religious and professional identitarian communities), which find themselves in the sphere of influence of mediated, rather than empirically verified factors of transformation of cognitive, emotional and social reality [Hepp, Hjarvard, Lundby, 2015].

The social-constructivist approach to the concept of mediatization emphasizes the “formative” force, i.e., the generative potential, which excludes

the obligatory material reinforcement of a newsbreak, rather than the “driving force” as the catalytic potential of mediating the world through media forms. Mediation is carried out to a greater extent with regard to ideological and social contexts. This fact leads to the emergence of a virtually unlimited opportunity to transmit unverifiable data, essentially the dissemination of fake content to construct an imaginary situation and achieve goals unrelated to alethics. The meta-processual nature of the mutual influence of changes in communicative practices and sociocultural transformations creates a dynamic panorama of “deep mediatization,” where reality is perceived through the prism of a newsbreak and its intentionally conveyed evaluation [Hepp, 2012].

Thus, under the conditions of declining critical perception, even the most paradoxical newsbreak can significantly modify behavioral patterns. This tendency leads to the emergence and rapid spread of “bad” genres and genre variants in society, like viruses [Dementyev, 2015], as well as transdiscursive formations, especially in mosaic online hybrid discourses. The only area of communicative counteraction to intentionally generated false information injections can be deconstruction, as a mechanism based on the symbolic-code de-objectification and re-objectification of the formal transmission of information, since empirical verification proves ineffective in the context of deep mediatization. A note to be taken about de-objectification is that the interpretative space rests not only on real activity elements (the first level of abstraction) but also on the generalized meaning objectified in the initial fake message (the second level of abstraction). It is the way de-objectification is actualized at the third level. The deep mediatization format carries not only the risk of expanding the fake domain of social reality assessment but also conceals a toolkit to counteract truth entropy: namely, the communication infrastructure of Web 2.0 presupposes both reactivity and the initial productivity of user-generated content. Both possibilities are based on memetics principles, i.e., disturbances in the psycho-emotional space have much greater significance for the selection of newsbreaks and the increase in the degree of persuasiveness than logical-rational de-objectification [Tyler, 2011].

The main methods of exposing and communicating verification indicators were discussed in a fundamental work by a group of French authors [Barrera et al., 2020], but the explicatory and verification potential of such a universal mechanism of verbal de-objectification as deconstruction was not specifically addressed. Moreover, we believe that deconstruction, as a technique of de-objectifying and objectifying interpretation of verbal information inherent even to a reduced critical thinking level, is a form of non-cooperative response that not only allows for the uncovering of empirical inconsistencies but also communicative and cognitive markers of imagination used to alter the vector of event evaluation.

Materials and methods

To achieve the main goal of the study, namely, to determine the functional-pragmatic and explicatory potential of various forms of deconstruction in the subgenres of commentary text, a number of specific tasks must be addressed: 1) to describe deconstruction as a basic mechanism of non-cooperative communication used to bridge the gap between memetics and de-objectification; 2) to substantiate the basis for a subgenre classification of deconstructive forms of the online commentary genre; 3) to analyze the functional pragmatics of various de-objectifying-objectifying models in the explication of epistemic confidence.

The empirical material for the study comprised commentary texts on various newsbreaks containing features of imaginative intentional fake content. These texts were selected through a stratified sample using automated extraction and labeling of genre tokens and sentiment analyzers, allowing for the identification of commentary alternations within the degree of deconstructive variation and illocutionary-modal representation in formal elements. The total number of microcontexts of commentary responses selected amounted to over 40,000 items, which ensures the reliability and relative frequency of the obtained results. Moreover, the newsbreaks were structured on compliance with the necessary and sufficient conditions of formal, topical, illocutionary, and channel determination, which fully corresponds

to the already recognized classification of internet commentary genres developed by V.I. Karasik [Karasik, 2019, p. 50].

The convergence of discourse-modus analysis techniques with some modifications [Fairclough, 2003] made it possible to identify deconstructive illocution in various acts of repeated verbal objectification of the imaginative components of a fake newsbreak. Based on the cognitive-discursive analysis of the mechanisms for identifying the interpretative potential of cognitive-generative verbalizers and the constructive-explicatory potential of interpretative spaces [Boldyrev, 2019], as well as an integral description and parameterization of genre affiliation and subgenre stratification proposed by V.V. Dementyev [Dementyev, 2024, p. 12], individual de-objectifying-objectifying alternations in the unified space of an online commentary have been specified.

Results and discussion

Deconstruction as a mechanism of de-objectification/objectification understanding

In analyzing the functional and pragmatic potential of specific mechanisms for clarifying the formal means of expressing and actualizing false information in the process of non-cooperative stimulus-reactive interaction in online discourse, the key aspect is understanding deconstruction as a reverse-directed cognitive-verbal vector for clarifying the necessary and sufficient list of criterion features of the generalized image of a given phenomenon under study, facilitating the neutralization of fakes and their replacement with real components. In this interpretation, the deconstructive de-objectification of initial posts that formally do not contradict “communicative truth” and therefore do not initially provoke rejection, created as fake areas of mutation in the evaluative field of a real or virtual newsbreak, already departs from the traditional understanding of J. Derrida. In this case, the mechanistic uncovering of the logical-rhetorical inconsistencies [Avtonomova, 2000] upon which the pseudo-truth of the transmitted information is based will be insufficient to create a field of confidence (convictivity) for a non-cooperative commentary

reaction to effectively counter and neutralize the intention to remove uncritical perception. The second stage of inversion, the activation of rhetorical criticism and the a priori assumption of the unreliability of verbalization and the initial provocative nature of the text [Man, 1982], formulated by Paul de Man, are most relevant to this operation of de-objectifying and re-objectifying the formed fake image and the modified space for evaluating the described event.

The very act of deconstruction, which, depending on the degree and type of deconstruction, creates various formats of non-cooperative reaction of disagreement, includes several operations. Firstly, it is the initial understanding within the framework of the original post, which no longer employs the informational givenness for further understanding as truth in the mediatized space. It is rather a de-objectifying format of interpretation, based on the predominance of attention to the holistic perception of the generalized meaning in an organic fusion with the form of presentation over the mechanistic one. Lastly, it is the restoration of the situation of thought-action based on the consistent passage of the hermeneutic-noematic steps of meaning-derivation and transformation of the producer during the production of the initial post [Bredikhin, 2014].

The first and second levels of abstraction provide the representation of linguistic data. The first level captures immediate, raw linguistic phenomena without in-depth interpretation. The second level of abstraction involves interpreting and categorizing first-level data based on its functions, meanings, and systemic relations. Deconstruction in the case of a de-objectifying understanding of the generalized content of fake content and consistent re-objectification in clarifying the real state of affairs in the commentary’s negative reaction lead to the extraction of deconstructive schemes immanently present in each initial provocative post as well as their dynamic modification in the hypertextual space of commentary deployment at the third level of abstraction. The tertiary nature of the resulting non-cooperative re-objectification, which removes the “veil” of deep mediatization and returns the description of the event to critical perception and empirical verification, is built on a conscious interpretation of the formal and substantive aspects. It implies “living” in the social significance

of the vertical context and “understanding” (introduction into the space of one’s own significance and awareness of the need to eliminate pseudo-argumentativeness) of the formal aspects of actualization of a quasi-fact, which requires from the producer-commentator high skills of a hermeneutic-interpretative nature [Bredikhin, Alikae, 2016].

***De-objectification/objectification
stratification and functional pragmatics
of deconstructive commentary texts***

The variety of initial posts – demonstratives (presenting status and a topic), attractives (often in a dialogue form in the first person), agitatives (motivating to action), reportatives (explanatory pseudo-argumentation), and sociatives (space for the explication of pseudo-collective opinion) [Karasik, 2019, p. 50] – dictates the variability of the representation of a negative reaction to fake content, but the basic strategy in each of them remains a non-cooperative explanation based on the deconstruction of the cognitive and emotional dominants of the initial post. Note to be taken: the degree and form of deconstruction are linked in the process of de-objectification and re-objectification so that each type of initial post is most effective in the context of a specific argumentative-emotive cognitive style inherent in representatives of the linguoculture. Definitional and affirmative responses are characteristic. In the case of initial propaganda, due to their focus

on transforming social reality in an action-oriented manner, instructional comments appear.

Thus, we come to the consideration of specific possibilities of a non-cooperative, disagreeing response to eliminate a quasi-factual fake in various forms of the de-objectifying, cognitive-verbal act of deconstructive commentary.

A commentary definition is one of the most popular and situationally relevant methods of de-objectifying the content of a fake post. It involves clarifying the substantial characteristics of the event described by conveying a generally accepted and conventionalized interpretation of either individual concepts or the entire imaginative domain of the fake.

For example, in an initial post (Fig. 1), formulated in the form of a demonstrative with the intention of representing a certain “shocking” status and the cognitive significance of the message, as well as the primary actualization of the topic, the visual plan is often dominant in social networks (FCRLM, March 01, 2025).

The visual representation is initially shocking and fails to specify the topical aspect, which is conveyed only in the title *The Heart of the Blue Whale*. The basic strategy of pseudo-argumentation is a real-life model housed in a regional museum.

The commentary text of the reaction-disagreement is replete with real facts, providing a specific and detailed description of the fake object. Within the framework of a descriptive repetition of the pseudo-argumentation visualized in the initial post and the subsequent positive

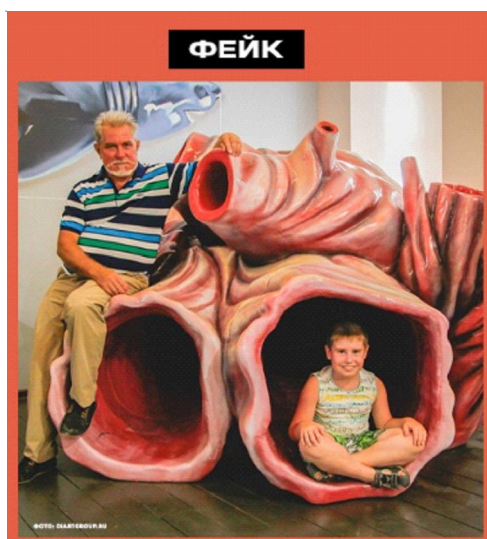

Fig. 1. The heart of the blue whale

conclusion, the commentary text verbalizes the thesis to create a counterargumentative deconstruction. Numerical data and a specific marker of epistemic confidence (an appeal to the authority of scientists) introduced into the refutation commentary completely negate the suggestion of the original demonstrative and, within the framework of the descriptive definition, create a domain of deconstruction.

(1) Is blue whale's heart the size of a passenger car, and could a person easily fit inside its vessels? You can find such a claim online, along with photographs from various museums. The photo shows that the heart and valves of the heart exhibit are truly enormous. But what about the heart of a living whale? You're probably aware that **the blue whale is the largest living animal**, weighing up to 150 tons and measuring up to 35 meters in length. **Indeed, its heart is the largest in the world.** However, **it's smaller than museum workers imagine.** <...> **Scientists have dissected animals and discovered that the size of a heart, weighing 180 kg, is nowhere near the size of a car.** The diameter of the **vessels surrounding the organ ranges from only 10 to 20 centimeters** (FCRLM, March 1, 2025).

Furthermore, the author of the commentary text visualizes the initial reactive post, representing it with a more realistic model, further intensifying readers' cognitive efforts. It should be noted that the concretizing definition, as a special type of de-objectifying online commentary, is largely formed based on a model antonymous to the initial

demonstrative fake. In the microcontext under consideration (Fig. 2), this is the initial post (model: Visualization + Verbalization) and the comment (model: Verbalization + Visualization) (FCRLM, March 1, 2025).

One more form of visual-verbal mediatization in the creation of uncritical perception based on the intimidation of fake information within the framework of an attractive initial post is given below.

(2) **I'm curious about another point:** where has the coronavirus gone now? Has all this hysteria about mask-wearing, house arrests for the entire population, and other such nonsense come to an end? **Was it successfully tackled** by injecting the public **with some kind of placebo?** (FCRLM, March 1, 2025).

In the initial fake under consideration (Fig. 3), the verbal plan, creating a dialogic quality and inviting further discussion of the imaginative topic, is intended to intimate the negative attitude toward government measures to fight the spread of COVID-19 that has formed among a wide range of readers during the lockdown and pandemic hysteria (FCRLM, March 1, 2025). Meanwhile, the visual code supposedly verifies the "conspiracy theory" commentary by displaying a newspaper article from 1976 about the awareness of the coronavirus and its successful treatment.

The successful leveling of the argumentative-intimating post is achieved through a two-level commentary deconstruction of the ascertaining-definitive type.

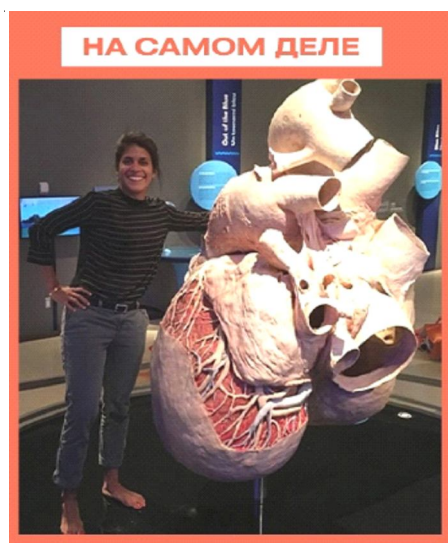

Fig. 2. In reality

Fig. 3. It is a fake

(3) ...thanks to the vaccine, you have this question. **We were able to partially defeat it!** But there are still cases, just not as many (FCRLM, March 1, 2025);

(4) ...there's a concept of **herd immunity**. We've gotten used to this virus (FCRLM, March 1, 2025).

The first-level constative comment reduces the categorical nature of the initial appeal but does not neutralize the pseudo-argumentation, thus creating the basis for reducing the suggestive potential and activating a critical attitude toward the generalized content. The secondary commentary, in the form of an introduction and a naive definition of the concept of "herd immunity," completely undermines the "invitation" to maintain a negative dialogue presented in the initial verbalization of the post. However, the pseudo-argumentation of the visual plane is preserved and neutralized in the primary definitive comments of a descriptive and deconstructive nature.

(5) **Social media users are once again claiming** that the prevention and treatment of coronavirus have been known for a long time – since the 1970s. <...> **Our reader uncovered the truth** on this matter. In fact, **the term "coronavirus" itself began** was coined in 1968, but the disease was identified much earlier. In the 1930s, it was discovered in chickens, and until the 21st century, "coronaviruses" were different. Until the early 2000s, there were virtually no publications on the virus. <...> **The drugs that were supposedly used to treat** coronavirus are also **not entirely appropriate in this context**. <...> Despite the fact that the scientific community has actively studied coronaviruses, they still **remain a mystery**. This is due to **the wide variety of subspecies**, as well as the fact that **coronavirus strains undergo a large number of mutations at the genetic level**. **Want to do a similar analysis? Read how to become an author** (FCRLM, March 1, 2025).

First, a hedged reference to a topical constative is provided, once again explicating the visual pseudo-argument as the object of deconstruction. The initial phrase about the need for content to meet the truth criterion introduces a critical aspect into the interpretive space and intensifies the cognitive efforts of the potential recipient. The subsequent definitional description represents an argumentative deconstruction of the topical basic object "coronavirus" with the introduction of numerous scientific terms, significantly increasing the additional eliminative

potential of the destruction of the fake. The finalization of the commentary disagreement takes the form of an appealing phrase, inviting the reader to actively and consciously participate in the neutralization of quasi-facts and deviating assessments in imaginative newsbreaks.

Thus, the definition represents one of the basic forms of de-objectifying-objectifying disagreement in online commentary, built on maximizing deconstruction through the de-objectification of demonstrative and attractive polycode fake initial posts.

The most interesting form is the affirmation as a commentary text, conveying the same content and creating space for positive evaluation of the newsbreak negatively presented in the initial post, with the constant deployment of concretizing and detailing components at each subsequent turn of the hermeneutic spiral.

Another example is a fake post claiming that children should be required to work starting at age 12. The information was published on a social media site with a link to Moscow Children's Rights Commissioner Olga Yaroslavskaya and accompanied by a photograph of a child miserably sweeping the street:

(6) Moscow Children's Ombudswoman Yaroslava has **conviction** that children **should start working** at age 12. She notes that most children at this age already dream of "earning **at least** a little money" (FCRLM, May 29, 2026).

The falsification is obvious due to the use of a name in the appeal to the official and the specific choice of verbalization of the modality – *has conviction* – when the verb is more typically used in similar contexts. The Ombudsman proposed an initiative to allow voluntary temporary work for those aged 12 and older during summer holidays. The original text contains the assertion that children themselves *express a desire* to work; therefore, the modality is voluntary. The commentary, updating the argumentation strategy, maintains the original level of institutionality and cites a statement by Yaroslav Nilov, head of the State Duma Committee on Labor, Social Policy, and Veterans' Affairs. The official supported the idea but emphasized that it requires a comprehensive discussion, citing the need for trade unions, employers, child welfare agencies, education, healthcare, and the parent community to participate

in the discussion, underscoring the socially important nature of the issue under discussion.

The affirmative form of a negative reactive comment obvious at the first level of hypertext division allows for modification of the topical determination of the initial post. Within its framework the multifocality of the critical component can be shifted from the precedent presented in the initial post to collective areas of knowledge about the hypothetical producer, transforming the target area of negativity of the content of the “injection” and forming the “conscious” opinion of the reader about the problem under discussion [Babina, Shevyreva, 2024, p. 50].

(7) Officially: A cat sleeping on your lap is a **valid excuse** for being late for work. Employees will no longer **be subject to disciplinary action** for being late **due to** a sleeping pet (FCRLM, June 5, 2026).

The introduction of a whole series of markers of increasing convictivity and officialese into the affirmative text (*a valid excuse, to be subject to disciplinary action, due to*) alters the vector of negativity, directing it not toward the object of description, but toward the producer of the initial post. It should be noted that the invictive content of affirmations corresponds to mild and moderate hostility [Bredikhin, Avdeev, Shishkin, 2024], which does not directly lead to the conflictivization of the commentary hyperspace, unlike the instructive form of negative reaction. Furthermore, it is necessary to point out the possibility of actualizing the pertinent space of significance of the evaluation conveyed in the comment within the framework of demonstrating the “unification” cogitem as the basis for an allusive connection of the internal, modal, and interpretative elements of the producer’s conceptual-valorem system [Bredikhin, Kamensky, Shibkova, 2024] with the most common vectors of positivization or negativity in the receiving environment.

The instruction presupposes the introduction into the re-objectifying feature structure of the described phenomenon or fact of the commentary text of an algorithm of actions according to one’s own interpretation (adequate from the point of view of the commentary producer) and assessment of the event, or a call to perform specific actions to eliminate the quasi-factual

nature of the text or online harassment of the producer of the fake post.

This very algorithm of action is proposed in the instructional commentary on the dynamic polycode newsbreak. Based on a constative that shifts the focus of topical negativity, as well as the use of an emotional appeal (*Stay alert and warn your close ones*), a monovector interpretation of the original message is created as inconsistent with empirical verification in both visual and verbal terms. Further instructions for naively de-objectifying the imaginative event are given in the form of advisories with relevant quotations specifying the fact in question, which allow, by dynamically modifying this instruction ad hoc, extrapolating its key principles to the entire fake space.

(8) The second stage involves a “**mobile operator employee**” calling the victim and asking them **to provide an SMS code**, provide their card details “**for verification**,” or download a malicious file to “**eliminate the threat**.” This allows the scammers to gain access to their personal data or device. Stay alert and warn your close ones! Don’t click suspicious links or give out personal information to strangers. If in doubt, end the conversation and call the organization on its official number (FCRLM, March 18, 2026).

The problem-related object of deconstruction in instructions, as in the previously discussed form of definitional deconstruction, is most often the propositional element of the stimulus text, although the eventfulness and situational nature of the link are not always clearly discernible. Thus, the actual content of the fake is neutralized in the initial phrase, accompanied by a radical transformation of the event based on semantic associative development. A general vector of conflict formation (*This allows the scammers to gain access to their personal data or device*) is revealed, regardless of the auditory and visual content. Based on negative hypostatization, an image of the “enemy” is created, the method of countering which is algorithmized in the instructional commentary.

Conclusion

The scientific novelty lies in examining deconstruction as the primary argumentative mechanism for verbalizing a general explanatory

strategy, as well as in identifying and analyzing the key characteristics of the cognitive-verbal, de-objectifying-objectifying variability of non-cooperative commentary. It is precisely this deobjectifying activity within the deconstruction of the basic verbalizers of the topic used in fake posts that allows us to neutralize pseudo-argumentative elements and return the interpretive activity of potential recipients to a productive discussion of the imaginative news hook, significantly increasing the cognitive effort required to re-objectify the generalized meaning in the commentary.

Based on the undertaken analysis of microcontexts, specific formations of non-cooperative commentary were delineated: instructions (descriptions of the procedure for de-objectifying content and determining its correspondence to reality), definitions (expanded term-centric argumentative descriptions of basic concepts), and affirmations (self-hypnosis based on a brief judgment of incorrectness, forming a domain of positivization of a negatively represented event). These differ significantly in the type of de-objectifying-objectifying reflection. The basic form of non-cooperative reaction in

negative commentary on social media is definitions, which constitute 57% of the total number of commentary microcontexts and have a polycode, detailing-de-objectifying nature. Affirmations (29%) are the next most common, but in some cases possess greater functional-pragmatic potential for neutralizing quasi-factual argumentation due to the argumentative-emotive style of de-objectification in the Russian segment of online interaction. Instructions (14%) represent the smallest number, and due to their ad hoc connection to reality and formal implementation in harsh hate speech, they are themselves not so much deconstructive as provocative acts. The insignificant role of the initial fake post's stratification in determining the reaction comment is noted. Deconstruction, as a basic mechanism for explicating reasoned disagreement, not only forms a special area of non-cooperative response but also, possessing a high persuasive potential, allows, with a sufficient degree of explication of epistemic confidence, to level out differences in the interpretation of a fake, to form a stable mono-vector assessment, and to prevent the transmission of obviously false conflict-generating content.

REFERENCES

- Avtonomova N.S., 2000. Derrida i grammatologiya [Derrida and Grammatology]. Derrida J. *O grammatologii* [Of Grammatology]. Moscow, Ad Marginem, pp. 7-12.
- Babina L.V., Shevyreva E.O., 2024. Interpretatsionnyy potentsial precedentnykh imen v zagolovkakh angloyazychnykh novostnykh statey [The Interpretive Potential of Precedent Names in the Headlines of the English-Language News Articles]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 1, pp. 50-61. DOI: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2024-1-50-61>
- Barrera O., Guriev S., Henry E., Zhuravskaya E., 2020. Facts, Alternative Facts, and Fact Checking in Times of Post-Truth Politics. *Journal of Public Economics*, vol. 182, pp. 1-84. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3004631>
- Boldyrev N.N., 2019. The Dominant Principle of Meaning Construction in Mind and Discourse. *Linguistic Perspectives on the Construction of Meaning and Knowledge*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, pp. 85-104.
- Bredikhin S.N., 2014. Transformatsii v rechevom potoke: proizvodstvo smyslov i upravlenie derivatsionnymi modelyami [Speechact Transformations: Sense Derivation and Derivation Model Control]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], vol. 38, no. 1, pp. 115-124.
- Bredikhin S.N., Alikaev R.S., 2016. Strategii usmotreniya i raspredmechivaniya smyslovykh konstruktov v aspekte po-nimaniya i v-zhivaniya [Techniques of Semantic Construct Discretion and Objectivation in the Light of Realization and Integration]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], vol. 47, no. 2, pp. 123-128. DOI: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-2-123-128>
- Bredikhin S.N., Avdeev E.A. Shishkin B.A., 2024. Yazyk vrazhdy v setevom prostranstve poliyetnichnykh regionov Severnogo Kavkaza: funktsionalno-pragmaticheskiy analiz konfliktogenov [Hate Speech in Network Space of the North Caucasus Multiethnic Regions: Functional and Pragmatic Analysis of Conflictogens]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], vol. 887, no. 6, pp. 9-17.

- Bredikhin S.N., Kamensky M.V., Shibkova O.S., 2024. Novye media v processe modifikatsii kontseptualno-valernogo prostranstva [New Media in the Process of Conceptual Value Space Modification]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], no. 2, pp. 107-111.
- Dementyev V.V., 2015. Lingvoekologiya cherez prizmu rechevykh zhanrov: sfera novykh "Tehnologicheskikh" kommunikatsiy [Linguoecology Through the Prism of Speech Genres: The Sphere of New «Technological» Communications]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of the Language and Communication Practice], no. 2, pp. 22-47.
- Dementyev V.V., 2024. K probleme integralnogo opisaniya rechevykh zhanrov [On the Problem of Integral Description of Speech Genres]. *Zhany rechii* [Speech Genres], vol. 41, no. 1, pp. 6-22. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>
- Fairclough N., 2003. *Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, Routledge. 83 p.
- Hepp A., 2012. Mediatization and the "Molding Force" of the Media. *Communications*, vol. 37, no. 1, pp. 1-28.
- Hepp A., Hjarvard S., Lundby, K., 2015. Mediatization: Theorizing the Interplay Between Media, Culture and Society. *Media, Culture & Society*, vol. 37, no. 2, pp. 314-324. DOI: <https://doi.org/10.1177/0163443715573835>
- Karasik V.I., 2019. Zhanry setevogo diskursa [Genres of Network Discourse]. *Zhany rechii* [Speech Genres], no. 1 (21), pp. 49-55. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>.
- Man P. de., 1982. Sign and Symbol in Hegel's Aesthetics Critical Inquiry. *Critical Inquiry*, vol. 8, no. 4, pp. 761-775.
- Tyler T., 2011. *Memetics: Memes and the Science of Cultural Evolution*. Grenoble, Mersenne Publishing. 326 p.

SOURCE

FCRLM – Fact Checking Resource Lapsha Media. URL: <https://vk.com/lapshamedia?ysclid=mivuaah3xz992596871>

Information About the Authors

Sergey N. Bredikhin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Linguistics, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, bredichinsergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2191-4982>

Tatiana V. Marchenko, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, tatiana-marchenko-25@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2779-4010>

Nataliia A. Pelevina, Candidate of Sciences (Philology), Doctoral Student, Department of Linguistics, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, npelevina14@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7467-8680>

Информация об авторах

Сергей Николаевич Бредихин, доктор филологических наук, профессор департамента лингвистики, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия, bredichinsergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2191-4982>

Татьяна Владимировна Марченко, доктор филологических наук, доцент департамента лингвистики, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия, tatiana-marchenko-25@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2779-4010>

Наталья Александровна Пелевина, кандидат филологических наук, докторант департамента лингвистики, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия, npelevina14@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7467-8680>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.6>

UDC 81'42

LBC 81.006.3

Submitted: 20.10.2025

Accepted: 02.02.2026

STUDY OF MITIGATION: MATRIX OF MITIGATION MEANS, TWO-STEPS ANALYSIS AND ETHNOCULTURAL PROFILE COMPOSING

Polina A. Akhmetzyanova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Svetlana S. Takhtarova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article proposes an original approach to the analysis of mitigation means in political discourse. The main goals of the study are: to present the matrix of mitigation means in the English and German languages; to propose a two-level framework for analysing mitigation, covering the formal and pragmatic dimensions of the communicative situation; and to establish a link between the speech, its mitigating elements, and the communication patterns specific to an ethnic culture under scrutiny. The need for a pragmatic analysis of every communicative situation is reasoned by the facts that the same language marker can act as both a mitigation and a non-mitigation device depending on the context. The relevance of the research lies in the fact that the ethnocultural factors of communication (more specifically, the mitigation) are understudied. The examination was completed on the basis of the House of Commons' and the Bundestag's transcripts of sessions devoted to the COVID-19 pandemics. The choice of material ensures comparability across two languages and cultures. The methods applied were analysis and synthesis; full-text sampling; intention analysis; content analysis; corpus analysis using AntConc software to search for mitigation means for proposition and deictic mitigation; quantitative estimation. The research could be further developed to be used for other ethnicities, cultures and languages; a matrix of mitigation in other languages can be constructed.

Key words: mitigation, ethnocultural style of communication, parliamentary discourse, linguoculturology, political linguistics.

Citation. Akhmetzyanova P.A., Takhtarova S.S. Study of Mitigation: Matrix of Mitigation Means, Two-Steps Analysis and Ethnocultural Profile Composing. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 3, pp. 68-81. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.6>

УДК 81'42

ББК 81.006.3

Дата поступления статьи: 20.10.2025

Дата принятия статьи: 02.02.2026

ИССЛЕДОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО СМЯГЧЕНИЯ: МАТРИЦА МИТИГАТИВНЫХ СРЕДСТВ, ДВУХЭТАПНЫЙ АНАЛИЗ И СОЗДАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОФИЛЯ

Полина Аделевна Ахметзянова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Светлана Салаватовна Тахтарова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье предлагается авторский подход к анализу митигативных средств политического дискурса. Цели исследования заключаются в построении матрицы митигативных средств английского и немецкого языков, представлении двухэтапного анализа митигативных средств в коммуникативной ситуа-

ции, включающего формальный и прагматический анализ, градуированной шкалы митигативных средств обоих языков, подтверждении взаимосвязи митигативных средств, используемых носителями языка в политическом дискурсе, с этнокультурными особенностями их коммуникативного стиля. Актуальность работы состоит в недостаточной изученности этнокультурных предпосылок коммуникативного смягчения в политическом дискурсе англичан и немцев. Материалами исследования послужили официальные транскрипты заседаний палаты общин Великобритании и бундестага Германии в период до и после введения локдаунов по причине пандемии коронавируса. Достижению целей способствовало применение следующих методов: анализ и синтез, контент-анализ, корпусный анализ с помощью программы AntConc для создания собственных корпусов и поиска в них митигативных средств согласно выстроенным матрицам коммуникативного смягчения на уровне пропозиции и дейксиса. Перспективы дальнейшего исследования лежат в расширении изучаемых лингвокультурных общностей и языков, построении матриц митигативных средств других языков и культур.

Ключевые слова: коммуникативное смягчение, этнокультурный стиль коммуникации, парламентский дискурс, лингвокультурология, политическая лингвистика.

Цитирование. Ахметзянова П. А., Тахтарова С. С. Исследование коммуникативного смягчения: матрица митигативных средств, двухэтапный анализ и создание этнокультурного профиля // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 3. – С. 68–81. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.6>

Introduction

Researchers began focusing on the problem of communicative consciousness early in the 20th century. A number of disciplines have shown interest in this phenomenon, including linguoculturology, ethnography, and cross-cultural communication. I.A. Sternin introduced the term *communicative consciousness* and defined it as the set of communicative mechanisms, attitudes, and categories that ensure the full extent of human communicative activity [Popova, Sternin, 2007].

Linguistics traditionally defines communicative categories as groups of linguistic elements united by some common feature [Bulygina, Krylov, 1990, p. 215]. Nevertheless, there is no consensus on the ontological status of communicative categories, regardless of extensive research into various aspects of existing concepts. The lack of consensus is reflected in the diversity of terms and differences in the phenomena studied, such as the categories of implication, identity, friendship, politeness, and others. Studies show that the term *communicative category* can be used without a clear definition of its categorical status [Takhtarova, 2017, pp. 190-191].

The communicative category of mitigation is of particular interest in this study. The term here is understood as a communicative category that includes prescriptions, attitudes and rules determined by politeness maxims and intended to minimize communication risks in interaction, achieved through mitigative strategies and tactics influenced by ethnocultural factors [Takhtarova, 2009]. Thus, the

following can be assumed: both the ethnocultural characteristics of this phenomenon and the speakers' communicative consciousness directly determine the mitigation means used by people of different nations.

A number of scholars, notably anthropologists, sociologists, and linguists, have studied the ethnocultural factors of communication used by representatives of different cultures.

The German linguocultural community was of interest to A. Wierzbicka, L.V. Kulikova, R.A. Gazizov, T.G. Kovaleva, and others. Two cultural dominants inherent to Germans, *Ordnung* and *Verboten* (order and prohibition), are revealed in the papers of Polish linguist A. Wierzbicka. They indicate the Germans' need for discipline and the large number of prohibitions and prohibitive signs typical of their society [Wierzbicka, 2001, pp. 166, 170, 185, 191]. R.A. Gazizov refers to Brown-Levinson's theory of politeness to note the strategies of positive and negative politeness common to Germans [Gazizov, 2009, p. 417; Gazizov, Muryasov, 2020, pp. 257-258]. L.V. Kulikova conducts a comparative analysis of German academic and political discourse, which, according to her, is characterized, among other things, by explicitness, self-centred communication, extensive use of instructive and regulatory speech acts, and the manifestation of formal politeness in communication [Kulikova, 2006, pp. 330-334]. T.G. Kovaleva compared the ethnocultural characteristics of political discourse in Germany and Russia and upon therein emphasizes the features common to both linguistic and cultural communities, namely, the evaluative

and emotional nature of statements [Kovaleva, 2007, p. 31].

The ethnocultural style of communication of the English people has been studied by many scholars. A. Wierzbicka in her works describes their intrinsic scripts of unobtrusiveness, emotional restraint, personal space inviolability, equality and democracy in communication, avoidance of open confrontation [Wierzbicka, 1997; 2003; 2006]. T.V. Larina, having introduced the term *ethnocultural style of communication* in Russian communicative linguistics [Larina, 2013, p. 196], states that the English are distant, non-impressive, personality-oriented, etc. [Larina, 2013, p. 198; 2015, pp. 211-212]. I.A. Sternin characterizes the English style of communication as veiled, implicit, and states that they are actively demonstrating friendliness and unobtrusiveness, etc. [Sternin, Larina, Sternina, 2003, pp. 169-173]. I.A. Vasilenko analyzes English communication specifically in the context of political discourse, noting that it is characterized by detachment, politeness, conservatism, and firmness [Vasilenko, 2006].

The political discourse and political communication are inherently conflict-prone domains and thus require the use of mitigation strategies. Here, mitigation means adjusting the conversation to fit social norms, lowering the level of categorical statements and communicative threats, and avoiding open confrontation. Studies on the communicative category of mitigation offer different classifications of mitigation types. This study is based on the division of mitigation types into propositional, illocutionary, and deictic [Takhtarova, 2009], which must be analyzed from the standpoint of ethnic and cultural manifestations in different linguistic and cultural communities.

Domestic and foreign studies have so far described mitigation in terms of its manifestations within a single culture (e.g., German [Karakulova, 2016], Russian [Trukhanova, 2019; Tunyan, 2022], English [Romanovskaya, Sunagatullina, 2017]). Mitigation has also been studied in the context of a comparison between Russian and German cultures [Takhtarova, 2009]. However, until now, research data in the field of mitigation has not been analyzed and described through a comparative analysis of the ethno-cultural factors of its manifestation in English and German political discourse, thus justifying the relevance and novelty of the present study.

Material and methods

For the purpose of this study, a dedicated corpus of political texts was compiled. The corpus features statements delivered by members of the British Parliament, specifically, members of the House of Commons, and the German Bundestag. Selection of material was based on the relevance of the content to the goals of the study. Six parliamentary sessions relating to key moments at the beginning and end of the three lockdowns in the UK and Germany in 2020–2021 were selected for this study. The total size of the English-language text corpus was estimated to be 502 thousand words, and the total size of the German-language text corpus was 543 thousand words. The sizes of the corpora are approximately equal and relevant to the objectives set.

The methods used in the study are based on a linguistic-and-pragmatic approach to political discourse analysis. The main focus here is directed to speech strategies aimed at mitigating or neutralizing politically charged statements that could potentially cause conflict. The adopted approach offers a way to investigate how mitigative strategies are motivated pragmatically and how they operate specifically within institutional communication – a type of discourse that is characterised by pronounced social and cultural marking.

The corpora were analyzed with AntConc – a software that allows the user to build their own corpora from a limited set of documents selected by subject and time period and further work with it.

Using the continuous sampling method, we have selected communicative situations containing elements corresponding to the created matrices of linguistic mitigation markers in each of the corpora. To perform the sampling, an Advanced Search program script was run, which allowed markers of mitigation selected according to the matrices to be entered into the Search Query List. The sampling was performed with the Word option disabled, thus allowing the search to be conducted at both the full-word level and the morpheme level within words.

The processed data containing research units were then classified according to the mitigation strategies and tactics they reflected, corresponding to mitigation markers respectively.

Results and discussion

The initial step of the analysis involved creating a matrix of linguistic markers of mitigation, and a graded model that reflects how these markers correlate in terms of their pragmatic function. The present study adopts a combined approach, integrating quantitative and qualitative methods of analysis. This combined approach allows us to record the frequency and distribution of relevant linguistic units by groups and to identify their pragmatic functions given the empirical material taken.

In order to guarantee a reliable understanding of the data, the authors have created matrices of linguistic mitigation markers based on the unconnected finding of earlier researchers. Separate matrices were established for English and for German. Each matrix distinguishes two types of communicative mitigation: propositional and deictic.

This study focuses on propositional and deictic mitigation, and not on the illocutionary force, as these types can be clearly and formally identified at the level of linguistic units. Mitigation in terms of propositions and deixis can be searched for automatically using a given algorithm with the help of corpora methods (for example, using the AntConc programme that was used for this study) and then quantitatively compared.

Mitigation in the German language was under research by a number of scholars, including S.S. Takhtarova [Takhtarova, 2009], S.Sh. Karakulova [Karakulova, 2016], G.R. Vlyasan [Vlyasan, Petrova, 2021], M.Kh. Alimkhanova [Alimkhanova, 2022], and N.A. Sineokaya [Sineokaya, 2023]. Having examined research data, the authors proposed a matrix of propositional and deictic means of mitigation for the German language. Fundamental to this was the work by [Takhtarova, 2009], which unified the base of the matrix. Mitigation in English discourse has been studied by various scholars from multiple perspectives, including its lexical markers, pragmatic functions, and communicative effects [Demir, Yagiz, 2014; Romanovskaya, Sunagatullina, 2017; Kashirina, 2018; Shusharina, 2018; Samigullina, 2018]. The equivalent matrix of mitigative means was composed by the authors for the English language in the framework of markers corresponding to the German language matrix with the equivalent mitigative means. The matrix of mitigation means

for the English and German languages in a compiled form for both languages is shown in Table.

The matrix includes mitigative units of various linguistic levels, such as, for instance, individual words (adverbs and particles), verbs (modal verbs and performative verbs), morphological markers (diminutives, conditional forms), syntactic constructions (impersonal and passive). They differ in complexity and implicitness, as some are explicitly mitigative regardless of context, while others have mitigative functions only in certain communicative situations, which will also be proven shortly. This variation reflects that mitigation is not an integral part of a certain word or construction, but rather a function that those units might have, and which emerges from the intercorrelation of form, context and intention of the speaker.

Since the existing research on mitigation is predominantly language-specific, it does not provide comparable inventories, hence, the initial list of mitigative units which were previously specific for English and German was incomplete and asymmetrical. In order to enable comparison, the matrix of means of mitigation was deliberately expanded by adding units that were identified as functional equivalents in English or German, respectively. The equivalence of those units was determined according to the online German dictionary Duden.de (<https://www.duden.de>) and Thesaurus by Merriam-Webster (<https://www.merriam-webster.com/thesaurus>), a reference and lexicographical dictionary developed by the publishing company, for the English language. All additions were further verified against the corpus material, Bundestag's and House of Commons' sessions transcripts, before their final inclusion.

The distinction between propositional and deictic mitigation is based on the following: Propositional mitigation modifies the truth value or the semantic content of the proposition itself, either through foregrounding the speaker's subjectivity or through semantic operators that blur the precision of terms or predicates [Takhtarova, 2009, p. 117], whereas deictic mitigation does not alter the propositional content, but instead shifts unwanted elements out of the communicative focus into the implication, referring to what is implied rather than explicitly stated [Takhtarova, 2009, pp. 125-126].

Deictic mitigation operates through a shift in the deictic center and functions as a reference to the implied, allowing the speaker to avoid communicative risks without modifying the factual claim itself. The difference between those two types of mitigation can also be described on several levels. Semantically, propositional mitigation affects the truth-conditional status of the speech,

while deictic mitigation affects the referential anchoring. Pragmatically, propositional mitigation reduces the speaker's accountability for the content of the speech, whereas deictic reduces interpersonal vulnerability via distancing from the addressee or the described event. Syntactically, propositional mitigation is expressed through qualifiers of the predicate (e.g., hedges,

Matrix of means of mitigation of English and German languages

	Mitigative markers	Mitigation units (German language)	Mitigation units (English language)
Propositional mitigation	Mitigators of the mode of assertion	Ich glaube / Ich denke / Ich meine / Ich finde / Ich halte / Ich vermute / Ich nehme ... an / Ich gehe (da) von aus / Ich sehe / meiner Meinung nach / aus meiner Sicht	I think / I believe / I hope / I know / I would say / I suppose / I guess / I consider / I feel / I imagine
	Mitigators of the mode of possibility	Vielleicht / wahrscheinlich / allenfalls / möglicherweise / eventuell / gegebenenfalls / womöglich	Probably / perhaps / likely / maybe / presumably / possibly / slightly / virtually / apparently / practically
	Mitigative euphemisms	Sache / Ding	Thing
	Diminutives	-chen / -lein	-er / -est / -ie / -y / -let / -kin / -ule / -ock / -ette
	Semantic operators	Etwa / etwas / irgendwie / irgendwann / ein bisschen / ein wenig	Enough / a little / a bit / kind of / sort of / rather / somewhat / relatively / pretty / fairly
	Means of approximation	Ungefähr / rund / circa / zirka / knapp / ziemlich / relativ	About / something like / nearly / probably closer to / more or less / quite / approximately / a couple of
	Mitigative understatement	Nicht so / nicht ganz / kaum / nicht viel (anders)	Not very / not quite / not a bit / not so / somehow / just / in a way
	Performative verbs and phrases indicating guilt	Anerkennen / begehen / verschulden / verursachen / Fehler haben / Schuld haben / haftbar sein / schuldig sein / verantwortlich sein / Verbindlichkeit eingehen	Apologise / confess
	Apologies and/or expressions of regret	Entschuldigung / Entschuldigen (Sie) (bitte) / es tut leid / es ist unangenehm / bedauern / bedauerlicherweise / Bedauern äußern / Schade / leider	Mind (if you don't mind) / sorry / excuse / hope / apologise
Deictic mitigation	Modal verbs	Können / müssen / sollen / wollen / dürfen / mögen	May / might / can / could / would / should
	Deictic reference to the implied meaning	so was / etwas / so etwas / irgendwas / irgendetwas	One / any / some / something
	Structures of omission of potentially negatively perceived information	Sie wissen schon / das heißt	In fact / what are called / (as) you see / (as) you know / it was known / they say / the fact is that / you say / when it comes to / all I know
	Parentheses	Sozusagen / wie man sagt / sagen wir / wie gesagt / bitte	What you would call / as the saying goes / if they will / say / let us say / is said / is believed / is considered (to be) / please / it seems that
	Detachment from subject deictics	Einige / jemand / irgendwer / irgendjemand / wir / wer / manche / niemand / man / andere / unser	Other / people / places / who / what / that / those / all / whatever / whoever / one of / we all

modals, etc.), it is attached to the predicate or the clause as a whole, while deictic mitigation is expressed through reconfiguration of the subject (e.g., impersonal or passive constructions that displace the speaker).

From the prospective of political discourse, the presented matrix demonstrates strategic nature of political communication. The distinction between propositional and deictic mitigation is highly relevant in political discourse as communication there is stipulated by public accountability, high reputation risks and political competitiveness. Speakers oftentimes avoid entirely categorical statements, because excessive directness may increase responsibility for the outcome or provoke conflicts. Therefore, mitigation serves as a vital tool for finding balance between authority and communicative risks.

Propositional mitigation in political discourse primarily serves to reduce the responsibility of the speaker and to maintain strategic ambiguity. It is directed at the proposition itself, which is the semantic content of an utterance after removing its illocutionary force, encompassing both its predicate and the relations between its terms.

Means such as mitigators of the mode of assertion (*I think, I believe, ich glaube, ich denke*) allow politicians to frame potentially controversial claims as personal assessments rather than objective facts. Such forms preserve interpretative flexibility and create opportunities for subsequent revision or reinterpretation of positions without direct contradiction.

Mitigators of the mode of possibility perform an especially important function in political communication because they permit the construction of uncertainty while maintaining persuasive force. Expressions such as *perhaps, probably, möglicherweise, or eventuell* enable politicians to discuss future developments, political forecasts, or controversial decisions without fully committing themselves to the truth value of propositions. In this way, mitigation contributes to strategic risk management and protects speakers from reputational consequences in conditions of uncertainty.

Semantic operators, approximators, and understatement markers are also highly productive in political discourse because they mitigate evaluations and reduce confrontation. Through

expressions indicating approximation, political actors can avoid categorical judgments, minimize criticism, and maintain cooperative interaction. Such devices are especially characteristic of parliamentary debate, where direct accusation or excessive certainty may threaten institutional norms of interaction.

The inclusion of performative verbs indicating guilt and apologies or expressions of regret acquires particular importance in political discourse due to their role in reputation management and restoration of public trust, functioning not as indicators of personal remorse but as strategic communicative acts intended to reduce social tension, restore legitimacy, and preserve institutional authority.

Modal verbs occupy a vital position in political mitigation because they allow speakers to regulate the degree of obligation, necessity, and possibility. Through modal constructions, politicians may present political decisions either as unavoidable necessities or as open alternatives, thereby influencing public perception of agency and responsibility.

Deictic mitigation is equally significant in political discourse, as it contributes to the redistribution of responsibility and the construction of collective legitimacy. Deictic mitigation points to what is implied or presumptive in a speech, extending deixis beyond traditional narrative or secondary contexts. It changes the positioning of participants within communication.

Strategies of detachment from subject deixis are particularly characteristic of political speech. References to indefinite actors (*people, some, we, man, many*) enable politicians to avoid explicit personal responsibility and present viewpoints as socially shared positions or collective expectations. Such depersonalisation strengthens the impression that political actions emerge from broader social processes rather than individual decisions.

Parentheses and deictic reference to the implied meaning also perform important persuasive functions in political communication. Expressions equivalent to *as you know, they say, or wie gesagt* create an illusion of consensus and establish common epistemic ground between speaker and audience. These strategies reduce resistance and facilitate acceptance of political arguments.

Finally, omission structures and implicit references reveal one of the central mechanisms of political mitigation, i.e., strategic informational incompleteness. By leaving certain meanings indirect or under-specified, political actors preserve interpretative flexibility, avoid explicit confrontation, and maintain multiple possible readings of politically sensitive statements.

Summarizing the description of the matrix, mitigation within political discourse should be seen not only as a form of politeness but as a communicative category that regulates responsibility, constructs legitimacy, and forms relationship between politicians and people.

The second stage of the research consisted of a two-level analysis of communicative situations containing potentially mitigative means. At the formal stage of the analysis, all possible means of mitigation selected using key lexical and grammatical forms (noted in the matrices) were identified. However, since these means are not employed directly to mitigate a particular communicative situation in all the cases, i.e., are not used invariably, each case requires an additional level of analysis – a pragmatic one. This further interprets their communicative function in every given context. Hence, this enables the researchers to identify those cases when the means are used specifically for mitigation and to distinguish them from other functions that the same means may perform in communicative situations.

The two-level analysis described above reveals that a given means of mitigation (e.g., semantic operator or modal verb) does not always perform a mitigation function. Thus, its pragmatic role depends on the context. A purely formal level of identification would therefore be unreliable, as it would point to many cases where the means is used with a different purpose, such as, for instance, intensified emotional emphasis. In summary, the pragmatic level of analysis serves as a filter of “false positives.”

Having established this distinction, we now turn to the analysis of factual textual examples drawn from the parliamentary transcripts. In the following examples there will be provided cases with two types of mitigation present (propositional and deictic), as well as cases of mitigative function and non-mitigative function.

On the basis of their pragmatic function in the context, the units of compiled matrices fall into three groups. The first is composed of context-invariant

mitigating markers, where mitigation constitutes the primary function realised across all contexts; this group is further called consistently mitigative. The second has context-preferential markers, where function is context-dependent and mitigation, while not exclusive, proves to be frequent; further called situationally mitigative. The third group contains context-rare (or overall null) mitigating markers, where mitigation is not primary function and its use in this function is significantly less frequent or entirely absent from the material under study, further called predominantly non-mitigative. The subsequent discussion of textual examples proceeds in two parts.

First, we address propositional mitigation, presenting illustrative cases for each of three functional groups. Subsequently, cases of deictic mitigation are presented following the same framework.

Below there are several examples that represent the above explained mitigative and non-mitigative functions in the Bundestag's (1–4) and House of Commons' (5–8) transcripts regarding propositional mitigation (Note: the translation of samples from German into English was made by the authors of this article).

The first case exemplifies the use of a mitigative unit, namely, mitigative euphemism, in its primary mitigative function:

(1) Jetzt kann man sagen: Gut, wenn 25 Prozent der Bundestagsmitglieder fleißig das ganze Jahr über hier sind, ist die **Sache** in Ordnung (DBP) / Now, one might say: well, if 25 per cent of the members of the Bundestag are here working hard all year round, then **things** are fine.

The speaker avoids directly criticising the majority of MPs by positively framing a minority condition, using mitigative unit *Sache*, making the mitigation the central communicative goal and not an incidental feature. The speaker reduces the illocutionary force of an inherently face-threatening critique through mitigative units, while preserving the original promotional content.

On the basis of the following two examples of the use of the same modal verb, it should be evident that not all cases of modal verbs use have the same function in speech in German language:

(2) Daran glaubt eigentlich keiner, der sich mit der Sache auskennt, und das **kann** man eigentlich auch nicht erklären (DBP) / No one who knows anything about the matter actually believes that, and it's not really something you **can** explain.

In example (2) the modal verb does not perform a mitigative function; rather, it serves a truth-conditional, descriptive role by stating that no explanation is possible for anyone, with no interpersonal risk or face-threatening act to mitigate.

(3) Schreiben die Grünen in ihrem Antrag! Da **kann** man denen mal glauben! Herr Gremmels, seien Sie nicht so streng mit den Grünen! (DBP) / That's what the Greens say in their statement! You **can** actually believe them this time! Mr Gremmels, don't be so hard on the Greens!

In example (3) the modal verb *kann* performs a clearly mitigative function by downgrading what would otherwise be a direct imperative into an optional suggestion, thereby reducing the illocutionary force and protecting the face.

Therefore, the functional distinction between those two examples of modal verb use is evident. Unlike the first example, where it is non-mitigative, the second example illustrates a mitigative function of the modal verb. Hence, it lies in the context-preferential group: the mitigative function of the modal verb emerges only under specific pragmatic conditions, and while frequent, it is not invariable across all uses of the modal verbs.

In example (4) *etwa* does not serve a mitigative function. It operates as an approximative marker that signals the imprecision of revenue forecasts:

(4) Auf dieser Grundlage wurden im Rahmen der Erlösabschätzung für das Jahr 2022 Einnahmen von **etwa** 9 Milliarden Euro, für das Jahr 2023 Einnahmen von **etwa** 10,5 Milliarden Euro und für das Jahr 2024 Einnahmen von **etwa** 13 Milliarden Euro prognostiziert (DBP) / Based on this, the revenue estimates for 2022 amounted to approximately €9 billion, for 2023 to approximately €10.5 billion, and for 2024 to approximately €13 billion.

There is no interpersonal risk or face-threatening act in this situation. Instead, this unit fulfills an epistemic function, as it indicates the estimates rather than exact figures. Overall, the semantic operators almost do not perform a mitigative function in all transcripts under study, hence, they are classified as predominantly non-mitigative.

In example (5), as well as all examples found in House of Commons' transcripts, a mitigative understatement in bold serves a clearly mitigative function:

(5) The Government amendment to the Bill is **not quite** perfect, but I accept that it is very hard to put these things in legislation, and they have moved a very long way from where we were (HD).

It downgrades what otherwise would be considered a direct negative assessment of a government amendment. Here the presence of an explicit face-threatening act is evident, and combined with subsequent positive acknowledgement it confirms that this unit has a mitigative function that reduces illocutionary force while preserving the critical proposition. Hence, mitigative understatements are classified as consistently mitigative.

On the basis of another two examples below with the same mitigators of the mode of assertion, it should be evident that not all cases of their use are of the same function in English speech:

(6) She visited where I used to work on a number of occasions and has always been, **I would say**, mostly in the right place around domestic abuse (HD).

In example (6) the speaker performs an evaluative act on a sensitive topic and this unit shifts the assertion from objective fact to subjective opinion, thereby reducing illocutionary force and mitigating potential face-threatening acts to the person being evaluated:

(7) One more thing **I would say** is that I am grateful that chlorinated chicken will not grace these shores (HD).

In (7) the speaker expresses gratitude on a politically (thus, confrontationally) safe topic, thus, the unit functions as a discourse marker signaling topic transition. It does not perform a mitigative function, because there is not interpersonal risk or face threat.

As can be seen from two examples above, the same unit – a mitigator of the mode of assertion – shows both mitigative and non-mitigative use. The same expression has a mitigative function only when there is a potentially face-threatening act, which is not invariably present in all communicative situations. Therefore, these markers are classified in the situationally mitigative group.

Confess in example (8) does not serve a mitigative function, as do any of the performative verbs and phrases indicating guilt in the studied transcripts:

(8) **I confess** it was as a red team, as I said in public (HD).

It strengthens and does not lessens the speaker's commitment to proposition by honesty. As this statement has already been made public. It does not reduce illocutionary force, but enhances pragmatic force of the statement.

Below go some illustrative examples of the use of deictic mitigators in English and German, based on transcripts of parliamentary sessions. Among deictic mitigators there are none classified as consistently mitigative in the German language as no cases of their pure mitigative functions have been found during analysis. In the English language, namely, in the House of Commons' transcripts, there has been found a consistent mitigative use of parentheses, which is shown in the following example:

(9) After having been failed by the legal system, **it seems that** justice is now finally being done, but at a very slow pace (HD).

In this case the unit serves a clearly mitigative function as it shifts the deictic center from the speaker to an impersonal source, thus, reducing the speaker's commitment to the statement without marking it as a subjective opinion. It lowers illocutionary force and mitigates the face-threatening potential of the statement.

The following examples will consider the use of the same deictic reference to the implied meaning in its mitigative and non-mitigative function in English (10–11) and German (12–13).

The unit *any* performs a mitigative function only when it is used as a form of the universal quantifier, as it spreads the property across an entire category, lifting any blame from a specific individual or an entity:

(10) Let us accept that this is a difficult, sensitive issue for **any** Parliament, anywhere, to deal with (HD).

In example (10) this unit acts as a distributor of the responsibility, as the speaker removes the implication of exceptional personal incompetence of the government. Thus, generalizing the statement, the speaker mitigates what could otherwise be considered as a critique of a specific political institution.

In (11) the word *any* functions as a strengthening unit rather than mitigating because it contributes to the assertive force of the directive:

(11) We must ensure that our negotiators stand firm and refuse to remove **any** of the tariffs that currently apply to food unless it is produced to standards of animal welfare and environmental protection that are as good as our own (HD).

With *any* the speaker reinforces the completeness and strictness of the refusal, hence, it has a non-mitigative function.

Now, we will compare the use of the same kind of deictic reference to the implied meaning in the German language in its mitigative and non-mitigative functions:

(12) Es müssen ja nicht nur 180 Abgeordnete übrigbleiben, aber vielleicht **irgendetwas** zwischen 180 und 709 (DBP) / There don't necessarily have to be just 180 MPs left, but maybe **something** between 180 and 709.

(13) Ohnehin sagt dieses Antragsmachwerk eigentlich nur etwas über die einfach nur selbstbezogene Funktionsweise der AfD aus und darüber, wie wenig man die AfD für **irgendetwas** Sinnvolles brauchen kann (DBP) / In any case, this farcical motion really only reveals the AfD's utterly self-centred way of operating and just how little use the AfD is for achieving **something** meaningful.

As is evident from the examples (12) and (13), *irgendetwas* serves a mitigative function only when it is used in a context, where a categorical negation can be expected. In example (12) it refers to a numerical quantity and carries no interpersonal risk, thus, requiring no mitigation. In (13) it acts as a replacement of a more direct and face-threatening pronoun or any other referral, hence, mitigating the assertion by reducing the illocutionary force of the negative evaluation. Therefore, it is evident that they are context-preferential markers.

Due to the fact that the mitigators falling into the category of the deictic reference to the implied meaning prove to show different functions in various contexts, they are further classified as situationally mitigative, since their mitigative potential cannot be determined by form alone but rather requires a pragmatic analysis of each specific communicative situation.

The only category of deictic mitigators that is classified as predominantly non-mitigative for both languages and transcripts is detachment from subject deictics, meaning that impersonal or

subject-detached constructions that we have shown in the matrices do not reliably signal mitigation across contexts and are more frequently used for neutral description or generally without mitigative intent. Hence, it suggests that removing the speaker from the grammatical subject position, without additional pragmatic triggers, is insufficient to achieve mitigation in English or German parliamentary discourse as is proven by the examples below:

(14) **We** work with international partners, absolutely, but this shows what we can achieve with British science, British industry and the British Government all working together, and with the NHS, to make this happen (HD).

In (14) *we*, used as a pronoun, strengthens and reinforces the determination through collective unity. The statement reflects a hardline stand in the debates, and the speaker does not incline to mitigate it, but rather to demonstrate the assertiveness.

(15) **Wer** stimmt für diesen Überweisungsvorschlag? (BPD) / Who votes to approve this referral proposal?

Wer in example (15) functions as a marker of mitigation only when there is a communicative risk present in the statement and the speakers use it to deliberately distance themselves from the speech. Among the Bundestag's transcripts there were almost none such iterations present, hence, it is used as a simple grammar unit.

To finalize the pragmatic analysis of the mitigation functions performed by the means of mitigation, the observed differences in the frequency of mitigation units in general and in the functional characteristics of these units in particular should be noted. The data obtained can be used to construct a scale of pragmatic realisability of the mitigative function, on the basis of which it is possible to rank the analyzed means according to their typical correlation with mitigation – in both English and German corpora.

Given that the presence of linguistic means with a contextually mitigating function does not guarantee its implementation in each specific case, it is advisable to introduce a graded scale of these units according to the degree of their typical association with the mitigative function. The proposed scale is based on contextual

analysis and includes three levels: from consistently mitigative to predominantly non-mitigative. This distribution is carried out separately for the German (see Fig. 1) and English (see Fig. 2) languages, revealing both universal and specific features of mitigation in political discourses in each language.

By comparing the scales in Fig. 1 and Fig. 2, that reflect the degree of realization of the mitigative function by different linguistic means in German and British political discourses, we can identify significant ethnocultural differences in communicative strategies, tactics, and settings typical of the respective linguocultures.

The data obtained enable positioning mitigative markers for the English and German languages differently across the proposed graded scale. Based on the material under study and the conducted analysis, English political discourse shows a tendency towards the consistently and situationally mitigative markers. This aligns with existing ethnocultural characterization of the English communicative style as indirect, implicit, unobtrusive, emotionally restrained and oriented towards avoiding open confrontation, proposed by researchers, as was mentioned earlier.

German political discourse shows a greater number of situationally mitigative markers. Its communicative style is shaped by cultural dominants as order and prohibition, and is characterized by explicitness, regulatory speech acts. This corresponds with our findings that pragmatic background and specific communicative situations play a decisive role in whether a certain marker or unit is used in mitigative or non-mitigative function.

Conclusion

The study advances the theoretical understanding of political discourse in the focus of cross-cultural communication by revealing how mitigation operates as a strategic communicative category that balances communicative effectiveness – achieving the speaker's illocutionary goal – and politeness. As the findings suggest, this balance is achieved differently across ethnocultural settings, depending on culturally specific norms of saving the face in a face-threatening act, indirectness, and authority.

There are several key contributions that emerged from this research. The paper introduced a compiled matrix of mitigative markers for the English and German languages, consisting of formal units that can potentially carry mitigative functions. The study also demonstrated that a formal marker cannot be reliably classified as mitigative without a pragmatic analysis of the communicative situation in which it is used. This confirmed that mitigation is context-dependent, and the same linguistic unit

may either reduce illocutionary force or serve a different function, thus strengthening the statement instead of mitigating it, depending on several parameters, among which are interpersonal risks, and face-threatening acts. The research proposed an original graded scale that captures different degrees of mitigative force across various linguistic markers and their contextual reliability. This scale moves beyond a binary distinction by arranging mitigative devices along a continuum based on how

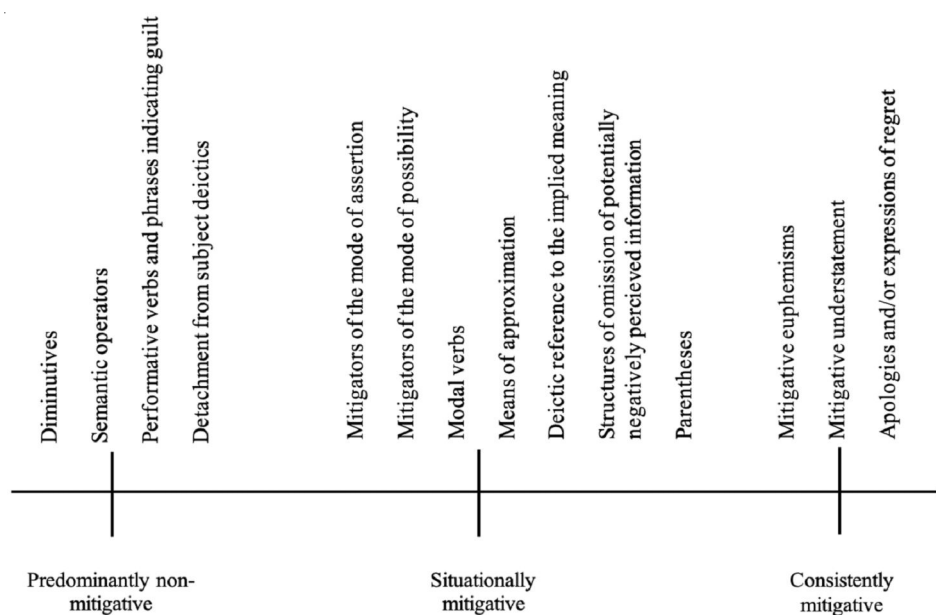

Fig. 1. Graded scale of mitigative means of the German language according to their function in the context

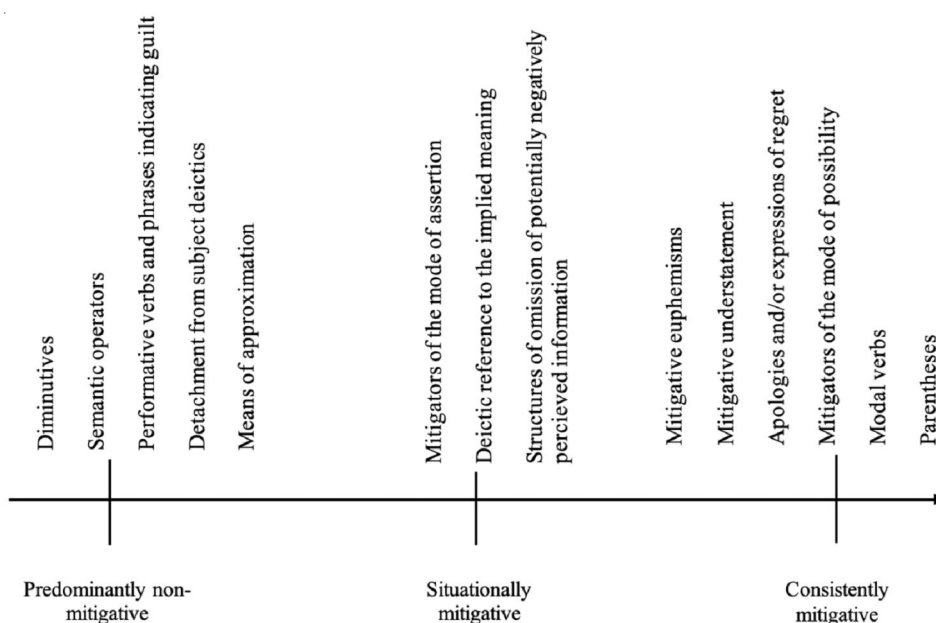

Fig. 2. Graded scale of mitigative means of the English language according to their function in the context

consistent is the use of those units in their mitigative function. At the one end of the graded scale context-invariant markers are situated, they are called consistently mitigative as their primary function is mitigation itself regardless of the communicative situation. At the other end we positioned the markers which are rarely used in a mitigative function or never at all in the contexts under study. In the middle of the scale there are context-dependent markers which are categorised as situationally mitigative, because they do not exclusively show mitigative function, though may infrequently. Such graded scale

provides a more nuanced tool for cross-linguistic and cross-cultural comparison.

Future research on this topic should explore diachronic shifts in mitigation across various subgenres of political discourse as well as other discourses, and in other lingocultural communities, for instance, a comparison between Eastern and Western languages and cultures. This would help determine whether the observed mitigative patterns are language-specific or universal, and whether the proposed matrix and scale can be generalised to a broader range of communicative situations.

REFERENCES

- Alimkhanova M.Kh., 2022. Kommunikativnaya rol taktiki smyagcheniya kategorichnosti otказа v nemetskom yazyke [Communicative Role of the Tactic of Softening the Categorical Nature of Refusal in German]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], no. 92-16, pp. 16-20.
- Bulygina T.V., Krylov S.A., 1990. Kategoriya [Category]. *Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary], pp. 215-216.
- Demir C., Yagiz O., 2014. Hedging Strategies in Academic Discourse: A Comparative Analysis of Turkish Writers and Native Writers of English. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, no. 158, pp. 260-268.
- Gazizov R.A., 2009. Russkoje kommunikativnoje povedeniye v sravnenii s nemetskim v svete teorii sokhraneniya litsa [Russian Communicative Behavior in Comparison with German in the Light of Face-Saving Theory]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], vol. 14, no. 2, pp. 414-417.
- Gazizov R., Muryasov R., 2020. The Functioning of the Politeness Principle in Network Communication of the Germans. Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, vol. 86, pp. 250-259.
- Karakulova S.Sh., 2016. Realizatsiya smyagchajushhej strategii smyagcheniya ocenok v intervju s nemeckimi politikami [Implementation of a Mitigative Strategy to Soften Assessments in Interviews with German Politicians]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialog], vol. 50, no. 2, pp. 52-62.
- Kashirina A.L., 2018. Kommunikativnaya kategoriya approksimatsii v informatsionnom intervju na anglijskom i belorusskom yazykakh [Communicative Category of Approximation in Informational Interview in English and Belarusian]. *Molodye uchenye v innovatsionnom poiske* [Young Scientists in Innovative Search], pp. 48-52.
- Kovaleva T.G., 2007. Natsionalno-kulturnyj aspekt politicheskogo diskursa (na materiale prilagatelnykh russkogo i nemetskogo yazykov) [National-Cultural Aspect of Political Discourse (Based on Russian and German Adjectives)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Voronezh State University. Linguistics and Intercultural Communication Series], no. 2, pp. 26-32.
- Kulikova L.V., 2006. *Kommunikativnyj stil v mezhkulturnoj paradigme* [Communicative Style in the Intercultural Paradigm]. Krasnoyarsk, Krasnojar. gos. ped. un-t im. V. P. Astafjeva. 392 p.
- Larina T.V., 2013. Kommunikativnyj etnostil kak sposob sistematizatsii etnokulturnykh osobennostej povedeniya [Communicative Ethnostyle as a Way of Systematizing Ethnocultural Behavioral Features]. *Cuadernos de Rusistica Española*, no. 9, pp. 193-204.
- Larina T., 2015. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, vol. 7, pp. 195-215.
- Popova Z.D., Sternin I.A., 2007. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST, Vostok-Zapad Publ. 314 p.

- Romanovskaya L.V., Sunagatullina G.Kh., 2017. Mitigativnaya strategiya smyagcheniya otsenki v diskurse angloyazychnykh politicheskikh intervyyu [Mitigative Strategy of Evaluation Softening in English Political Interviews Discourse]. *Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Problems of Romance and Germanic Philology, Pedagogy and Methods of Teaching Foreign Languages], no. 13, pp. 129-136.
- Samigullina A.D., 2018. Osvoeniye strategii kommunikativnogo smyagcheniya v ramkakh kursa akademicheskogo pisma na anglijskom yazyke [Mastering the Strategy of Communicative Mitigation Within the Academic Writing Course in English]. *Voprosy sovremennoj filologii i problemy metodiki obucheniya yazykam* [Issues of Modern Philology and Problems of Language Teaching Methods], pp. 192-198.
- Shusharina V.A., 2018. Mitigativno markirovannaya sfera deiksisa (na materiale amerikanskikh i rossijskikh politicheskikh intervyyu) [Mitigatively Marked Sphere of Deixis (Based on American and Russian Political Interviews)]. *Uchimsya ponimat Rossiyu: politicheskaya i massmedijnaya kommunikatsiya* [Learning to Understand Russia: Political and Mass Media Communication], pp. 301-305.
- Sineokaya N.A., 2023. Communicative Strategy of Mitigation in German Political Discourse (Based on the Interviews of Women-Politicians of Germany). *Yazyk i kultura v globalnom mire* [Language and Culture in the Global World], pp. 380-383.
- Sternin I.A., Larina T.V., Sternina M.A., 2003. *Ocherk anglijskogo kommunikativnogo povedeniya* [Essay on English Communicative Behavior]. Voronezh, Istoki Publ. 185 p.
- Takhtarova S.S., 2009. *Kategorija kommunikativnogo smyagcheniya (kognitivno-diskursivnyj i etnokulturnyj aspekty)* [The Category of Communicative Mitigation (Cognitive-Discursive and Ethnocultural Aspects)]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. gos. un-ta. 380 p.
- Takhtarova S.S. 2017. Communicative Categories in the Cognitive-Discursive Paradigm. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 189-196. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.21>
- Trukhanova D.S., 2019. Mitigativnyj potencial obrashheniya v institucionalnom politicheskom diskurse [Mitigative Potential of Address in Institutional Political Discourse]. *Filologicheskije nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 12, no. 11, pp. 211-215. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.44>
- Tunyan S.A., 2022. Mitigation as a Way of Resolving or Preventing Conflicts in Diplomatic Speech. *Kultura i tekst* [Culture and Text], vol. 49, no. 2, pp. 153-161. DOI: <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2022-2-153-161>
- Vasilenko I.A., 2006. *Politicheskije peregovory* [Political Negotiations]. Moscow, INFRA-M. 396 p.
- Vlasyan G.R., Petrova E.M., 2021. Lingvisticheskoe khedzhirovaniye kak sredstvo realizatsii strategii vezhlivosti v razgovornom dialoge [Linguistic Hedging as a Means of Implementing Politeness Strategies in Conversational Dialogue]. *Kultura i tekst* [Culture and Text], no. 1, pp. 1-10.
- Wierzbicka A., 1997. *Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford. 317 p.
- Wierzbicka A., 2001. *Sopostavleniye kultur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Understanding Cultures Through Lexicon and Pragmatics]. Moscow, Jaz. slav. kultury. 272 p.
- Wierzbicka A., 2003. *Cross-Cultural Pragmatics*. Berlin, Walter de Gruyter. 502 p.
- Wierzbicka A., 2006. *English: Meaning and culture*. Oxford, Oxford University Press. 352 p.

SOURCES

DBP – *Deutscher Bundestag Protokolle*. URL: <https://www.bundestag.de/protokolle>
 HD – *Hansard Debates*. URL: <https://hansard.parliament.uk/search/Debates/>

Information About the Authors

Polina A. Akhmetzyanova, Candidate of Sciences (Philology), Lecturer, Department of Practice and Theory of Translation, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, polina.akhmetzyanova@list.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3827-9269>

Svetlana S. Takhtarova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Practice and Theory of Translation, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, alfia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Информация об авторах

Полина Аделевна Ахметзянова, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, polina.akhmetzyanova@list.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3827-9269>

Светлана Салаватовна Тахтарова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, alfia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.7>

UDC 81'42

LBC 81.711

Submitted: 27.10.2025

Accepted: 02.02.2026

THE HINT AND ITS PERSUASIVENESS IN DIPLOMATIC DISCOURSE

Yingdong Guo

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Abstract. The assertion that different types of hints exert varying degrees of persuasive effect has been empirically confirmed. However, how these different types of hints influence native and non-native audiences remains largely unknown. Therefore, this study, considering the characteristics of logical, textual and contextual hints in the Chinese diplomatic discourse, tests their persuasive potential and specificity when identified by native and non-native audiences. To achieve this goal an experiment was held: we recruited 90 participants, including 30 native speakers each of Chinese, Russian, and English, and conducted a comparative analysis using a Generalized Linear Mixed Model (GLMM) based on participants' accuracy rates. The results indicate that the persuasiveness of different types of hint is not fixed. Overall, logical hint tends to demonstrate stronger persuasiveness due to their higher logical consistency and lower dependence on contextual and cultural factors. A comparison of Chinese, Russian, and English participants shows that contextual hint is the most persuasive for Chinese participants because, for native speakers, greater implicitness is associated with stronger persuasiveness. Logical hint is the most persuasive for Russian participants, which may stem from their sensitivity to the logical structure of language. Textual hint is the most persuasive for English participants, which is consistent with the tendency of English, as a low-context language, to rely on explicit semantic markers within the text itself.

Key words: hint, persuasiveness, Chinese diplomatic discourse, textual hint, logical hint, contextual hint, GLMM.

Citation. Guo Yingdong. The Hint and Its Persuasiveness in Diplomatic Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 3, pp. 82-94. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.7>

УДК 81'42

ББК 81.711

Дата поступления статьи: 27.10.2025

Дата принятия статьи: 02.02.2026

НАМЕК И ЕГО ПЕРСУАЗИВНОСТЬ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Индун Го

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Аннотация. Положение о том, что различные типы намека обладают неодинаковой степенью персуазивного воздействия, эмпирически подтверждено. Однако влияние этих типов намека на восприятие со стороны носителей и неносителей языка остается недостаточно изученным. Поэтому в настоящем исследовании на материале китайского дипломатического дискурса рассматриваются характеристики логического, текстового и контекстуального намеков и проверяется их персуазивный потенциал, а также специфика их определения носителями и неносителями языка. Для выявления персуазивного потенциала намека и способов его установления был проведен эксперимент. На основе показателей правильных ответов испытуемых (90 участников – по 30 носителей китайского, русского и английского языков) был проведен сравнительный анализ с использованием модели обобщенных линейных смешанных эффектов (GLMM). Результаты показали, что персуазивность разных типов намека не постоянна. В целом логический намек демонстрирует более высокую персуазивность благодаря большей логической связности и меньшей зависимости от контекстуальных и культурных факторов. Сопоставление полученных данных демонстрирует, что для носителей китайского языка наиболее персуазивным оказывается контекстуальный намек, поскольку у носителей языка более высокая степень имплицитности связана с усилением персуазивности; для носителей русского языка – логический намек, что может объясняться их чувствительностью к логической структуре языка; для носи-

телей английского языка – текстовый намек, что согласуется со свойственной английскому языку как языку низкоконтекстной культуры опорой на эксплицитные семантические маркеры в самом тексте.

Ключевые слова: намек, персуазивность, китайский дипломатический дискурс, текстовый намек, логический намек, контекстуальный намек, модель GLMM.

Цитирование. Го Индун. Намек и его персуазивность в дипломатическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 3. – С. 82–94. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.7>

Introduction

In August 2008, the Kremlin refuted a statement issued by the Élysée Palace, which claimed that Moscow and Paris had agreed to permit the Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE) to replace Russian troops in the security zone surrounding South Ossetia. In its official clarification, the Kremlin emphasized that during a telephone conversation with Nicolas Sarkozy, President Dmitry Medvedev had merely expressed his willingness to cooperate with the OSCE in accordance with the fifth provision of the conflict-resolution principles jointly formulated by the Russian and French presidents [Belyakov, 2011]. This incident illustrates that in cross-linguistic diplomatic communication, different nations may interpret the same expression in markedly different ways. Medvedev's statement intentionally blurred the line between agreeing to cooperate and agreeing to be replaced.

Why, then, did Medvedev refrain from rejecting the proposal explicitly and instead choose to speak in such an ambiguous manner? The answer lies in the intrinsic nature of diplomatic discourse, which adheres to the principles of politeness and face-saving [Brown, Levinson, 1987; Thomson, 1996; Leech, 2016]. Diplomats, by the very nature of their profession, conduct negotiations with tact and courtesy, a practice that renders modern diplomatic discourse inherently rich in hints and implicitness [Stephen, 2015].

To understand such implicitness in diplomatic discourse, it is essential to revisit the theoretical foundations of hinting in pragmatics. In 1975, Grice first systematically drew attention to the hint as a linguistic phenomenon [Grice, 1975]. He argued that a hint forms part of the speaker's meaning, it is created by the speaker and exists independently of whether the hearer recognizes the speaker's actual intention [Grice, 1991]. This position was later supported by neo-Gricean

scholars [Levinson, 1983; Horn, 2005; Bach, 2006; Dementiev, 2006]. In contrast, a relevance theory maintains that the hint depends primarily on the hearer's interpretation of the utterance [Sperber, 1986; Gauker, 2001; Carston, 2006]. From this perspective, a hint comes into existence only when the non-literal, intended meaning, conveyed by the speaker, is successfully recovered by the addressee. Since the early twenty-first century, many researchers have agreed that the emergence of a hint results from the joint interaction between the speaker's intention and the hearer's understanding [Stepanov, 1995; Saul, 2002]. Davis further argues that what the speaker intends to communicate does not always coincide with what the hearer actually comprehends; therefore, a hint is co-constructed through what the speaker intends to imply and what the hearer interprets as being implied [Davis, 1998]. In our view as well, the formation of a hint depends on both the hearers' comprehension and their awareness of the speaker's communicative intent. Only when the hearer genuinely grasps that intent can a hint be regarded as successfully realized.

In psychological research, psycholinguists argue that a hint can facilitate the manipulation of the addressee by enabling the communicator to conceal their intention [Sperber et al., 2010; Reboul, 2011]. The more covert the manipulative intent is, the greater might be its likelihood of success; thus, the hint is regarded as a crucial strategy of implicit communication [Lombardi Vallauri, Masia, 2014; Cominetti, Lombardi Vallauri, Masia, 2023]. In experimental studies, Lombardi Vallauri introduced the concept of cognitive optimism [Lombardi Vallauri, Masia, Cominetti, 2020] to elucidate the manipulative nature of hints, suggesting that addressees often place excessive trust in their own interpretations of facts and judgments. From a psycholinguistic perspective, the manipulative function of the hint essentially lies in examining the extent to which the hearer

comprehends the concealed communicative intention embedded in the speaker's utterance. In other words, studies of the hint should place the speaker's intention and the hearer's interpretation on an equal footing. However, it should be noted that whether manipulation necessarily involves an element of falsity remains controversial [Lu Tingting, 2018]. Scholars generally agree that manipulation is not necessarily harmful to the addressee [Krysko, 2004]; it should be distinguished from demagoguery and incitement [Sergeeva, 2006] and may even be understood as a form of persuasion [Dotdaeva, 2011; Stepanova, 2012].

Scholars generally agree that the generation of a hint entails both the speaker's communicative intention and the hearer's processes of interpretation and inference. From this perspective, Lombardi Vallauri identifies two fundamental mechanisms to deliver implicit communication strategies. The first is the concealment of responsibility, which encompasses pragmatic presupposition and topicality. In this mechanism, information remains present on the surface of the utterance, but the responsibility for confirming and interpreting the intended meaning is shifted to the hearer. The second mechanism is the concealment of content, which includes implicature and vagueness, where the intended meaning is deliberately obscured and must be inferred by the hearer based on contextual cues and background knowledge [Lombardi Vallauri, Masia, 2014; Lombardi Vallauri, 2016; Lombardi Vallauri, Masia, Cominetti, 2020]. Building upon Lombardi Vallauri's theoretical framework, we further conducted a more nuanced analysis of these two implicit communication strategies.

In the 1950s, the philosopher P.F. Strawson proposed that when a speaker uses a referring expression, they presuppose that the listener knows the referent, but do not assert that this referent actually exists. Therefore, even if the presupposition is false, it can only be regarded as a *presupposition failure* [Shu, 1989]. Although Strawson's view already hinted at pragmatic thinking, at that time presupposition was still mainly regarded as a semantic category. It was not until the emergence of the speech act theory when the view that about indirect speech acts being presuppositions involving a "truth-value gap" was placed within real communicative contexts, marking the transition of presupposition research into the pragmatic stage [Ifantidou, 1994]. R. Stalnaker pointed out that in

a particular context C, when a speaker S utters a proposition B, if S assumes that the listener L believes B, then in context C, B constitutes S's pragmatic presupposition relative to L [Stalnaker, 1974]. G. Gazdar held a similar view, suggesting that pragmatic presuppositions arise in the process whereby semantic presuppositions enter communicative contexts [Gazdar, 1979]. Therefore, since the 1980s, scholars have generally agreed that presuppositions can be divided into two major types [Zeng, 2012]: *semantic presupposition* (presuppositions derived from the meaning of the sentence itself); *pragmatic presupposition* (presuppositions that arise entirely from contextual information) [Shu, 1989].

In the 1970s, Ch.N. Li and S.A. Thompson, in developing their theory of information structure, argued that the topical element of a sentence typically appears at its beginning [Li, Thompson, 1976]. Lu Shuxiang likewise noted that "the progression from the known to the new is a general tendency in speech. This is not merely for the listener's convenience; in the speaker's mind, familiar information tends to arise earlier, while new information appears later" [Lu, 1984, p. 562]. Thus, in the organization of information, the principle of moving from old to new is most commonly observed – the closer an element is to the end of a sentence, the more topical and salient the information becomes. In other words, within the same context, different ways of expressing a particular event may yield different communicative effects. By placing new information at the beginning of a sentence and establishing it as topical, the speaker can effectively guide the listener's attention and thereby achieve an implicative or suggestive communicative purpose [Loftus, 1975].

Paul Grice's theory of implicature [Grice, 1975] is the implicit content of an expression, when the information complex is not expressed *verbatim* in the statement, which is extracted as a result of semantic inference (implication) with the involvement of additional elements from the cognitive environment (background knowledge) [Sitdikova, Sabirova, 2015]. Scholars generally classify implicature into three categories: *conventional implicature* based on specific words, *conversational implicature* based on specific contexts, and *generalized implicature*, which is activated in almost all contexts due to the general functioning rules of language [Levinson, 1983].

B. Russell pointed out that vagueness is an inherent property of language and incorporated this concept into linguistic inquiry [Russell, 1923]. With the development of pragmatics, scholars have recognized that vagueness, as a linguistic feature, inherently carries multiple layers of meaning. The pragmatic study of vagueness thus lies in using specific contexts to constrain and refine these indeterminate meanings [Wilson, Carston, 2007; Lombardi Vallauri, 2019]. Therefore, in the expression of verbal hints, vagueness may yield multiple possible interpretations in the absence of context, whereas context functions as a selective mechanism that enables the hearer to choose the interpretation seems most compatible with the communicative situation.

In this study, we provide an integrated overview of presupposition, topicalization, implicature, and vagueness, and summarize their specific mechanisms to express hints verbally. Distinguishing differences in expressive means, we classify verbal hints into three types: *textual*, *logical*, and *contextual hints*. A *textual hint* is defined as an utterance that indirectly conveys the speaker's genuine intention through the fixed lexical meaning of words. Its corresponding implicit communicative strategy is the conventional implicature. A *logical hint* is defined as an utterance that conveys the speaker's genuine intention within a particular context, based on the semantic logic embedded in the sentence [Del Pinal, Bassi, Sauerland, 2024]. Linguists generally agree that semantic presupposition, generalized implicature, and vagueness share the property of inferability, which reflects the core characteristics of logical hints. A *contextual hint* is clarified in an utterance by conveying the speaker's genuine intention in a specific communicative context. As the most covert mechanism of implicit communication, pragmatic presupposition, conversational implicature, and topicalization all exhibit a strong dependence on context [Zhang, 2020], forming the core strategies of contextual hint expression.

The studies conducted by Lombardi Vallauri, Cominetti, and others have opened new avenues

for exploring how hearers comprehend verbal hints. However, Lombardi Vallauri's research remains limited to the English discourse, focusing primarily on implicature and its persuasive effects among English-speaking audiences [Lombardi Vallauri, Masia, 2014; Cominetti, Lombardi Vallauri, Masia, 2023].

The objectives of the present study are twofold: to examine the persuasive effects of verbal hints in the Chinese diplomatic discourse among Chinese and non-Chinese audiences; to investigate the factors influencing the persuasive strength of verbal hints arising from the different linguistic backgrounds of the audiences.

Methods and material

To achieve the research objectives, an experiment was conducted with the primary task to collect and analyze the response accuracy rates of participants with the Chinese, Russian, or English language backgrounds through a comprehension test. The statistical analysis of the experimental data consisted of two parts with the aims: to evaluate the persuasive effects of different types of verbal hints in the Chinese diplomatic discourse on native Chinese speakers and non-Chinese speakers; to analyze separately the specific persuasive effects of verbal hints on audiences with the Chinese, Russian, and English linguistic backgrounds. The experiment was based on the materials drawn from press conference transcripts of the Chinese Ministry of Foreign Affairs and translated into Russian and English.

The research was established in accordance with the 10–20-minute online experiment standard suggested by Revilla and Höhne [Revilla, Höhne, 2020]. Consequently, participants' response time was capped at double the maximum standard duration, which is 40 minutes (twice the 20-minute limit). Due to this criterion, 32 participants were excluded from the study. Ultimately, we successfully recruited 30 native speakers from China, Russia, and the United Kingdom, summing up to a total of 90 participants aged between 18 and 30 years old (Table 1). They all held

Table 1. The detailed age and gender information of the participants

Parameter	China	Russia	England	Total
Number of males	17	13	11	41
Number of females	13	17	19	49
Mean age	24.90	22.77	25.43	24.37

bachelor's degrees or higher academic qualifications and possessed normal reading comprehension abilities; a fee of J3 per person was paid for their participation.

Experimental design

Brysbaert proposed that the reading speed of adults is 238 words per minute. Based on the standard duration of the experiment, which ranges from 10 to 20 minutes [Brysbaert, 2019], we set the number of test questions at 15. This experiment is a single-factor, three-level experiment conducted across three groups with different linguistic backgrounds. For each of three groups, the independent variable is the "category of hint," which encompasses three categories: textual hint, logical hint, and contextual hint. Consequently, we designed five questions for each category of hint. The dependent variable is the "accuracy" of the answers. A higher accuracy rate for a specific category of hint suggests a stronger persuasive effect of that category within a particular linguistic context, whereas a lower accuracy rate indicates a weaker persuasive effect.

The questions in the test are presented in a multiple-choice format, with four options to choose. Among these options, two are derived from the literal meaning of the corpus, while the remaining two are based on the understanding of hints, with one of them representing the correct interpretation. If a participant's choice aligns with the correct interpretation of the corresponding category of hint, it is deemed correct, indicating successful persuasion; otherwise, it signifies persuasion failure. Participants from each linguistic background complete the experiment in their respective languages. Consequently, each group should gather 450 data points (15 questions multiplied by 30 participants), amounting to a total of 1,350 data points across the three groups.

Our hypothesis posits that the persuasiveness of the hint is influenced not only by its various categories but also by different linguistic backgrounds. To validate this hypothesis, we utilize R 4.4.1 to construct Generalized Linear Mixed Effects Models

(GLMMs), examining the impact of two factors – category of hint and linguistic background – on the persuasiveness of implicature. The GLMMs are capable of capturing both the relationship between the dependent and independent variables and the individual differences among participants.

Experimental materials

The textual materials for the experiment are sourced from the press conferences of the Chinese Ministry of Foreign Affairs held from June to December 2024 (<https://www.mfa.gov.cn>). Each segment of the corpus is divided into a context (the question posed by a reporter) and a main text (the response given by the press spokesperson). The main text of each segment consists of three sentences, with one sentence containing a hint. Across all experimental texts, there are no significant differences in word frequency and word count within the main text sections (with the average word frequency and word count presented in Table 2, $p > 0.05$). Therefore, participants' understanding of the hint is not influenced by factors related to the textual characteristics of the experimental materials.

Experimental procedure design

The experimental materials consisted of a total of 15 questions, divided into three groups corresponding to the three types of verbal hints: textual, logical, and contextual hints, with five questions in each group. Each question is further divided into two parts: the corpus (textual material) and the question (prompt for analysis).

We designed the experiment using the webpage (<https://app.gorilla.sc>). The experiment consists of four parts: Instructions, Questionnaire for Participant Information Collection, Experiment, and Ending with Thanks. The Instructions section mainly emphasizes the operation method for switching pages (by pressing the spacebar). The Questionnaire for Participant Information Collection section focuses on gathering the participant's gender, age, education level, and language background. The Experiment section

is divided into a Practice Session (1 item) and the Formal Test (15 items). The Practice Session serves solely to familiarize participants with the tasks and does not contribute to subsequent data analysis. The testing procedure for both the Practice Session and the Formal Test remains consistent, as illustrated in Figure 1 (Test flowchart).

Initially, a fixation point appears for 500 milliseconds, followed sequentially by the context, main text Sentence 1, Sentence 2, Sentence 3, and finally the question. To ensure that participants' comprehension of the text is not influenced by text presentation or response time constraints, the test employs self-paced reading.

Results and discussion

To address our research questions, we first conducted descriptive statistics on the data. Subsequently, we employed mixed-effects models to test differences between groups. All statistical analyses were performed using R 4.4.1.

Descriptive statistics results

We primarily calculated the mean (M) and standard deviation (SD) of hint persuasiveness across different categories. Table 3 presents the computed results, which details the descriptive statistics.

The overall persuasive effects of hints in the Chinese diplomatic discourse on Chinese- and non-Chinese speaking audiences

To investigate the persuasive effects of hints, we employed a mixed-effects model for statistical analysis (see Table 4). The results revealed statistically significant disparities in accuracy among different categories of hints. Specifically, the contextual hint (category b: Estimate = -0.610276, SD = 0.1437, $z = -4.247$, $p < 0.001$) and the textual hint (category c: Estimate = -0.872935, SD = 0.146713, $z = -5.95$, $p < 0.001$) show certain effects.

In order to evaluate concurrence between the three categories, we conducted post-hoc tests

Table 2. ANOVA of the average word frequency and average word count in the main text sections

Case			Sum of Squares	df	Mean Square	<i>F</i>	<i>p</i>
Chinese	Average word frequency	logical hint	1.228	4	0.307	1.256	0.349
		contextual hint	2.703	4	0.676	0.847	0.527
		textual hint	2.975	4	0.744	2.114	0.154
		total	1.685	2	0.842	1.697	0.196
	Average number of words	logical hint	3.067	4	0.767	0.885	0.507
		contextual hint	2.000	4	0.500	0.500	0.737
		textual hint	0.267	4	0.067	0.077	0.988
		total	2.533	2	1.267	1.629	0.208
Russian	Average word frequency	logical hint	0.550	4	0.137	0.215	0.924
		contextual hint	2.586	4	0.646	2.115	0.153
		textual hint	1.443	4	0.361	0.727	0.593
		total	0.211	2	0.106	0.233	0.793
	Average number of words	logical hint	7.333	4	1.833	1.719	0.222
		contextual hint	4.000	4	1.000	0.750	0.580
		textual hint	2.400	4	0.600	0.333	0.849
		total	4.844	2	2.422	1.825	0.174
English	Average word frequency	logical hint	17.190	4	4.297	1.282	0.340
		contextual hint	15.437	4	3.859	0.495	0.740
		textual hint	1.164	4	0.291	0.057	0.993
		total	5.543	2	2.772	0.592	0.558
	Average number of words	logical hint	11.733	4	2.933	2.316	0.128
		contextual hint	13.333	4	3.333	2.778	0.087
		textual hint	41.067	4	10.267	0.837	0.532
		total	4.311	2	2.156	0.424	0.657

on the results, as shown in Table 5. The inconsistency between the logical hint (category a) and the contextual hint (category b) was significant ($z = 4.247$, $p = 0.0001$). The discrepancies between the logical hint (category a) and the textual hint (category c) are even more evident ($z = 5.95$, $p < 0.0001$), whereas slight variance ($z = 1.777$, $p = 0.1773$) is seen

between the contextual hint (category b) and the textual hint (category c).

To better present the results, we have created a boxjitter plot (see Fig. 2). From the plot, it can be observed that the persuasive power of logical hint (a) is significantly higher than the other two types of hints, while the persuasive power of the other two types is roughly the same.

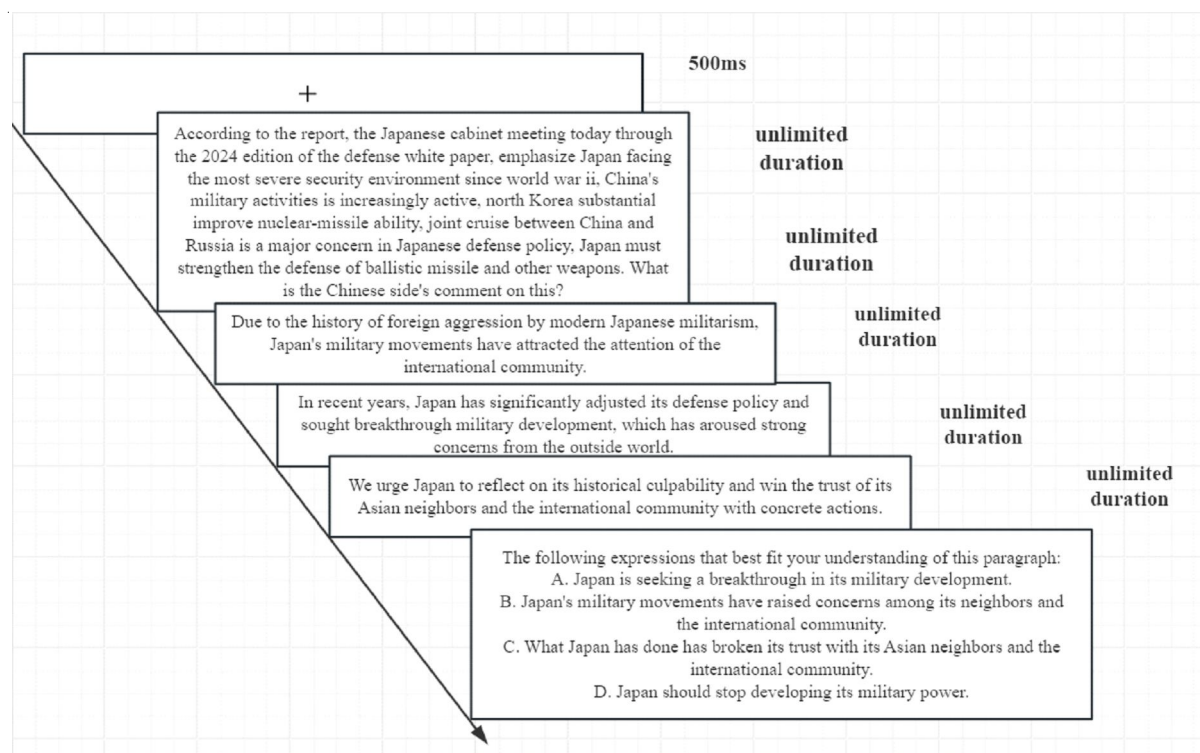

Fig. 1. Test flowchart

Note. The flowchart pertains to the English test, with a process consistent with the other two test groups.

Table 3. Descriptive statistics results

Parameter	Language			Chinese			Russian			English		
Category	a	b	c	a	b	c	a	b	c	a	b	c
Mean Value	0.502	0.369	0.316	0.567	0.627	0.413	0.787	0.327	0.313	0.153	0.153	0.22
Standard Deviation	0.501	0.483	0.465	0.497	0.485	0.494	0.411	0.471	0.465	0.362	0.362	0.416

Note. In the table the following designations are used: a = logical hint; b = contextual hint; c = textual hint.

Table 4. Persuasive effects of hints by category

Parameter	Estimate	std.Error	z value	Pr[> z]
Intercept	0.004008	0.125944	0.032	0.975
Category b	-0.610276	0.1437	-4.247	<0.001 ***
Category c	-0.872935	0.146713	-5.95	<0.001 ***

Table 5. Comparison of persuasive effects differences among categories of hints

Contrast	Estimate	SE	df	z.ratio	p.value
a-b	0.061	0.144	inf	4.247	0.0001
a-c	0.873	0.147	inf	5.95	<0.0001
b-c	0.263	0.148	inf	1.777	0.1773

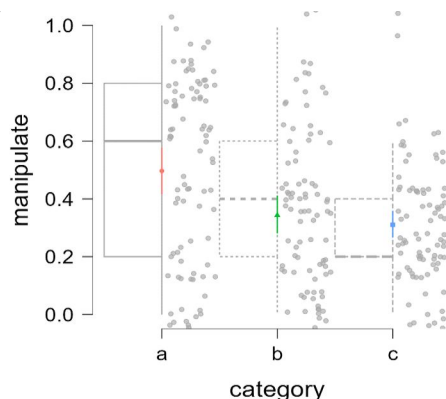

Fig. 2. Boxjitter plot of persuasive effects of hint categories

Note. The x-axis represents the types of hints, and the y-axis represents the persuasive impact on the addressee for each category.

Persuasive effects of variable categories of hints on audiences with different linguistic backgrounds

To investigate the persuasive effects of the categories of hints under study on audiences with the Chinese, Russian, and English linguistic backgrounds, we once again fitted a generalized linear mixed-effects model (Table 6). For Chinese participants, the textual hint (category c) was identified statistically significantly less accurately than the logical hint (Estimate = -0.6195 , $SE = 0.2342$, $z = -2.645$, $p = 0.008$), whereas

the contextual hint (category b) did not differ significantly from the logical hint (Estimate = 0.2501 , $p = 0.290$). For Russian participants, both the contextual hint (category b: Estimate = -2.0282 , $SE = 0.2646$, $z = -7.664$, $p < 0.001$) and the textual hint (category c: Estimate = -2.0895 , $SE = 0.2659$, $z = -7.858$, $p < 0.001$) were identified statistically significantly less accurately than the logical hint, indicating that the logical hint was the most accurately interpreted in this group. For English participants, neither the contextual hint (category b: $p = 1.000$) nor the textual hint (category c: $p = 0.138$) differed significantly from the logical hint, indicating no statistically significant differences in accuracy among the three categories of hints.

We compared the statistical figures of the persuasive effects among the three categories of hints for each linguistic background, and the results are as follows (Table 7). In the Chinese context, the difference in persuasive effect between the logical hint and the contextual hint (category a–b) is not significant ($z = -1.059$, $p = 0.5395$); however, there is more disparity between the logical hint and the textual hint (category a–c: $z = 2.645$, $p = 0.0223$) and between the contextual hint and the textual hint (category b–c: $z = 3.664$, $p = 0.0007$). In the Russian context, there is certain discrepancy between the logical hint and the contextual hint (category a–b: $z = 7.664$, $p < 0.0001$) and between the logical hint and the textual hint (category a–c: $z = 7.858$,

Table 6. Persuasive effects of the categories of hints under study on participants with different linguistic backgrounds

Parameter	Chinese			Russian			English		
	intercept	b	c	intercept	b	c	intercept	b	c
Estimate	0.2687	0.2501	-0.6195	1.3049	-2.0282	-2.0895	-1.73	-0.00000168	0.447
std. Error	0.1567	0.2361	0.2342	0.1993	0.2646	0.2659	0.237	0.322	0.302
z value	1.622	1.059	-2.645	6.547	-7.664	-7.858	-7.298	0.000	1.483
Pr[> z]	0.10481	0.28953	0.00817**	<0.001***	<0.001***	<0.001***	<0.001***	1.000	0.138

Note. Significance codes: ** indicates $p < 0.01$; *** indicates $p < 0.001$.

Table 7. Comparison of differences in persuasive effects among categories of hints in different linguistic backgrounds

Contrast		Estimate	SE	df	z.ratio	p.value
Chinese	a–b	-0.25	0.236	Inf	-1.059	0.5395
	a–c	0.62	0.234	Inf	2.645	0.0223
	b–c	0.87	0.237	Inf	3.664	0.0007
Russian	a–b	2.0282	0.265	Inf	7.664	<0.0001
	a–c	2.0895	0.266	Inf	7.858	<0.0001
	b–c	0.0613	0.248	Inf	0.248	0.9668
English	a–b	0.0000017	0.322	Inf	0.000	1.000
	a–c	-0.447	0.302	Inf	-1.483	0.2992
	b–c	-0.447	0.302	Inf	-1.483	0.2992

$p < 0.0001$); however, the gap between the contextual hint and the textual hint (category b–c) is less meaningful ($z = 0.248, p = 0.9668$). In the English context, there are no significant differences among all categories of hints (category a–b: $p = 1.000$; category a–c and category b–c: $p = 0.2992$).

To better present the results, we have created boxjitter plots for the three different linguistic backgrounds. As shown in the plots, the persuasiveness of categories of hints in the Chinese diplomatic discourse is highest for Chinese participants and lowest for British participants. Specifically, according to Figure 3, contextual hints are the most persuasive for Chinese participants, followed by logical hints, and textual hints are the least persuasive (in all figures, the x-axis represents the category of hint, and the y-axis represents the persuasiveness for recipients from different linguistic backgrounds).

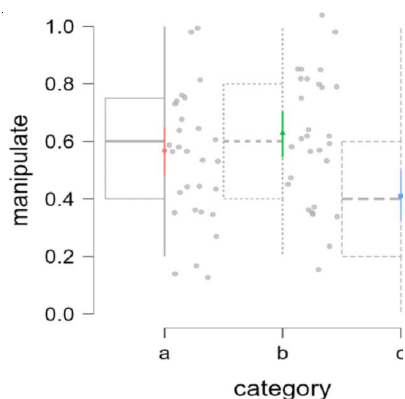

Fig. 3. Chinese participants

Note. In Figures 3–4, the x-axis represents the category of hint, and the y-axis represents the persuasiveness for recipients from different linguistic backgrounds.

According to Figure 4, logical hints are the most persuasive for Russian participants, while contextual and textual hints are less persuasive and have roughly the same level of persuasiveness.

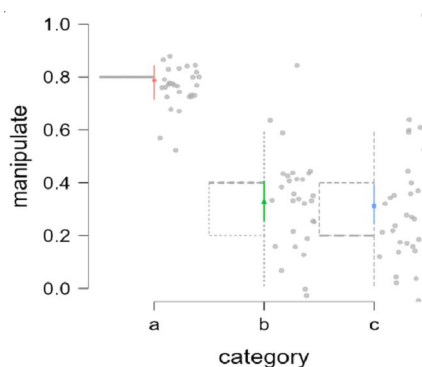

Fig. 4. Russian participants

According to Figure 5, the persuasiveness of hint categories in the Chinese diplomatic discourse is generally low for British participants, with textual hints being slightly more persuasive than the other two categories, and logical and contextual hints having roughly the same level of persuasiveness.

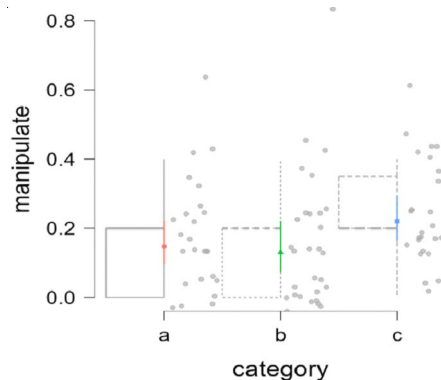

Fig. 5. English participants

Considering the data gained, we have stated the pragmatic reasons for the difficulties in discovering the hints in the diplomatic discourse, as the audience language diversity and contextual differences.

Audience language diversity can affect the persuasive power of the hint. This study, through quantitative analysis, expands upon the theoretical hypotheses proposed by Lombardi Vallauri and others regarding the persuasiveness of the hint [Lombardi Vallauri, Masia, 2014; Lombardi Vallauri, Masia, Cominetti, 2020]. The results of data analysis indicate that the persuasive effect of the hint in the Chinese diplomatic discourse on multilingual audiences differs from the theoretical hypotheses put forward by Lombardi Vallauri et al. We argue that, for native speaker audiences, the persuasive variations among types of hints are related to the degree of implicitness. Specifically, the contextual hint, which relies on context, is deemed to have the highest degree of implicitness. The logical hint, that depends on the semantic logic of the text, has a lower degree of implicitness than the contextual hint. The textual hint, expressed solely through words or sentences within the text, possesses the lowest degree of implicitness. However, when the audience consists of non-native speakers, the persuasiveness of the hint is not solely

determined by the degree of implicitness; it also hinges on the adaptability of each type of hint to a recipient type. In comparison, the logical hint, which relies more on the internal semantic logic of the text, is generally more persuasive [Averina, 2011; Antoshina, 2019], may be due to the fact that the logical hint is least influenced by recipients' personal experiential interpretations and cultural disparity, thus being more universally understandable.

Contextual differences are the main factor influencing the persuasive effect of the hint. For Chinese participants, the contextual hint was found to be the most persuasive, followed by the logical hint, while the textual hint exhibited the lowest persuasive power. This finding aligns closely with the hypotheses previously proposed by Lombardi Vallauri and others. This suggests that the persuasive impact of implicit information delivered to native speakers depends on the degree of its implicitness. Specifically, the more concealed the implicit information is, the stronger its persuasive effect on the native language users will be.

However, for non-Chinese speaker audiences, the persuasive effect of the contextual hint is more susceptible to the influence of their own "contexts" [Hall, 1976; Gudykunst, Nishida, 1986]. The concept of "context" encompasses how information is conveyed, directly or indirectly, across cultures in different countries. Hall argues that in high-context cultures, a significant amount of information is transmitted through non-verbal, implicit, or shared assumptions and background knowledge, whereas in low-context cultures, information relies more on explicit and direct verbal expressions [Gudykunst, Nishida, 1993; Gavrilenko, 2014; Jiang, 2024]. The research by Gudykunst et al. suggests that a country's context can be judged by its individualism or collectivism, with countries dominated by collectivist cultures typically being high-context, such as China, Japan, and Russia, while countries dominated by individualist cultures are often low-context, like the English-speaking countries (the United States and the United Kingdom) [Gudykunst et al., 1996]. This also explains why the persuasive effect of the hint is generally higher on the Russian audiences than on the British audiences.

Based on the aforementioned theories, both China and Russia are high-context countries. However, the degree of Russian audiences' understanding of logical hints is even higher than that of native Chinese speakers, potentially reflecting the sensitivity of Russians to the logical structure of language [Lopukhina, 2012; Zolotukhina, 2016; Polyakova, 2018]. In contrast, for the UK, which is a low-context country, textual hints tend to be more persuasive compared to the other two types of implicature. This also demonstrates the inclusiveness of English as a global language in understanding diverse linguistic expressions [Fenner, 1989; McCallen, 1989]. Moreover, the persuasive effect of the contextual hint is undoubtedly influenced by geographical locations and differences in the political stances, but this requires further experiments for verification.

Our experimental results reinforce the idea that the persuasive impact of the hint hinges not solely on the speaker's ability to veil implicit information, but also on the listener's cultural background and language interpretation capabilities. This aligns with our previously proposed theoretical viewpoint, which underscores the equal importance of both speakers and listeners in the study of the hint. In essence, the persuasive strength of various categories of hints is not fixed, and significant disparities exist among different linguistic audiences. This underscores the crucial role of cultural backgrounds and linguistic factors, particularly in the realm of diplomatic discourse research.

While our research offers valuable insights, it is not devoid of limitations. The experimental materials were confined to content from Chinese Foreign Ministry press conferences, suggesting that future research could explore a wider array of discourse types and topics. Additionally, the translation process might have introduced subtleties that influenced non-native speakers' interpretation of hints. Future studies could delve into other potential factors that may affect the persuasive power of hints, such as age and gender.

In summary, our research contributes to a deeper understanding of the expression and persuasive effects of implicit information in the Chinese diplomatic discourse across diverse linguistic backgrounds. This has important implications for both linguistic theory and cross-cultural communication practice.

Conclusion

This article argues that, unlike the traditional understanding of hints in linguistic pragmatics, the realization of hints in actual diplomatic discourse communication depends on whether the hearer genuinely grasps the speaker's hidden communicative intention. Based on the analysis of two implicit communicative strategies, this study classifies hints into three categories: textual hints, logical hints, and contextual hints. Each type of hint corresponds to a different expressive strategy. Textual hints are realized through conventional implicature and exhibit the lowest degree of implicitness. Logical hints are presented through semantic presupposition, generalized implicature, and vagueness, exhibiting a relatively high degree of implicitness. Contextual hints are accomplished through pragmatic presupposition, conversational implicature, and topicalization, exhibiting the highest degree of implicitness.

Combined with psycholinguistic analysis, the persuasive function of hints can essentially be understood as the extent to which hearers comprehend the hidden communicative intention embedded in the speaker's utterance. Therefore,

in the experiment, the persuasiveness of hints was quantified through the accuracy with which participants interpreted different types of hints.

The experimental results indicate that logical hints generally demonstrate stronger persuasiveness because they are less affected by cultural and contextual factors. Furthermore, for native Chinese speakers, the higher the degree of implicitness, the more accurately they identify the hidden information conveyed by hints, and the stronger the persuasive effect. For non-native audiences, however, the persuasiveness of hints depends on the audience's degree of cultural adaptability. Specifically, logical hints are the most persuasive for Russian audiences, whereas textual hints are the most persuasive for English audiences.

These differences are associated with variations in cultural context. China and Russia are both high-context cultures, however, compared with native Chinese speakers, Russian audiences tend to infer the implicit meaning of hints from the logical structure of language. By contrast, English-speaking countries are typical low-context cultures, in which the interpretation of implicit meaning relies more heavily on explicit semantic markers within the text itself.

REFERENCES

- Antoshina D.V., 2019. Using the Concept of Implication to Denote Logico-Semantic Relations in Semantics and Pragmatics. *Vestnik of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 1, pp. 83-90.
- Averina E.V., 2011. Logical Editing of Evaluative Judgements. *Vestnik of Moscow University. Series 10: Journalism*, vol. 2, pp. 38-44.
- Bach K., 2006. The Top 10 Misconceptions About Implicature. *Drawing the Boundaries of Meaning: Neo-Gricean Studies in Pragmatics and Semantics in Honor of Laurence R. Horn*, pp. 21-30.
- Belyakov M.V., 2011. Semantic and Semiotic Aspects of Diplomatic Discourse. *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzby Narodov. Series: Theory of Language, Semiotics, Semantics*, vol. 1, pp. 59-66.
- Brown P., Levinson S.C., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Brysbaert M., 2019. How Many Words Do We Read Per Minute? A Review and Meta-Analysis of Reading Rate. *Journal of Memory and Language*, vol. 109, p. 104047.
- Carston R., 2006. Relevance Theory and the Saying/Implicating Distinction. *The Handbook of Pragmatics*, pp. 633-656.
- Cominetti F., Lombardi Vallauri E., Masia V., 2023. Manipulative Impact of Implicit Communication: A Comparative Analysis of French, Italian and German Political Speeches. *Linguistik Online*, vol. 120 (2), pp. 41-64.
- Davis W., 1998. *Implicature: Intention, Convention, and Principle in the Failure of Gricean Theory*. Cambridge, Cambridge University Press. 74 p.
- Del Pinal G., Bassi I., Sauerland U., 2024. Free Choice and Presuppositional Exhaustification. *Semantics & Pragmatics*, vol. 17 (3).

- Dementiev V.V., 2006. *Indirect Communication*. Moscow, Gnosis Publ. 376 p.
- Dotdaeva F.I., 2011. Self-Representation of US Presidents (On the Material of American Presidential Discourse). *Political Linguistics*, vol. 4, pp. 87-96.
- Fenner A., 1989. Lingua Anglica: The Emergence of International Business English. *Language International*, vol. 2 (1), pp. 14-17.
- Gazdar G., 1979. *Pragmatics: Implicature, Presupposition and Logical Form*. New York, Academic Press.
- Gavrilenko O.V., 2014. Russia Between West and East: Organisation, Culture, Management Practices and Relations of Inequality. *Vestnik of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*, vol. 3, pp. 56-70.
- Gauker C., 2001. Situated Inference Versus Conversational Implicature. *Nous*, vol. 35, pp. 163-189.
- Grice H.P., 1975. Logic and Conversation. *Syntax and Semantics*, vol. 3, pp. 43-58.
- Grice H.P., 1991. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, Harvard University Press. 406 p.
- Gudykunst W.B., Nishida T., 1986. Attributional Confidence in Low- and High-Context Cultures. *Human Communication Research*, vol. 12, pp. 525-549.
- Gudykunst W.B., Nishida T., 1993. Closeness in Interpersonal Relationships in Japan and the United States. *Japanese Journal of Social Psychology*, vol. 8 (2), pp. 85-97.
- Gudykunst W.B. et al., 1996. The Influence of Cultural Individualism-Collectivism, Self-Construals, and Individual Values on Communication Styles Across Cultures. *Human Communication Research*, vol. 22 (4), pp. 510-543.
- Hall E.T., 1976. *Beyond Culture*. New York, Anchor Press.
- Horn L., 2005. Current Issues in Neo-Gricean Pragmatics. *Pragmatics Today*, pp. 191-204.
- Ifantidou E., 1994. *Evidentials and Relevance*. PhD Thesis. University of London.
- Jiang M., 2024. *A Study on Edward Hall's Cultural Theory*. Dr. philol. sci. diss. Heilongjiang University. 83 p.
- Krysko V.G., 2004. *Slovar-spravochnik po sotsialnoy psikhologii* [Dictionary-Reference Book on Social Psychology]. Moscow, Vldos-press. 123 p.
- Leech G.N., 2016. *Principles of Pragmatics*. London, Routledge.
- Levinson S.C., 1983. *Pragmatics*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Li C.N., Thompson S.A., 1976. Development of the Causative in Mandarin Chinese: Interaction of Diachronic Processes in Syntax. *The Grammar of Causative Constructions*, pp. 477-492.
- Loftus E.F., 1975. Leading Questions and the Eyewitness Report. *Cognitive Psychology*, vol. 7 (4), pp. 560-572.
- Lombardi Vallauri E., Masia V., 2014. Implicitness Impact: Measuring Texts. *Journal of Pragmatics*, vol. 61, pp. 161-184.
- Lombardi Vallauri E., 2016. The "Exaptation" of Linguistic Implicit Strategies. *Springer Plus*, vol. 5 (1). 1106 p.
- Lombardi Vallauri E., 2019. *La lingua disonesta. Contenuti impliciti e strategie di persuasione (The Dishonest Language: Implicit Contents and Persuasion Strategies)*. Il Mulino. 285 p.
- Lombardi Vallauri E., Masia V., Cominetti F., 2020. Implicit Argumentation and Persuasion: A Measuring Model. *Journal of Argumentation in Context*, vol. 9 (1), pp. 95-123.
- Lopukhina R.V., 2012. Semantic Basis of Inferences in Russian. *Uchenye Zapiski. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, vol. 3 (23), pp. 56-62.
- Lu Shuxiang, 1984. *Collected Papers on Chinese Grammar*. Beijing, The Commercial Press. 616 p.
- Lu Tingting, 2018. *Theory and Methods of Political Linguistics*. Shanghai, Shanghai People's Publishing House. 172p.
- McCallen B., 1989. English: A World Commodity – The International Market for Training in English as a Foreign Language. *Language International*, vol. 2 (1).
- Polyakova T.V., 2018. Inductive and Deductive Inference as Ways of Expressing Agreement. *Vestnik of Adygeya State University. Series 2: Philology and Art History*, vol. 3 (222), pp. 81-85.
- Reboul A., 2011. A Relevance-Theoretic Account of the Evolution of Implicit Communication. *Studies in Pragmatics*, vol. 13 (1), pp. 1-19.
- Revilla M., Höhne J. K., 2020. How Long do Respondents Think Online Surveys Should Be? New Evidence from Two Online Panels in Germany. *International Journal of Market Research*, vol. 62 (5), pp. 538-545.
- Russell B., 1923. Vagueness. *The Australasian Journal of Psychology and Philosophy*, vol. 1 (2), pp. 84-92.

- Saul J.M., 2002. What Is Said and Psychological Reality: Grice's Project and Relevance Theorists' Criticisms. *Linguistics and Philosophy*, pp. 347-372.
- Sergeeva E. V., 2006. Priemy manipulativnogo vozdeistviia v politicheskom diskurse (na materiale oratorskikh proizvedenii V.I. Lenina i I.V. Stalina) [Techniques of Manipulative Influence in Political Discourse (Based on the Oratorical Works of V.I. Lenin and I.V. Stalin)]. *Political Linguistics*, vol. 19, pp. 196-209.
- Shu D., 1989. On Several Issues Concerning Presupposition Theory. *Foreign Language Research*, vol. 3, 8-13 p.
- Sitdikova F.B., Sabirova R.N., 2015. Implicature Inference as a Condition for a Successful Act of Communication. *Vestnik of Vyatka State University*, vol. 10, pp. 72-77.
- Sperber D., 1986. *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford, Blackwell.
- Sperber D. et al., 2010. Epistemic Vigilance. *Mind & Language*, vol. 25 (4), pp. 359-393.
- Stalnaker R., 1974. Pragmatic Presuppositions. Munitz M., Unger P., eds. *Semantics and Philosophy*. New York, New York University Press.
- Stepanov Y.S., 1995. Alternative World, Discourse, Fact and the Principle of Reason. *Language and Science at the End of the 20th Century: Collection of Articles*. Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, pp. 35-73.
- Stepanova M.A., 2012. Manipulative Techniques as a Means of Creating Images of Political Figures (On the Material of Public Speeches of Barack H. Obama and David W.D. Cameron). *Vestnik MGOU. Series: Linguistics*, pp. 107-115.
- Stephen M.D., 2015. "Can You Pass the Salt?" The Legitimacy of International Institutions and Indirect Speech. *European Journal of International Relations*, vol. 21 (4), pp. 768-792.
- Thomson J.E., 1996. *Mercenaries, Pirates, and Sovereigns: State-Building and Extraterritorial Violence in Early Modern Europe*. Princeton, Princeton University Press.
- Wilson D., Carston R., 2007. A Unitary Approach to Lexical Pragmatics: Relevance, Inference and ad hoc Concepts. Burton-Roberts N., ed. *Pragmatics*. London, Palgrave Macmillan, pp. 230-259.
- Zeng Bihao, 2012. *A Study of Presupposition in Chinese and English Advertising Discourse*. Shanghai International Studies University.
- Zhang Miao, 2020. *A Study on Pragmatic Presupposition and Communicative Context Adaptation in TED Talks*. Master's Thesis. Northeast Forestry University.
- Zolotukhina V.G., 2016. Logical Problems of the Russian Language. *Problems of Modern Science and Education*, vol. 21 (63), pp. 11-13.

Information About the Author

Yingdong Guo, Postgraduate Student, Department of Romance and Germanic Philology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, go.in@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1235-5783>

Информация об авторе

Индун Го, аспирант кафедры романо-германской филологии, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия, go.in@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1235-5783>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.8>

UDC 81'373.612.2:82-1
LBC 81.411.2+81.055

Submitted: 17.11.2025
Accepted: 02.02.2026

SOMATIC TOPOS CODE: SPECIFICITY OF THE METAPHORICAL MODEL <SPACE ↔ BODY> IMPLEMENTATION IN MODERN RUSSIAN POETIC TEXTS

Nadezhda M. Vishnyakova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article examines the characteristics of metaphors formed through the processes of body topologicalization and space somatization. The aim of the research is to identify common and distinctive properties of the compared objects in order to clarify the essentials of their similarity, their relation to reality, and their functional component. The analysis is based on a corpus of spatial metaphors with a somatic component, extracted from contemporary Russian poetic texts (2020–2025) written by the authors from the Southern Federal District, the Siberian Federal District, and the new regions of the Russian Federation. The study employs linguo-cognitive and structural-and-semantic approaches to metaphor analysis. A number of specific spatial-bodily correspondences are examined (e.g., <road surface ↔ skin>, <cosmos ↔ abdomen>, <river ↔ veins>, <burnt-out structure ↔ bones>, etc.), and the peculiarities of realizing the metaphorical model <space ↔ body> in contemporary poetic text are determined. It is revealed in traditional techniques of sacredness and aesthetics actualizing, the foregrounding of urban and military contexts, as well as in the compensatory role of zoomorphic correspondences. A high degree of reversibility, or potential for it, is found in the studied constructions. This is explained by the inherent potential of bodily and spatial nominations, which is linked to the archetypal, cultural, functional, and orientational properties of the respective concepts.

Key words: Russian language, modern Russian poetry, somatic metaphor, spatial metaphor, reversible metaphors, metaphorical model.

Citation. Vishnyakova N.M. Somatic Topos Code: Specificity of the Metaphorical Model <Space ↔ Body> Implementation in Modern Russian Poetic Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 3, pp. 95-105. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.8>

УДК 81'373.612.2:82-1
ББК 81.411.2+81.055

Дата поступления статьи: 17.11.2025
Дата принятия статьи: 02.02.2026

СОМАТИЧЕСКИЙ КОД ТОПОСА: СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ <ПРОСТРАНСТВО ↔ ТЕЛО> В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Надежда Михайловна Вишнякова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы особенности метафор, образованных в результате топологизации тела и соматизации пространства. Цель исследования состоит в установлении общих и различных свойств сопоставляемых объектов для уточнения основы их сходства, отношения к действительности и функциональной составляющей. Анализ проведен на материале пространственных метафор с соматическим компонентом, извлеченных из современных русских поэтических текстов 2020–2025 гг., созданных авторами Южного федерального округа, Сибирского федерального округа и новых регионов РФ. В работе использованы лингвокогнитивный и структурно-семантический подходы к изучению метафор. Рассмотрен ряд конкретных пространственно-телесных соответствий (<дорожное покрытие ← кожа>, <космос ↔ живот>, <река ↔ вены>, <сгоревшее сооружение ← кости> и т. д.); определена специфика реализации метафорической модели <пространство ↔ тело> в современном поэтическом тексте, которая проявляется в традиционных приемах эстетизации и сакрализации, актуализации урбанистического и военного контекстов, а также в компенсаторной роли зооморфных соответствий. Сделан вывод о высоком уровне обратимости описанных конструкций или возможности таковой, что объясняется исходным потенциалом телесных и пространственных номинаций, связанным с архетипическими, культурными, функциональными и ориентационными свойствами соответствующих понятий.

Ключевые слова: русский язык, современная русская поэзия, соматическая метафора, пространственная метафора, обратимые метафоры, метафорическая модель.

Цитирование. Вишнякова Н. М. Соматический код топоса: специфика реализации метафорической модели <пространство ↔ тело> в современных русских поэтических текстах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 3. – С. 95–105. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.8>

Введение

Физическая релятивистская картина мира предполагает зависимость восприятия пространства от наблюдателя в противовес субстанционалистской, в соответствии с которой топос мыслится как неизменная самостоятельная сущность. В свою очередь, антропоцентрическая парадигма признает человека точкой отсчета для конструирования в языке и сознании представления об окружающей действительности. В естественных и гуманитарных науках обнаруживается принципиальная сложность концептуализации топологических представлений при исключении из них субъекта. Это та причина, по которой мы считаем необходимым выявить особенности телесно-пространственных тождеств. Объектом исследования являются метафоры с пространственными и соматическими компонентами, а предметом – механизмы функционирования в таких иносказательных конструкциях топологического и телесного кодов.

Архаические представления о большом мире (пространство) конструировались на базе осознания малого (тело). В связи с этим В.Н. Топоров в вопросе о том, «первичен ли антропоморфичный код, с помощью которого описывается Вселенная, или космологический код, которым можно описать тело человека»

[Топоров, 2010, с. 330], отдает предпочтение первому варианту. Такая точка зрения на соотношение понятий находит свое отражение и в лингвокогнитивных исследованиях. Например, А.В. Кравченко в контексте анализа взаимосвязи языка и восприятия утверждает, что «мир существует только в человеческом измерении, ибо точкой отсчета и мерой всего в конечном итоге является человек» [Кравченко, 2004, с. 35].

Исследования соматонимов (соматизмов, соматических единиц) в их символическо-метафорических реализациях фокусируются: 1) на выявлении общих архетипических параллелей микрокосма и макрокосма [Топоров, 2010; Мошина, 2020; Семенова, 2022; и др.]; 2) на анализе их использования для концептуализации нематериальных зон (например, сердце как вместилище эмоций, голова как пространство идей) [Преснякова, 2009; Милашевская, 2011; Лаврищева, 2018; и др.]. В работах находит отражение то, как базовые онтологические значения частей тела и органов, связанные в большей степени с пространственной организацией, обеспечивают трансформационный потенциал семантики соответствующих единиц. При изучении пространственно-телесных соотношений авторы исходят из того, что «ориентирование (пространственного объекта. – Н. В.) строится по ана-

логии с ориентированием человеческого тела» [Рахилина, 2000, с. 98]. Во многом это обусловлено неотъемлемыми топологическими характеристиками частей тела и органов, которые, например, У.М. Трофимова характеризует как соматизмы-вместилища и соматизмы-поверхности [Трофимова, 2014, с. 77]. Активность контейнерных моделей (восприятие абстрактных понятий как физических объектов внутри или в пределах ограниченного пространства) трансформации телесных и пространственных понятий может объясняться тем, что они позволяют представить внутренний мир как территорию с разными ландшафтами – знакомыми, избегаемыми или непереносимыми [Austin, 2013].

Среди публикаций, посвященных соматизмам, отмечено преобладание работ, выполненных на материале фразеологизмов (см., например: [Каксин, 2011; Rasovska, 2013; Иванова, 2025; и др.]). Авторы указывают на универсальность данной группы фразеологических единиц, обусловленную значимостью последних в повседневной жизни людей [Цыбина, Комиссарова, Зиновьев, 2023, с. 1–2]. Кроме того, это свидетельствует о роли телесного опыта для образного осмысления мира, что подчеркивает важность результатов таких работ для изучения соматического и пространственного кодов на материале поэтических текстов.

Изучение соматонимов особенно активно происходит и на материале художественных произведений. Это, по-видимому, связано с репрезентативностью проявления в них культурных и ментальных компонентов значения, что в свою очередь согласуется с мнением К.Н. Гущиной, называющей телесную метафору, обладающую бытийной семантикой, основой для моделирования поэтического универсума. В частности, автор отмечает использование поэтами принципа тотальной аналогии (тело – мир, тело – земля) [Гущина, 2024].

Учитывая сказанное, мы ставим перед собой цель определить общие и различные свойства метафор, образованных в результате топологизации тела и соматизации пространства, для уточнения основы их сходства, отношения к действительности и функциональной составляющей.

Материал и методы

Исследование проведено с применением лингвокогнитивного и структурно-семантического подходов к изучению иносказательных конструкций, предполагающих применение концептуального моделирования, лексико-семантического и контекстуального анализа. Опора исключительно на первый из них может ограничивать возможности и потенциал исследования поэтических метафор. Это связано с тем, что не всякий контекст может быть приведен к схеме, в которой абстрактное описывается в терминах конкретного. Кроме того, конструирование метафор в художественном тексте часто подчинено цели создания образа, что требует структурно-семантического изучения каждого конкретного высказывания.

Материалом исследования послужили метафорические единицы с пространственными и соматическими компонентами, извлеченные из опубликованных в литературных журналах и альманахах 2020–2025 гг. русских поэтических текстов авторов Южного федерального округа, Сибирского федерального округа и новых регионов РФ («Белая скала», «Отчий край», «Рассвет», «Краснодар литературный», «Начало века», «Алтай», «Южный маяк», «Дон»). Из общего массива метафорических конструкций (2 509 единиц) нами были вычленены те, в которых соматическая лексика составляет ядро высказывания (222 единицы, что составляет 8,82 % от общего количества изучаемых контекстов), будучи областью источника (накладываемого на пространство признака – при соматизации топоса) или областью цели (отождествляемой с пространством – при топологизации тела).

Соматические (анатомические) пространственные переносы являются подвидом антропоморфных метафор. Их сущность состоит в описании устройства окружающего физического мира посредством уподобления строению человеческого тела и наоборот. Нередко в контексте равно акцентируется как конкретная часть тела или орган, так и человек в целом (собственно олицетворение). Таким образом, анатомический перенос и одушевление пространства могут соединяться в конструкциях модели <пространство ↔ человек>. Например, в метафоре *сердце горы*

одновременно актуализируется как персонификация, когда неживое наделяется человеческими качествами, так и соматизация, когда репрезентированы телесно-пространственные отношения (в данном случае локализации – сердце как центр). Так, для причисления антропоморфной пространственной метафоры к соматической необходимо, чтобы тело и его части представляли биофизический объект с потенциалом его описания как локализуемого / локализатора, имеющего форму, границы, вместимость и др., а не исключительно человеческие качества (характер, возраст, эмоции, социальный статус и др.).

Результаты

Наш материал в целом отражает индикаторный потенциал соматонимов. Конкретные части тела традиционно ассоциируются с вместилищем для нематериального и материального (голова, грудь, сердце, живот), с ориентацией в пространстве (голова – небо, сердце – центр), с функциональной составляющей (спина – опора, скелет – основа, сердечно-сосудистая система – транспортировка и др.). Это свидетельствует о сохранении в современной поэтической картине мира архаических представлений о связи микро- и макрокосма. Вместе с тем мы можем судить о трансформации взглядов на пространство и тело с учетом преобразований социальных институтов, эволюционных и цивилизационных процессов, знаковых событий. В ходе исследования были выявлены модели: <пространство ↔ голова / лицо (волосы, лоб, ресницы, глаза, нос, рот, уши, щеки и др.)> (68 единиц), <пространство ↔ шея / горло> (7 единиц), <пространство ↔ туловище / скелет> (44 единицы), <пространство ↔ кожа> (18 единиц), <пространство ↔ сердце> (28 единиц), <пространство ↔ вены и жилы> (12 единиц), <пространство ↔ живот> (20 единиц), <пространство ↔ конечности> (25 единиц).

Голова

В то время как доминирующей концептуальной схемой для метафор головы является контейнерная [Трофимова, 2014; Куличенко, Королевская, 2017; Милашевская, 2011,

с. 360; 2017], наш материал демонстрирует единственный репрезентант субмодели <голова ← вместилище>: *От ада в голове не убежишь* (Третьякова-Федина А. Бог «Белых пятен» // Белая скала. 2020. № 3). Гораздо чаще в текстах представлены метафоры конкретных частей головы (лицо / лик, лоб, глаза, глазницы, веки, щеки, рот / уста, губы, скулы, зубы). Отмечается частотность обращения авторов к лексеме *лик*, что объясняется традицией ее использования в поэтической речи (БАС, с. 188), например: *светлый лик солнца, цветущий лик Земли, лик России, лунный лик*. Так, авторы эстетизируют и сакрализуют объективную действительность в терминах внешнего облика. Вместе с тем та же модель может применяться при указании на возраст и историю, стоящие за локацией: *морицинистый лик земной; трещин путь морицинит лик дна оврага*. Как видим, уподобление происходит преимущественно по визуальным и ассоциативным характеристикам вне соотношения с другими объектами действительности. Метафоры конкретных частей лица (*мира лоб, как Эверест; ноздреватый чернозем; [солнце] садится на переносицу города*) маркируют верхнюю и/или переднюю открытую часть пространства посредством телесной лексики.

Другой способ соотношения с пространственными выразителями демонстрируют лексемы, обозначающие органы зрения и их обрамление. Так, по ориентационному фактору глаза могут соответствовать / принадлежать воздушной сфере: *глаза Небес, неба глаза, звездные зрачки*. Такие метафоры обратимы, ср.: *глубже неба в глазах* – контекст, в котором образ голубых глаз конструируется посредством пространственного понятия. Кроме того, глаза нередко отождествляются с пограничными элементами сооружений (двери, окна), в частности домашних, посредством функциональной основы сходства (открытие / закрытие): *окна – глаза, сомкнув дверей ресницы*. При описании урбанистического пейзажа слово *глазницы* приобретает негативную коннотацию (*пустые глазницы окон, городские глазницы тоже пусты*), посредством чего актуализируется семантика темноты, опустошенности и заброшенности. Веки и ресницы в контекстах чаще уподобляются локациям и пространственным объектам не по

признаку пограничности, а по визуальному сходству: *синеватые веки луны, ресницы ковыля – глаза степей, ресницы леса собрались в ряд*. Уподобление локаций растительности на лице и голове объясняется аналогичным образом. При этом, по нашим наблюдениям, метафорическое наличие волосяного покрова преобладает у движущихся / движимых (при воздействии извне) топосов или их частей: среди *кудряшек облаков, локоны солнца, белокурое небо, волны гривами пелись*. Статичные образы характеризуются уникальностью и единичностью соматических репрезентаций, например: *Но льдяной щетиною / Уже покрыла студа* (так в тексте. – Н. В.) *скулы ерика* (Кузнецова-Киреева Л. Пастуший ветер... // Отчий край. 2020. № 2); *А за стеклом, где льды непобедимы, / Где стынут рек замерзшие усы* (Селедцов О. Январь // Рассвет. 2020. № 10). В контекстах варьируется зимний пейзаж с подчеркиванием его сезонности. Другие способы приобретения зоо- и антропоморфного признака пространством демонстрируют метафоры ротовой полости. Несмотря на то что их объединяет семантика отверстия (открытия / закрытия), иносказательный потенциал здесь во многом зависит от выбранного автором варианта лексемы. Так, *пасть* эксплицирует агрессивную составляющую процесса поглощения – и силу стихии: *...Лёд трещал и глотал ливонцев, и озёрная рдела пасть* (Товескин К. Сила русских // Белая скала. 2025. № 31); и страх смерти: *Пасти ждущих могил, / обмеряющих тело мое* (Никольский М. На погосте // Краснодар литературный. 2021. № 2). В то же время поэтизм *уста* традиционно служит для реализации эстетической цели, например: *уста, как устье той печали*. Нейтральными остаются *губы* и *рот*: *губы ерика, рот тюрьмы* и т. д.

Шея

Метафоры пространства, как правило, используют образ горла – внутренней части шеи. В таких конструкциях реализуется его соединительная функция и визуально-параметрическая составляющая (узость и продолговатость), в связи с этим такие уподобления характерны для топосов пути: *горло дороги, горло вокзала, горло города*.

Туловище

Соматизация в данном случае происходит преимущественно посредством ориентационной акцентуации (перед / зад, внутри / снаружи). Метафоры груди могут создавать образ масштабного и открытого взгляду пространства: *степи подростковая грудь, по широкой байкальской груди, на грудь совсем чужой земли*. При топологизации активна контейнерная модель по аналогии с образами сердца как вместилища, что соотносимо с представлениями человека о локализации души: *в моей грудной пустыне, в груди гнездятся облака, небеса в груди, в груди остров Крит*. Единичен случай актуализации размера и формы грудной клетки как вторичного полового признака в терминах возвышенности: *О, Тамарина грудь – / это в белом сиянье Казбек!* (Скиф В. Тамара // Белая скала. 2021. № 2).

Иные основы сходства репрезентированы в метафорах спины, позвоночника и хребта. Нами не было обнаружено обратимости таких конструкций уподобления пространства телу, что связано, прежде всего, с отсутствием контейнерной ассоциации. Происходит реализация значения опоры, рельефных особенностей (прямо / криво): *между выпуклых спин валунов, выгнулись спинами волны, лес согнулся хребтом, улицы кривой позвоночника*.

Аналогичное тяготение к антропоморфной соматизации наблюдается в метафорах костей, скелета и ребер. Потенциал таких конструкций зависит от типа локации, на которую накладываются признаки: для природных ландшафтов это маркировка рельефа (*переломанные ребра скалы, каменные кости кряжа*), для искусственных сооружений – констатация результата деструктивных процессов войны или упадка деревень (*черные скелеты обгоревших зданий, скелеты домов, остовы церквей, бетонные ребра, стальные останки*). Некоторые случаи эксплицируют недостаточность антропоморфного соматического кода, компенсируемого зооморфным, например: *Глянь: трактора разбросаны прямо как кости мамонта!* (Прокопьева Т. Кедровка // Начало века. 2025. № 2). Здесь осуществляется уподобление заброшенной техники

археологическим останкам, то есть заметно влияние временного фактора на деградацию пространства. Бока метафоризируются как часть пространства на основании контактной поверхности: *грязными боками трется поезд, Земля греет бока*. Тем самым подчеркиваются границы, объем, ориентация объекта и связь со средой.

Кожа

Представление об этом органе как об оболочке и защитном слое используется авторами для создания образов верхнего слоя пространства. При этом актуализироваться может как его деформация (*заборы со слезшей кожей, содрана кожа земли, кожу срываю с земли*) – утрата защитного покрова под воздействием погодных условий, искусственного вмешательства человека, обветшалости; так и его наличие с экспликацией цветовых или иных визуальных характеристик: *холмы с бархатисто-коричневой кожей, материка загар, черной кожей дороги покрыты*. Для демонстрации разрушения и негативных процессов в пределах пространства используются слова, обозначающие дефекты кожи: *улицы изувечены язвами рытвин и ям, шрамы террикона, земля в опаленных оспинах*. Исключения составляют констатация временных изменений, оцениваемых нейтрально (*морщины утесов, тротуары прячут сеть морщин*), и неожиданные пейзажные соответствия, например: *у неба сыпь, небо в тускнеющих родинках* (о звездах). В случаях, когда вновь обнаруживается дефицит антропоморфных признаков органа, на передний план выступают животные соматические уподобления. Так, по форме и структуре небесные и воздушные пространства отождествляются с наружным покровом некоторых животных: *вода – чешуя исполинского дикого зверя, чешуя белой пены воды, река чешуей искрится, чешуя облаков, асфальт как кожа саламандры*.

Сердце

В пространственных метафорах, содержащих указанный соматоним, в полной мере реализуется иносказательный потенциал пос-

ледного –местилище духовной жизни человека. Наиболее обширную группу составляют его уподобления сооружениям разного типа и функциональности. Ими могут быть:

1. Места постоянной локализации для человека / животного (*в пустой сердечной колыбели, мое сердце – гнездо*), для материального и нематериального (*ты поселился в сердце ср. с память в сердце осталась жить*). Общая цель таких высказываний – маркировка эмоционального и/или когнитивного компонентов для передачи внутреннего состояния.

2. Объекты религиозного назначения (*храм сердца, сердце – родительский храм, выпускай... из сердечных келий*). Таким образом, происходит сакрализация органа, неразрывно связанного с духовной жизнью.

3. Средства передвижения. Сближение происходит на функционально-акциональной основе. При этом в метафорах могут отражаться аспекты внутреннего мира автора: как на социальном межличностном (*сердце твоё – огромный инопланетный корабль*), так и на индивидуальном экзистенциальном (*сердце... как старый горловский трамвай стучит*) уровне. Если в одном случае передается уникальность субъективной реальности значимого другого, то в другом – изношенность, усталость и связь внутреннего мира с внешним при дополнительном сближении объектов по ритмичности звучания.

В то же время наблюдается активность субмодели <сердце ← водное пространство>: *сердце катится, как река; сердце наполнится, как вешняя Бия; берега моего ошалевшего сердца; сердца неисчерпанный родник*. Здесь также доминирует динамическая составляющая наряду с акцентированием полноты и стихийности жизненных сил, эмоций и чувств. Отсутствие замкнутости в противовес уподоблениям сердца сооружениям предполагает потенциал подчеркивания свободы движения и распространения нематериального.

Обратная модель реализуется, как правило, посредством соматизации открытого пространства: *сердце Родины, сердце деревни сгорело, сердце столицы, рана в сердце города*. В данном случае место представлено или объектом внешнего воздействия, или

частью системы. Так или иначе происходит сближение по ориентационному признаку – локализации в центре.

Вены и жилы

Вены имеют ряд устойчивых обратимых сближений с конкретными пространственными объектами, у которых доминирующими признаками оказываются длина и движение вдоль, – гидрообъекты и топос пути, например: *дорога бойкой веной ср. с по дорожкам вен, Кальмиус – распухшей веной ср. с по венам побегут ручьи*. В свою очередь, жилы устойчиво ассоциируются с землей, составляя группу стертых метафор в результате утраты связи с первичным значением и геологической терминологизации лексемы: *перебитые жилы окопа, жилы земные*.

Живот

Несмотря на то что ввиду контейнерной составляющей большинство образных пространственных проекций указанной части тела однотипны, у них велик потенциал для реализации онтологической семантики с полярными коннотациями. Например, в метафоре *В космосе мамино живота / с ним говорил Господь* (Цаголова Л. Гагарин // Алтай. 2024. № 2) последовательно реконструируется интуитивное представление о пространстве эмбриона, для которого одна часть тела матери представляет весь универсум. В то же время контексты такого характера могут идейно усложняться посредством отождествления живота с конкретными локациями: *Младенец в утробе матери благословляет тюрьму* (Мамаенко А. Джинн, кувшинный невольник... // Южный маяк. 2021. № 2). Здесь субъект гипотетически выходит на новый уровень осознания себя в пространстве – нахождение в замкнутой среде. Помимо этого, осуществляется противопоставление своей замкнутой маргинальной среды как оцениваемой положительно и чужой открытой социальной как оцениваемой отрицательно.

Функцией вместилища и неразрывной связью представления о животе с концептами рождения и смерти может объясняться высокий уровень обратимости пространственно-телесных трансформаций, например: *При-*

жавшись друг к другу, как братья в утробе единой (Хапилова О. Неправда, что павшим... // Дон. 2020. № 1–3). В контексте по субмодели <могила ← живот> осуществляется соматизация захоронения, наделение его признаком живого существа на основе как ограниченности свободы действий и близости расположения субъектов, так и онтологической составляющей, посредством которой становится возможной взаимозамена понятий жизни и смерти.

В других случаях наделение пространства признаками живота сопряжено с целью художественной интерпретации ситуативного хронотопа посредством, например, уподобления утробы: 1) природным объектам по форме, функции, отсутствию света, наличию границы, наличию / отсутствию движения для актуализации погодных и временных условий (*темнота в речной утробе, на краю ледяной утробы, брюхо облака*); 2) городскому топосу по шуму в его пределах (*в гулком чреве города, город гудит нутром*); 3) транспорту по уровню его заполненности (*огромное брюхо аэростата, живот электрички набит людьми*).

Во всех приведенных иносказательных контекстах был использован контейнерный признак живота для реализации иногда противоположных целей – сакрализации микрокосма с макрокосмом и профанизации (то для приближения недостижимого к человеку, то для экспликации негативных сем, например ‘толпа’ и ‘шум’).

Конечности

Отмечена невысокая активность пространственных соответствий на базе описываемых частей тела – рук и особенно ног. Это связано с тем, что такие уподобления тяготеют к антропоморфным метафорам, в которых важно собственно действие персонифицированной локации, осуществляемое имплицитно выраженными конечностями. В то же время нас интересуют контексты, в которых отдельная часть тела или орган отождествляется с конкретным пространством.

Части верхних конечностей могут быть использованы для подчеркивания формы (*локоть холма*), масштаба (*горизонт плечист*),

принадлежности месту и силы (*Волга плечами вросла*) пространственных объектов. Потенциал вместилища поэтически реализуется в метафорах не столько рук, сколько ладоней (*длани улиц, в ладони простора, колыбель твоих ладоней, ладони теплой лодочкой, в ладье ладоней*), что, по-видимому, связано с эвфоническим аспектом целеполагания автора. Метафора характеризуется абсолютной обратимостью, поскольку здесь релевантен признак открытого вместилища, под который наряду с ладонью подпадают многие отграниченные природные и искусственные пространства.

Вместе с тем при описании рук в топологических терминах используется характеристика парности и границы, например: *руками как берегами*.

Такой высокий потенциал трансформационной инверсии может быть продиктован неотъемлемыми функциями рук (сгибание / разгибание) и универсальными физическими характеристиками (протяженность, длина и т. д.).

Соматические метафоры рук, в отличие от собственно антропоморфных, лишены семантики движения. Поэтические варианты таких конструкций подчинены закономерностям топологических проекций. Неожиданных сближений пространства и конечностей обнаружено не было.

Об обратимости

Согласно нашим наблюдениям, обратимость метафор модели <пространство ↔ тело> максимальна в тех случаях, когда за основу обоих высказываний берутся универсальные топологические схемы (контейнерная, ориентационная, параметрическая). Однако уровни пересечений таких конструкций дифференцируются. Так, абсолютно обратимы из них те, в которых закреплены сугубо пространственные черты сходства, не предполагающие концептуализации абстрактных понятий, например: ладонь ↔ лодка, живот ↔ космос, вена ↔ река / дорога. В то же время относительная обратимость возможна в случаях смещения основы сходства при совпадении ядерных выразителей метафоры. Так, сближение <сердце ← пространство> чаще всего обеспечивается функцией вместилища и представлениями о нем как о локализаторе

для нематериального, тогда как <пространство ← сердце> обусловлено ориентационными (центр) и архетипично-оценочными (свое) характеристиками: *сердце деревни, сердце города*. Следовательно, свойства концепта сердца проецируются по-разному. При этом метафоры некоторых частей тела демонстрируют низкий уровень обратимости. Если к числу устоявшихся соответствий, маркируемых как синонимичные, мы можем отнести <голова ← сооружение> (башня, чердак, крыша и т. д.), то, как правило, постройки и вместилища разных типов мы с указанной частью тела не соотносим. Это связано с тем, что голова тесно ассоциируется именно с когнитивными способностями, что не сводимо к пространственной схеме.

Заключение

В результате проведенного исследования был обнаружен высокий уровень корреляции между базовыми онтологическими значениями соматонимов и их иносказательными проекциями. Кроме того, подтверждена гипотеза о значительном потенциале обратимости пространственно-телесных уподоблений, базирующаяся на тесной взаимосвязи микрокосмических и макрокосмических реалий. Анализ пространственных метафор головы, шеи, туловища, кожи, сердца, вен и жил, живота, конечностей дал основания утверждать, что доминирующими признаками сходства между ядерными выразителями конструкций такого типа стали функциональная, ориентационная и параметрическая. Части тела или органы проецируются на топос прежде всего на основе своей роли как защиты, границы или ориентира (спина / хребет – опора, кожа – поверхностный защитный слой, сердце – центр). В свою очередь, признаки пространства, накладываемые на части тела или органы, преимущественно контейнерные (голова – вместилище когнитивных, грудь и сердце – вместилище эмоций).

В целом специфика поэтической реализации модели <пространство ↔ тело> проявляется: 1) в традиционных способах эстетизации и сакрализации топосов посредством применения возвышенной лексики (*лик, уста, длани*) и уподобления объектам религиозного назначения;

2) актуализации современного урбанистического и военного контекста, что свидетельствует о трансформации телесно-пространственных представлений под влиянием новых социальных и исторических реалий; 3) компенсаторной роли зооморфных соответствий (чешуя, щетина, шкура), которые восполняют семантические лакуны, когда антропоморфные признаки недостаточны

для описания свойств пространства (текстура, вид покрова, время деформации).

Таким образом, изученные контексты отражают сложность современного восприятия микро- и макрокосма. В то же время для поэтического конструирования пространства продолжают использоваться архетипические основы соматического кода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гущина К. Н., 2024. Бытийная семантика соматической метафоры в поэтической картине мира начала XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 17, вып. 9. С. 3370–3375. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20240477>
- Иванова А. Б., 2025. Система фразеологических средств реализации символических значений соматонима «рука» в русском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 31, № 2. С. 180–190. DOI: 10.18287/2542-0445-2025-31-2-180-190
- Каксин А. Д., 2011. Устойчивые сочетания на базе соматической лексики как предмет когнитивной лингвистики // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. № 1 (13). С. 11–15.
- Кравченко А. В., 2004. Язык и восприятие : Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та. 206 с.
- Куличенко Ю. Н., Королевская Е. М., 2017. Структурно-семантические особенности русских и английских фразеологизмов с соматическим компонентом «голова» в сопоставительном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8 (74) : в 2 ч. Ч. 1. С. 93–95.
- Лаврищева Е. В., 2018. Роль физиологической метафоры в репрезентации когнитивного фрагмента «эмоциональное пространство» // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т. 4, № 1. С. 13–21. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-1-13-21
- Милашевская И. В., 2011. Концептуальная метафора «голова – вместилище» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6 (1). С. 360–363.
- Милашевская И. В., 2017. Концептуальная метафора ГОЛОВА – ВМЕСТИЛИЩЕ: объективация в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород. 201 с.
- Мошина Е. А., 2020. Соматический код русской и английской лингвокультур: образные признаки макроконцептов земля и earth / land // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 22, № 2. С. 533–540. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-2-533-540
- Преснякова Н. А., 2009. Вместилища чувств: соматические метафоры в русском и английском языках // Вестник Новгородского государственного университета. № 52. С. 62–64.
- Рахилина Е. В., 2000. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва : Рус. слов. 416 с.
- Семенова В. И., 2022. Соматические термины бурятского языка как локусы // Полилингвистичность и транскультурные практики. Т. 19, № 3. С. 388–397. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-388-397
- Топоров В. Н., 2010. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. В 2 т. Т. 1. Москва : Рукоп. памятники Древ. Руси. 448 с.
- Трофимова У. М., 2014. Пространственная концептуализация соматизмов: типологический взгляд // Вестник Бурятского государственного университета. № 10 (4). С. 74–78.
- Цыбина Л. В., Комиссарова Н. Г., Зиновьев Е. В., 2023. Структурно-семантические типы фразеологизмов с компонентом части тела // Russian Linguistic Bulletin. № 4 (40). С. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.9>
- Austin S., 2013. Spatial Metaphors and Somatic Communication: The Embodiment of Multigenerational Experiences of Helplessness and Futility in an Obese Patient // Journal of Analytical Psychology. № 58. P. 327–346.
- Pacovska J., 2013. Dialogue in the Body Language and Psychosomatic Phraseology // Journal of Psycholinguistics. № 18. P. 46–53.

СЛОВАРЬ

БАС – Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2004– . Т. 9. 2007. 659 с.

REFERENCES

- Gushchina K.N., 2024. Bytiynaya semantika somaticheskoy metafory v poeticheskoy kartine mira nachala XX veka [The Existential Semantics of the Somatic Metaphor in the Poetic Picture of the World in the Early 20th Century]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 17, iss. 9, pp. 3370-3375. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20240477>
- Ivanova A.B., 2025. Sistema frazeologicheskikh sredstv realizatsii simvolnykh znacheniy somatonima «ruka» v russkom yazyke [System of Phraseological Means of Implementing the Symbolic Meanings of the Somatonym “Hand” in the Russian Language]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology], vol. 31, no. 2, pp. 180-190. DOI: 10.18287/2542-0445-2025-31-2-180-190
- Kaksin A.D., 2011. Ustoychivye sochetaniya na baze somaticheskoy leksiki kak predmet kognitivnoy lingvistiki [Steady Combinations on the Basis of Somatic Lexicon as a Subject of Cognitive Linguistics]. *Gumanitarnyye: aktualnye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya* [The Humanities: Current Problems of Humanities and Education], no. 1 (13), pp. 11-15.
- Kravchenko A.V., 2004. *Yazyk i vospriyatiye: Kognitivnye aspekty yazykovoy kategorizatsii* [Language and Perception: Cognitive Aspects of Linguistic Categorization]. Irkutsk, Izd-vo Irkut. gos. un-ta. 206 p.
- Kulichenko Yu.N., Korolevskaya E.M., 2017. Strukturno-semanticheskiye osobennosti russkikh i angliyskikh frazeologizmov s somaticheskim komponentom «golova» v sopostavitelnom aspekte [Structural-Semantic Features of the Russian and English Phraseological Units With the Somatic Component “Head” in the Comparative Aspect]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 8 (74): in 2 pts., pt. 1, pp. 93-95.
- Lavrishcheva E.V., 2018. Rol fiziologicheskoy metafory v reprezentatsii kognitivnogo fragmenta «emotsionalnoye prostranstvo» [The Role of a Physiological Metaphor in the Representation of the Cognitive Fragment “Emotional Space”]. *Nauchnyy rezultat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], vol. 4, no. 1, pp. 13-21. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-1-13-21
- Milashevskaya I.V., 2011. Kontseptualnaya metafora «golova – vmestilishche» [Conceptual Metaphor “One’s Head as a Receptacle”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 6 (1), pp. 360-363.
- Milashevskaya I.V., 2017. *Kontseptualnaya metafora GOLOVA – VMESTILISHCHE: obektivatsiya v russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptual Metaphor ONE’S HEAD AS A RECEPTACLE: Objectivation in the Russian Language. Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod. 201 p.
- Moshina E.A., 2020. Somaticheskii kod russkoy i angliyskoy lingvokultur: obraznye priznaki makrokontseptov zemlya i earth / land [Somatic Code of Russian and English Linguistic Cultures: Figurative Features of Macroconcepts Zemlya and Earth / Land]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], vol. 22, no. 2, pp. 533-540. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-2-533-540
- Presnyakova N.A., 2009. Vmeshchilishcha chuvstv: somaticheskie metafory v russkom i angliyskom yazykakh [Containers of Feelings: Somatic Metaphors in Russian and English]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Novgorod State University], no. 52, pp. 62-64.
- Rakhilina E.V., 2000. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost* [Cognitive Analysis of Object Names: Semantics and Combinability]. Moscow, Rus. slov. Publ. 416 p.
- Semenova V.I., 2022. Somaticheskie terminy buryatskogo yazyka kak lokusy [Somatic Terms of the Buryat Language as Loci]. *Polilingvialnost i transkulturnyye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practices], vol. 19, no. 3, pp. 388-397. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-388-397
- Toporov V.N., 2010. *Mirovoe derevo. Universalnye znakovye komplekсы. V 2 t. T. 1* [The World Tree. Universal Sign Complexes. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Rukop. pamyatniki Drev. Rusi Publ. 448 p.
- Trofimova U.M., 2014. Prostranstvennaya kontseptualizatsiya somatizmov: tipologicheskii vzglyad [Spatial Conceptualization of Somatism: Typology View]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin], no. 10 (4), pp. 74-78.

- Tsybina L.V., Komissarova N.G., Zinovev Ye.V., 2023. Strukturno-semanticheskiye tipy frazeologizmov s komponentom chasti tela [Structural and Semantic Types of Phraseological Units with a Body Part Component]. *Russian Linguistic Bulletin*, no. 4 (40), pp. 1-7. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.9>
- Austin S., 2013. Spatial Metaphors and Somatic Communication: The Embodiment of Multigenerational Experiences of Helplessness and Futility in an Obese Patient. *Journal of Analytical Psychology*, no. 58. pp. 327-346.
- Pacovska J., 2013. Dialogue in the Body Language and Psychosomatic Phraseology. *Journal of Psycholinguistics*, no. 18, pp. 46-53.

DICTIONARY

- Gorbachevich K.S., ed. *Bolshoy akademicheskiy slovar russkogo yazyka* [The Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004— . Vol. 9, 2007. 659 p.

Information About the Author

Nadezhda M. Vishnyakova, Postgraduate Student, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, nadinvishnyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3408-0395>

Информация об авторе

Надежда Михайловна Вишнякова, аспирант кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, nadinvishnyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3408-0395>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.9>

UDC 811.161.1

LBC 81.055.1

Submitted: 06.06.2025

Accepted: 02.02.2026

CONTEMPORARY INTERNET TEXT IN PROFESSIONAL GEOLOGICAL INTERNET DISCOURSE

Daria A. Shchukina

Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia

Danila A. Antonov

Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the structural organization and functional-and-stylistic peculiarities of internet texts, which enable communication within professional geological community. Being published across various digital platforms, namely forums, blogs, and social networks, they comprise mining and geological discourse. These texts are characterized by polythematicity, polycode nature, and multimedia integration; however, within the context of professional communication, these features cannot be considered to be fundamental. The majority of the analyzed texts reveal well-defined structure, high expressiveness and emotional tone, a predominance of informal communication, and a diverse use of graphic means for emotional expression. The peculiarities of internet text functioning, employed by the participants to interact with each other in the internet sphere, are contingent upon the genre of online communication. Forums feature the prevalence of formal speech style in the sections, where professionals communicate with non-professionals pursuing explanation and clarification of some information. It is realized by using various linguistic and graphical means. Specific features of professional blogs are determined by their aims: to notify professional community and create the image of an expert geologist, which is represented in the thematic choice of the blog (a story about geological expeditions with author's participation), and its linguistic explication. Internet texts published on social networks reveal thematic and stylistic diversity since converse there is more personal, while forums and blogs target much wider audience.

Key words: internet text, internet forum, internet blog, social network community, expressiveness, professional internet communication, polycode nature.

Citation. Shchukina D.A., Antonov D.A. Contemporary Internet Text in Professional Geological Internet Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 3, pp. 106-115. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.9>

УДК 811.161.1

ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 06.06.2025

Дата принятия статьи: 02.02.2026

СОВРЕМЕННЫЙ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ГЕОЛОГИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Дарья Алексеевна Щукина

Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, г. Санкт-Петербург, Россия

Данила Александрович Антонов

Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена структурной организации и функционально-стилевой специфике интернет-текстов, посредством которых происходит общение в рамках интернет-коммуникации внутри профессионального сообщества геологов: форума, блога, текста социальных сетей, формирующих горно-геологический дискурс. Установлено, что этим интернет-текстам в целом свойственны политематичность, поликодовость,

мультимедийность, однако в контексте профессиональной коммуникации данные черты не становятся основополагающими. Определено, что для большинства проанализированных текстов характерна четкая структура, высокая экспрессивность и эмоциональность речи, преобладание неформального типа общения, разнообразие графических средств выражения эмоций. Способы функционирования интернет-текста как инструмента взаимодействия в интернет-пространстве выделены с учетом жанров, в которых он существует. Специфика форума состоит в том, что в тех его разделах, где осуществляется коммуникация профессионалов с непрофессионалами с целью разъяснения последним какой-либо информации, преобладает формальный стиль общения, для реализации которого используются различные речевые и графические средства. Особенности профессионального блога обусловлены его целями – информировать профессиональное сообщество и создать образ специалиста-геолога, что получает отражение в тематике блога (рассказ о геологических экспедициях, в которых участвовал автор) и ее речевом воплощении. Интернет-тексты социальных сетей обнаруживают тематическое и стилевое разнообразие, поскольку в них реализуется индивидуальное общение, тогда как в блоге и форуме акцент ставится на взаимодействии с широкой аудиторией.

Ключевые слова: интернет-текст, интернет-форум, интернет-блог, сообщество в социальной сети, экспрессивность, профессиональное интернет-общение, поликодовость.

Цитирование. Шукина Д. А., Антонов Д. А. Современный интернет-текст в профессиональном геологическом интернет-дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 3. – С. 106–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.9>

Введение

В современном мире интернет-коммуникация становится одной из наиболее развивающихся сфер взаимодействия людей. Благодаря цифровизации происходит переход традиционного межличностного и межгруппового общения (офлайн-общение, звонок по телефону и пр.) в интернет-пространство, где оно, частично сохраняя изначальную форму, имеет особенности, например, от участников коммуникации не требуется моментального ответа, постоянной включенности в диалог или полилог, общение часто анонимно и т. д. Исследователи выделяют ряд черт, свойственных коммуникации в сети интернет: мультимодальность, мультимедиальность, полимедиальность [Ахренова, Зарипов, 2023], поликодовость, при этом поликодовость понимается как «одно из проявлений лингвокреативного потенциала носителей языка, в котором соединяются рациональное, логоцентрическое и эмоционально-чувственное начала» [Рацибурская, Бусарева, 2024 с. 144]. Эти черты свойственны как отдельному коммуникативному акту пользователей, так и интернет-дискурсу в целом [Mehler, Sharoff, Santini, 2010], например, лингвистами отмечается интертекстуальность в заголовках и заголовочных комплексах современных массмедийных ресурсов [Авксентьева, 2020].

Несмотря на обширную библиографию работ, посвященных разным типам дискурса,

интернет-общение профессионального сообщества геологов остается мало изученным, однако без его описания научные представления о разнообразии профессиональных дискурсов были бы неполными. Цель нашего исследования – определение структурных и функционально-стилистических черт интернет-текстов профессионалов-геологов.

Материал и методы

Интернет-пространство представляет собой совокупность текстов, которым свойственно включаться в дискурс. В.И. Карасик выделил персональный (бытийный, бытовой) и институциональный виды дискурса, ученый считает, что дискурс – «явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксированным текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой стороны» [Карасик, 2016, с. 21].

Под интернет-дискурсом мы понимаем, в первую очередь, речь и любое взаимодействие посредством интернет-текста, а также совокупность лингвистических, экстралингвистических (прагматических, социокультурных, психологических и т. д.) факторов и технических средств, используемых в процессе коммуникации посредством интернета [Шукина, Антонов, 2025, с. 32].

В данной статье рассматривается функционирование интернет-текстов в рамках

интернет-коммуникации внутри профессионального сообщества геологов: форума, блога, текста социальных сетей, формирующих горно-геологический дискурс – «разновидность институционального дискурса, целью которого является представление горно-геологических знаний, при этом реализуется общение членов профессионального (горно-геологического) сообщества на научные темы в устной и письменной формах с использованием научной терминологии, в том числе терминов горного дела и геологии» [Синильникова, 2023].

Особенности функционирования интернет-текста как инструмента взаимодействия в интернет-пространстве выделяются нами с учетом жанров, в которых он существует, поскольку специфика их построения оказывает влияние на структуру и наполнение интернет-текста. Исследователи выделяют следующие жанровые формы интернет-текстов: форум, блог, социальные сети.

Форум – это «самостоятельный веб-сайт или раздел сайта, где участники используют “гибридную” форму речи (смешение устного и письменного текстов), <...> особый электронный разговор, где коммуникация происходит в асинхронной форме» [Патрушева, 2013, с. 128]. В качестве особенностей интернет-форума лингвисты выделяют асинхронность, разные виды адресации, иерархическое разделение [Патрушева, 2013], конкретные коммуникативные роли, политематичность [Попова и др., 2012].

Блог – сайт, раздел сайта, содержащий датированные записи текстового и мультимедийного характера, расположенные в обратном хронологическом порядке, открытый для чтения и комментирования [Баженова, Иванова, 2012, с. 127]. Блог представляет собой часть интернет-дискурса, который включен в общую сетевую коммуникацию и имеет ряд особенностей. В исследовании мы разграничиваем авторский и профессиональный блоги.

Профессиональный блог привлекает определенную аудиторию, создавая таким образом комьюнити (сообщество) [Зверева, Шестерина, 2023, с. 408], является разновидностью блога, в котором автор (профессионал, специалист) делится своими знаниями в определенной области.

Профессиональные блоги, как отмечается в исследованиях, характеризуются тематикой,

которой придерживается их автор; они содержат экспертизу материала, проводимую автором, так как он является профессионалом в данной области; аудитория таких блогов представлена специалистами конкретной сферы деятельности; цель профессиональных блогов состоит в обмене профессиональной информацией, они имеют строгую структуру и содержат большое количество аналитических материалов (подробно см.: [Кислицына, Чернявская, 2019, с. 372]).

Социальные сети предназначены для повседневного общения. Создание текстов в них образует ядро аудитории, форму и содержание сообщений [Круглова, Щепилова, 2024, с. 262], при этом пользователь в большей степени склонен принимать на веру информацию, которая близка ему эмоционально, чем опираться исключительно на факты [Teneva, 2023, p. 457]. Прогнозирование интереса аудитории и умение говорить с ней на «одном языке» является базовым для любого взаимодействия как в традиционных, так и в сетевых формах. В сети также формируется идентичность образа профессионала-геолога, причем не только через вербальный текст, но и фото- и видеоматериалы [Дорофеев, 2024]. Социальные сети могут выступать в качестве средств массовой информации, что определяет стиль и язык изложения, свойственный публицистическому стилю речи.

В данной статье проанализировано 595 интернет-текстов из открытых источников (Минералогический форум; Новости геологоразведки; Смелый геолог; Хита Урала), использованы методы контент-анализа, структурного и стилистического анализа интернет-текстов. Примеры текстов представлены с сохранением пунктуации и орфографии.

Результаты и обсуждение

Форум профессионального сообщества

Охарактеризуем форум профессионального сообщества специалистов-геологов «Минералогический форум» с сайта КаталогМинералов.ru (<https://www.mineralforum.ru/>). На форуме представлены разделы: общие форумы (обо всем; новости; библиотека; законы о недропользовании; геологическая песочница; байки, анекдоты), геология регионов (путешествия за камнем; геология Урала).

Количество участников форума – 8 733 человека, в среднем в день сайт посещает около 95 пользователей, из них новых – 10. Информация доступна на сайте форума в разделе «статистика». На 13.04.2025 представлено 244 664 сообщения и 21 827 тем.

Рассмотрим некоторые разделы.

В разделе «Геологическая песочница» представлено 18 676 тем. Основные вопросы пользователей-новичков состоят:

– в уточнении терминологии:

(1) 03.02.25. Вопрос к уважаемым специалистам. Может, кто подскажет хорошую литературу по этой теме. Спасибо!;

– запросе помощи в определении минерала:

(2) 04.03.24. Здравствуйте! Уважаемые минералоги, подскажите пожалуйста что это за минерал, покупался как флюорит.

(ответ) 04.03.24. Да. По окраске и рисунку у вас типичный флюорит.

В данном разделе преобладает формальный, профессионально ориентированный стиль речи, используются этикетные формы приветствия, благодарности, отсутствуют языковая игра, дефисация, парентезис, эмодзи и иные графические символы, передающие эмоции (например, скобка = улыбка). Коммуникация профессионалов с непрофессионалами во многом схожа с взаимодействием «наставник – ученик», когда «ветеран» (наименование статуса с форума) разъясняет «новичку» какую-либо интересующую его информацию, отвечает на профессиональные вопросы, то есть тексты внутри данного раздела форума обеспечивают сугубо профессиональное взаимодействие, целью которого является передача профессиональной информации.

В разделе «Геология Урала» представлены 2 598 сообщений, 102 темы. Большая часть записей сообщает о находках какого-либо минерала в конкретной точке, поэтому, заглавия тем структурно представлены в виде сочетания топонима с наименованием минерала: *Тиманские агаты; Коелгинский мраморный карьер; Горный хрусталь. Астафьевское и Матинское месторождения.*

В данном разделе стиль иницирующего сообщения в целом соответствует фор-

мальному общению, переход от формального стиля к разговорному происходит после основного ответа, при обсуждении информации из текста в рамках межличностного общения, при этом используются эмодзи, эмотиконы, различные средства выражения экспрессии (просторечия и эрративы, эпитеты, междометия и т. д.), нарушаются орфографические и пунктуационные нормы; разговорностью может характеризоваться и первый ответ пользователя. Приведем примеры:

(3) 06.02.12. **Так уж повелось** <...> О всех **интересностях** пишите. <...> как добраться **пешим ходом** (ответ) 09.02.12. **Абалжетъ**... [эмодзи], **Да, - Лень**, я тебя **оччень** понимаю ;) ;

(4) 18.02.25. В **оной** коробке <...> чем кристалл крупнее, тем он **коренастей**, а чем меньше, тем **более призматичней**. **Во-о-от**. <...> как писал **бессмертный Ли Вон Янг**, **возрадовался до плещи**.

Общение между участниками форума заключается в обсуждении конкретных прикладных вопросов с привлечением профессиональной литературы и исторических справок.

Раздел «Определите минерал» содержит 60 764 сообщения (5 058 тем). В начале страницы закреплено сообщение, направленное на сохранение определенной структуры текстов и упрощение работы специалистов:

(5) Как определить минерал по фото. Что необходимо. **НОВИЧКАМ ЧИТАТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО!**

Вопросы, как правило, имеют следующие особенности:

– представляют собой наименование минерала с вопросительным знаком:

(6) Яшма? Агат? Гидрогроссуляр?;

(7) b-кварц (?) в риолите.

– начинаются со слов «помогите определить...»:

(8) Помогите определить из чего бусинки;

– содержат описание внешнего вида находки:

(9) Песчинка светло-зелёного цвета;

(10) Пленка с побежалостью.

В данном разделе происходит профессиональное общение новичков с опытными представителями профессии, поэтому вопросы чаще всего задают «новички», отвечают – «ветераны». Практически полностью отсутствуют графические вербальные средства поликодowości и экспрессивность:

(11) 08.04.25. ...что может давать такую **побежалость на образцах** с Железного Рога? **Окислы железа или что-то медное затесалось?**

(ответ) 08.04.25. Да наверное всё, что угодно. **Вон у меня** кусок кобальтового стекла с раскопок 12 в. таким покрыт...

Таким образом, «Минералогический форум» – площадка для общения профессионального сообщества геологов, в нем активно участвуют не только «ветераны», но и начинающие осваиваться в данной сфере специалисты.

Больше половины тем (две трети сообщений) – справочная информация и комментарии экспертов по конкретным запросам участников. Стилль речи в большей части сообщений соответствует формальному общению. Так как форум является частью сайта-каталога, данная специфика взаимодействия в рамках форума сохраняет информационный характер коммуникации. При переходе к межличностному общению (обмен мнениями и личным опытом взаимодействия с конкретным геологическим объектом) стилль речи становится неформальным.

Профессиональный блог

В качестве примера профессионального блога рассмотрим блог специалиста геологического профиля «Хита Урала», он представлен на площадке «Дзен», его ведет геолог, автор книг о минералах – Александр Маковецкий. Название соответствует одноименному форуму, который был закрыт 22 февраля 2025 г., в нем автор блога выступал одним из участников с самого его основания. В рамках данной статьи проанализировано 47 текстов.

Лексема *хита́* в названии блога восходит к уральскому говору, в котором диалектные лексические единицы *хита* и *хитить* имеют собственную историю. *Хитник* – от устаревшего *хитить*, то есть *похищать*, на Урале значение сужается. *Хитник* – старатель без лицензии, хищник [Иванова, 2024].

Наименование блога отражает историю региона и ограничивает территорию профессиональной деятельности автора. Важной частью текстов является введение во время и пространство события, которое осуществляется в начале текста через дату публикации и первый абзац:

(12) 07.02.2025 года «Разведка на кристаллы. Болота»: «Районом традиционной **майской** разведки <...> **участок восточнее Малого Костюсовского озера, на территории большого острова, зажатого болотами со всех сторон**».

Заглавие текста обычно состоит из наименования минерала и топонима. Такая структура выполняет, в первую очередь, профессиональную задачу – информирование специалистов о конкретном месте, где проходит экспедиция, и минералах, которые рассматриваются в тексте:

(13) Турмалины в хрустале! Золотая горка;
(14) За камнями – в окрестности Уфалей.

Основной текст представляет собой отчет о работе. Автор, используя экспрессивные средства и тропы, передает собственное ощущение от каждой экспедиции.

В тексте представлены следующие средства выразительности:

– риторические восклицания и многоточия, передающие эмоциональное состояние автора:

(15) ...поднявшись на точку повыше **и...** <...> кристаллами **азуритов!**;

– эпитеты:

(16) ...в лучах заходящего солнца <...> **прекрасные** образцы;

– просторечия, языковая игра (в том числе ирония), эрративы:

(17) точка существенно **изубожилась**;

(18) попадалось «**до упора**».

Словосочетания, содержащие указание на цвет минералов можно характеризовать как специальные единицы (термины), поскольку они обозначают физико-химические свойства минералов, зафиксированы в справочниках и используются в профессиональной коммуникации:

(19) **голубовато-серые** агаты;

(20) **красного** корунда!

Наличие специальной лексики составляет специфику профессионального блога, например, описание найденных образцов осуществляется, как правило, с использованием терминов.

Каждый текст сопровождается фотографиями, сделанными в ходе раскопок. В кадре рука автора, держащая камень, или фотография минерала из научных источников (при профессиональном описании свойств). Поликодовый текст оказывает информационно-психологическое воздействие на читателя, в тексты блога включены фото- и видеоматериалы в качестве иллюстрации описываемого предмета и пунктуационные средства, такие как многоточия, для создания необходимого эмоционального фона. Например:

(21) раскопали небольшую горку а там...

и далее размещена фотография минерала, которая завершает предложение.

В конце каждого текста подпись *Всем фарта!* и ссылки на сторонние сайты (в частности, каналы в Telegram). В разделе комментариев, где происходит общение автора с читателями, незнакомым комментаторам автор отвечает формально, не употребляя экспрессивных средств. Знакомым автору комментаторам – в разговорном стиле. Вся коммуникация указывает на общность целей и коммуникативных стратегий, используются эмодзи, иные графические средства (скобка = улыбка), эрративы и т. д. Например:

– незнакомый комментатор:

(22) Так интересно!!!это моя мечта!!!

(ответ автора) Е** П**, спасибо большое за теплые слова!;

– знакомый комментатор:

(23) Как мне это знакомо. Я про палец, ежели что

(ответ автора) а** к**, ну, в тот момент экстаз был от того, что удалось избежать смерти. А вообще – да))).

Профессиональный блог «Хита Урала» включен в профессиональный интернет-дискурс, имеет ряд специфических черт, которые, с одной стороны, определены особенностями сети интернет (подробно о них см.: [Белых, Шишкина, 2022]), а с другой – профессиональным сообществом, которое создает образ специалиста-геолога.

Профессиональные сообщества в социальной сети

Рассмотрим два сообщества в социальной сети «ВКонтакте»: «Новости геологоразведки» (8 786 подписчиков) и «Смелый геолог» (44 000 подписчиков), проанализировано 13 текстов.

В сообществе «Новости геологоразведки, добычи, геологии» (https://vk.ru/public_geonews) тексты представляют собой письменные материалы в публицистическом стиле (заметки или небольшие статьи), поликодовость в них отсутствует. Они имеют характерные черты: построение по принципу «перевернутой пирамиды», обилие вводных конструкций, строгое членение основной и дополнительной информации, например:

(24) «Пробурена вторая глубочайшая вертикальная скважина» По сообщению CNPC, компания пробурила вторую глубочайшую вертикальную скважину в мире.

Комментирование каждой записи включает большое количество эмодзи и других графических средств выражения экспрессии:

(25) В Китае всё виртуально [эмодзи] В лихой погоне выдумки выдают за действительность [эмодзи].

Данное сообщество ставит целью информирование о событиях в мире, связанных с геологией, что определяет специфику построения материалов.

В «Смелом геологе» (https://vk.com/courageous_geologist) основу текстов составляют фото или видео, а описание выполняет дополнительную поясняющую функцию, например, подпись к фотографии минерала.

Комментаторы так же, как и в «Новостях геологоразведки», используют разнообразные формы экспрессивности: сниженная лексика и языковая игра (каламбур, эрративы, просторечия и пр.):

(26) Пирит-Перу. Берёшь? Беру;

(27) биригити зубы...;

(28) Опал нифега не победит.

Тематическая направленность в большей степени представляет зону интересов

конкретного участника, чем профессиональную деятельность, что влияет и на язык текстов данных сообществ. Однако тематическая направленность подразумевает вовлеченность в профессиональную сферу, что обуславливает необходимость использования научной литературы, например, при описании геологических моделей образования месторождений.

Систематизация материалов социальных сетей затруднена разнородностью структуры и содержания текстов. Возможно, это связано с особенностями самих социальных сетей – они созданы для индивидуального общения, тогда как форум и блог ставят целью общение с аудиторией, обращаясь к конкретному пользователю только в определенные моменты коммуникации.

Заключение

Рассмотрев форум, блог и сообщества социальных сетей профессионального сообщества геологов, мы пришли к выводу, что характер коммуникации: стиль общения, структура материалов, реакция аудитории, взаимодействие участников между собой и автором – напрямую зависят от площадки, на которой происходит общение. Основные цели площадок: построение справочника для помощи коллегам, популяризация деятельности, общение и др. Часть текстов экспрессивны и эмоциональны, что свидетельствует о стремлении специалистов-геологов поделиться не только своими знаниями, но и впечатлениями о каком-либо событии их профессиональной жизни. Эти особенности определяют профессиональный интернет-дискурс в целом, и дискурс специалистов-геологов в частности.

Языковые и структурные особенности текстов профессионального сообщества связаны с необходимостью научного описания предмета исследования, в частности, минералов и их физико-химических характеристик. Важное место занимают введение во время и пространство текста блога; наименование минерала и коллегиальное обсуждение его особенностей на форуме; указание конкретной ситуации или предмета в социальной сети. Особенности данных интернет-текстов определяются спецификой коммуникации в интернет-среде, которая не позволяет получить максимум информации без активного участия автора сообщения. Профессиональная коммуникация в интернет-среде тяготеет к подробному описанию как изучаемого предмета, так и окружающего фона, что позволяет специалистам делать выводы и предлагать свои решения без необходимости личного участия в описываемых событиях.

Мультимедийность в проанализированных текстах выполняет информационную функцию. Фото- и видеоматериалы, представленные на данных площадках, необходимы для визуального определения сущности явления, они, включаясь в повествование, становятся частью предоставляемого автором отчета или журнала исследования. Так, форумы, блоги и сообщества социальных сетей, будучи средством распространения геологической информации, формируют профессиональный интернет-дискурс, который расширяет сообщество геологов и помогает распространять и аккумулировать профессиональные знания внутри цифрового пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авксентьева А. М., 2020. Интертекстуальность в заголовочных комплексах современных масс медийных интернет-ресурсов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. № 2. С. 73–78.
- Ахренова Н. А., Зарипов Р. И., 2023. Лингвопрагматические характеристики современного поликодового мультимодального медиатекста в контексте информационно-психологического воздействия // Медиалингвистика. № 4. С. 428–449. DOI: 10.21638/spbu22.2023.401
- Баженова Е. А., Иванова А. И., 2012. Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. № 4 (20). С. 125–131.
- Белых К. С., Шишкина И. С., 2022. Лингвистические особенности интернет-блогов // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. № 3 (55). С. 136–141. DOI: 10.52772/25420291_2022_3_136
- Дорофеев Д. Ю., 2024. Проблема идентичности античного философа в православном храме: внешность, одежда, изречения // Визуальная теология. Т. 6, № 2. С. 280–303. DOI: 10.34680/vistheo-2024-6-2-280-303

- Зверева Е. А., Шестерина А. М., 2023. Интерактивный компонент медиаконтента как средство формирования комьюнити // Медиалингвистика. № 3. С. 407–423. DOI: 10.21638/spbu22.2023.308
- Иванова Е. Э., 2024. Наименования людей, добывающих самоцветы, в уральских говорах // Уральский исторический вестник. № 2 (83). С. 43–52. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-43-52
- Карасик В. И., 2016. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 1 (21). С. 17–34.
- Кислицына Н. А., Чернявская О. Г., 2019. Композиционные, стилистические и лексические особенности интернет-коммуникации (на материале англоязычных блогов профессиональной направленности) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 12, вып. 6. С. 368–373. DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.78
- Круглова Л. А., Щепилова Г. Г., 2024. Российские телеканалы и социальные медиа в условиях трансформации медиаполя // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 87. С. 255–272. DOI: 10.17223/19986645/87/14
- Патрушева Л. С., 2013. Функционально-стилистические особенности форума как жанра интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». № 4. С. 128–134.
- Попова Т. И., Вознесенская И. М., Колесова Д. В., Савотина В. М., 2012. Интернет-пространство: речевой портрет пользователя : коллектив. моногр. / под ред. Т. И. Поповой. Санкт-Петербург : Эйдос. 224 с.
- Радибурская Л. В., Бусарева С. Г., 2024. Поликодовость как проявление креативности современного медийного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 4. С. 142–158. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.11>
- Синильникова Е. С., 2023. «Слово о рождении металлов от трясения земли» М.В. Ломоносова как пример горно-геологического дискурса // Мир русского слова. № 4. С. 24–31. DOI: 10.21638/spbu30.2023.403
- Щукина Д. А., Антонов Д. А., 2025. Структурно-семантическое описание интернет-текстов (на материале форума профессионального сообщества «хита урала») // Мир русского слова. № 1. С. 31–39.
- Mehler A., Sharoff S., Santini M., 2010. Genres on the Web. Berlin : Springer. 362 p.
- Teneva E. V., 2023. Digital Pseudo-Identification in the Post-Truth Era: Exploring Logical Fallacies in the Mainstream Media Coverage of the COVID-19 Vaccines // Social Sciences. Vol. 12, № 8. P. 457–457. DOI: 10.3390/socsci12080457

ИСТОЧНИКИ

- Минералогический форум – Минералогический форум: о камнях и минералах // Каталог Минералов. 2005–2018. URL: <https://www.mineralforum.ru/>
- Новости геологоразведки – Новости геологоразведки, добычи, геологии // ВКонтакте. URL: https://vk.ru/public_geonews
- Смелый геолог // ВКонтакте. URL: https://vk.ru/courageous_geologist
- Хита Урала // Дзен. URL: <https://dzen.ru/hitaurala>

REFERENCES

- Avksenteva A.M., 2020. Intertekstualnost v zagolovochnykh kompleksakh sovremennykh mass-mediynykh internet-resursov [Intertextuality in Headline Complexes of Modern Internet Media]. *Vestnik Donetskogo natsionalnogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya* [Bulletin of Donetsk National University], no. 2, pp. 73-78.
- Akhrenova N.A., Zaripov R.I., 2023. Lingvopragmaticheskiye kharakteristiki sovremennogo polikodovogo multimodalnogo mediateksta v kontekste informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya [The Linguopragmatic Characteristics of Modern Polycode-Multimodal Media Text in the Context of Information-Psychological Influence]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], no. 4, pp.428-449. DOI: 10.21638/spbu22.2023.401
- Bazhenova E.A., Ivanova A.I. 2012. Blog kak internet-zhanr [Blog as an Internet Genre]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald], no. 4 (20), pp. 125-131.
- Belykh K.S., Shishkina I.S., 2022. Lingvisticheskiye osobennosti internet-blogov [Linguistic Features of Internet Blogs]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of Shadrinsk State Pedagogical University], no. 3 (55), pp. 136-141. DOI: 10.52772/25420291_2022_3_136

- Dorofeev D.Yu., 2024. Problema identichnosti antichnogo filosafo v pravoslavnom khrame: vneshnost, odezhd, izrecheniya [Identity of Ancient Philosophers in Eastern Orthodox Iconography: Appearance, Clothing, Dicta]. *Vizualnaya teologiya* [Journal of Visual Theology], vol. 6, no. 2, pp. 280-303. DOI: 10.34680/vistheo-2024-6-2-280-303
- Zvereva E.A., Shesterina A.M., 2023. Interaktivnyy komponent mediakontenta kak sredstvo formirovaniya komyuniti [Interactive Component of Media Content as a Means of Community Formation]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], no. 3, pp. 407-423. DOI: 10.21638/spbu22.2023.308
- Ivanova Ye.E., 2024. Naimenovaniya lyudey, dobyvayushchikh samotsvety, v uralskikh govorakh [Ural Dialectal Names of People Mining for Gemstones]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], no. 2 (83), pp. 43-52. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-43-52
- Karasik V.I., 2016. Diskursologiya kak napravleniye kommunikativnoy lingvistiki [The Discourse Studies as the Direction of the Communicative Linguistics]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 1 (21), pp. 17-34.
- Kislitsyna N.A., Chernyavskaya O.G., 2019. Kompozitsionnye, stilisticheskiye i leksicheskiye osobennosti internet-kommunikatsii (na materiale angloyazychnykh blogov professionalnoy napravlenosti) [Compositional, Stylistic and Lexical Peculiarities of Internet Communication (By the Material of the English Professionally Oriented Blogs)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and Practice], vol. 12, iss. 6, pp. 368-373. DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.78
- Kruglova L.A., Shchepilova G.G., 2024. Rossiyskiye telekanaly i sotsialnye media v usloviyakh transformatsii mediapolya [Russian TV Channels and Social Media in the Transformation of the Media Field]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 87, pp. 255-272. DOI: 10.17223/19986645/87/14
- Patrusheva L.S., 2013. Funktsionalno-stilisticheskiye osobennosti foruma kak zhanra internet-kommunikatsii [Functional-Stylistic Peculiarities of Web Forum as a Communication Genre]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»* [Bulletin of Udmurt University], no. 4, pp. 128-134.
- Popova T.I., Voznesenskaya I.M., Kolesova D.V., Savotina V.M. *Internet-prostranstvo: rechevoy portret polzovatelya: kollektiv. monogr.* [Internet Space: Speech Portrait of the User. Collective Monograph]. Saint Petersburg, Eydos Publ. 224 p.
- Ratsiburskaya L.V., Busareva S.G., 2024. Polikodovost kak proyavlenie kreativnosti sovremennogo mediynogo teksta [Polycodeness as Creativity Manifestation in Modern Media Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 4, pp. 142-158. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.11>
- Sinilnikova E.S., 2023. «Slovo o rozhdenii metallov ot tryaseniya zemli» M.V. Lomonosova kak primer gorno-geologicheskogo diskursa [“The Word About the Birth of Metals from the Shaking of the Earth” by M.V. Lomonosov as an Example of Mining and Geological Discourse]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], no. 4, pp. 24-31. DOI: 10.21638/spbu30.2023.403
- Shchukina D.A., Antonov D.A., 2025. Strukturno-semanticheskoye opisaniye internet-tekstov (na materiale foruma professionalnogo soobshchestva «khita Urala») [Structural and Semantic Description of Internet Texts (Based on the Forum of the Professional Community “Hita Urala”)]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], no. 1, pp. 31-39.
- Mehler A., Sharoff S., Santini M., 2010. *Genres on the Web*. Berlin, Springer. 362 p.
- Teneva E.V., 2023. Digital Pseudo-Identification in the Post-Truth Era: Exploring Logical Fallacies in the Mainstream Media Coverage of the COVID-19 Vaccines. *Social Sciences*, vol. 12, no. 8, pp. 457-457. DOI: 10.3390/socsci12080457

SOURCES

- Mineralogicheskiy forum: o kamnyah i mineralah [Mineralogy Forum: About Stones and Minerals]. *Katalog Mineralov*. 2005–2018. URL: <https://www.mineralforum.ru/>
- Novosti geologorazvedki, dobychi, geologii [News on Geological Exploration, Extraction, and Geology]. *Vkontakte*. URL: https://vk.ru/public_geonews
- Smelyy geolog [A Bold Geologist]. *Vkontakte*. URL: https://vk.ru/courageous_geologist
- Hita Urala [Hita of Urals]. *Dzen*. URL: <https://dzen.ru/hitaurala>

Information About the Authors

Daria A. Shchukina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia, schukina_da@pers.spmi.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2312-2794>

Danila A. Antonov, Postgraduate Student, Department of Russian Language and Literature, Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia, danila.antonov.00@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0561-328X>

Информация об авторах

Дарья Алексеевна Щукина, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, г. Санкт-Петербург, Россия, schukina_da@pers.spmi.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2312-2794>

Данила Александрович Антонов, аспирант кафедры русского языка и литературы, Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, г. Санкт-Петербург, Россия, danila.antonov.00@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0561-328X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.10>

UDC 81'276

LBC 81.055.51

Submitted: 15.10.2025

Accepted: 05.03.2026

THE COMMUNICATIVE CATEGORY "APOLOGY" IN RUSSIAN LEGAL DISCOURSE

Valentina A. Ignatenko

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia

Oksana S. Dudchenko

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia

Abstract. The article focuses on examining "apology" as a communicative category in Russian legal discourse. The relevance of the topic is determined by concern on studying the pragmatic mechanisms that ensure a conflict-free interaction between participants in legal proceedings within a strictly regulated institutional environment. The research is based on textual analysis of normative acts (Civil Procedure Code of the Russian Federation, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation, Code of Administrative Offences of the Russian Federation), materials of judicial practice (resolutions of the Supreme Court of the Russian Federation, rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation), and samples of official cases and business correspondence. Discursive analysis of basic legal acts of the Russian Federation resulted in revealing textual fragments which require professional politeness manners of the lawsuit participants. Methods of contextual, semantic-and-pragmatic analysis of textual realizations of the communicative category "apology" led to composing the model of an official apology paper that is recommended for filing claims, complaints and other legal documents; it includes several sections: an official appeal, a statement of guilt or error, an explanation of the reason, a message on intention to correct a mistake or an expression of remorse. The examination of lingua-and-discursive means of apologizing has proved the thesis on its oblique presence in the standard of professional politeness, as certain requirements to behavior norms of agents and clients of legal discourse and possible sanctions if violated are stated in legal acts; when being actualized in judicial practice the communicative apology does not perform an etiquette role but functions as a regulatory instrument thus transmitting official regret or fault of one party, which can contribute to diminishing the conflict potential during the professional converse between participants in legal proceedings.

Key words: legal discourse, standard of professional communication, communicative category, politeness, apology, instrumental-and-regulatory function, Russian language.

Citation. Ignatenko V.A., Dudchenko O.S. The Communicative Category "Apology" in Russian Legal Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 3, pp. 116-126. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.10>

УДК 81'276

ББК 81.055.51

Дата поступления статьи: 15.10.2025

Дата принятия статьи: 05.03.2026

КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ «ИЗВИНЕНИЕ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Валентина Александровна Игнатенко

Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, г. Москва, Россия

Оксана Сергеевна Дудченко

Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена коммуникативной категории «извинение» в русскоязычном юридическом дискурсе. Актуальность темы обусловлена необходимостью исследования прагматических механизмов, обеспечивающих бесконфликтное взаимодействие участников юридических процессов и судопроизводства в строго регламентированной институциональной среде. Исследование базируется на анализе нормативных актов (ГПК РФ, УПК РФ, УК РФ, КоАП РФ), материалов судебной практики (постановления Верховного Суда РФ, определения Конституционного Суда РФ) и образцов официальной деловой переписки. С помощью метода дискурс-анализа в основных законодательных актах РФ выделены фрагменты текстов с требованиями к нормам профессиональной вежливости, предъявляемым участникам юридических и судебных процессов. Приемы контекстуального и семантико-прагматического анализа текстовых реализаций коммуникативной категории «извинение» позволили составить композиционную модель письменного документа «официальное извинение», рекомендуемую для подачи исковых заявлений, жалоб и иных юридических документов; она включает следующие разделы: официальное обращение, констатация вины или ошибки, объяснение причины, сообщение о намерении исправить ошибку или выражение раскаяния. Результаты изучения лингводискурсивных приемов выражения извинения подтвердили гипотезу о том, что извинение косвенно представлено в стандарте профессиональной вежливости, поскольку в законодательных актах и кодексах зафиксированы требования к нормам поведения агентов и клиентов юридического дискурса и возможные санкции в случае их нарушения; при реализации в судебной практике коммуникативное извинение выполняет не только этикетную, но и инструментально-регулятивную функцию, так как транслирует официальное признание вины или ошибки одной стороны, способствуя снижению конфликтности в ходе профессионального диалога между участниками судопроизводства.

Ключевые слова: юридический дискурс, профессиональный стандарт коммуникации, коммуникативная категория, вежливость, извинение, инструментально-регулятивная функция, русский язык.

Цитирование. Игнатенко В. А., Дудченко О. С. Коммуникативная категория «извинение» в русскоязычном юридическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 3. – С. 116–126. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.10>

Введение

Язык права – это профессионально-ориентированная разновидность функционального языка, которая служит средством осуществления правового урегулирования в обществе [Чернышев, 2016, с. 24]. С точки зрения филологии юридический дискурс – это сложное коммуникативное явление, связанное с правовой сферой, которая обладает особыми чертами институционального общения, направленными на регламентирование гражданско-правовых отношений. Его изучение имеет большое практическое значение, поскольку позволяет глубже понять специфику языка права и его функциональные особенности в различных социокультурных контекстах. Многопрофильный филологический анализ юридического текста позволяет уточнить и ранжировать локально состав юридической терминологии с учетом разделов юридических наук, определить набор дискурсивно-текстовых категорий, специфических для юридического дискурса, установить правила коммуникативного поведения, нормирующие разные виды общения. Применение методов ком-

муникативного и дискурсивно-текстового анализа юридически значимых текстов и устных высказываний способствует формированию знаний о логике критического мышления специалистов по правовому взаимодействию, раскрывает языковую и дискурсивную специфику.

Анализ юридического дискурса в кандидатских и докторских диссертациях по филологии показал, что исследователи фокусируются на различных аспектах этого феномена – от категориальных признаков дискурса до конкретных исследований языковых особенностей правовых текстов [Карасик, 2002; Борисова, 2016; 2019; Чернышов, 2016].

В научной литературе юридический (правовой) дискурс рассматривается как коммуникативный процесс, возникающий в рамках нормотворческой и правоприменительной деятельности и в рамках правоотношений, а также как процесс использования языка (в письменной и устной форме) субъектами права в ситуации правовой коммуникации, который варьируется в зависимости от уровня правовой культуры, юридического опыта и потребностей субъектов правового общения [Лисовская, Краснобаева,

2019, с. 57]. В кандидатской диссертации Л.В. Колесниковой юридический дискурс характеризуется как модель использования языка для отражения социального типа активности личности, подчеркивается значимость языкового состава дискурса, отражающего специфику профессионального юридического мышления [Колесникова, 2007]. В работах И.В. Палашевской этому вопросу также уделяется внимание: системно представлен анализ юридических дефиниций, раскрывающих логику установления признаков содержательного минимума правовых явлений, указывающих на признаки правовых явлений и ситуаций и регулирующих разновидности юридического общения; на материале русского и английского языков автором выделены когнитивные модели для характеристики понятий юридического мира (в частности, дефиниции классификационного, трансформационного типа, дефиниции-перечни, фреймы и сценарии) [Палашевская, 2017, с. 131]. Внимание исследователей было направлено на изучение относительно нового жанра – современного популярно-юридического дискурса и описанию его системных жанровых и языковых свойств [Аверин, 2022; Chemeteva, 2022].

Признавая факт того, что специфика юридического дискурса проявляется в особом составе языка права, исследователи обращаются к лексико-семантическому и понятийно-тематическому анализу состава юридических текстов. В работе Л.Е. Поповой дано обобщение языковых средств, характерных для юридического дискурса, предложена методика выявления их контекстуальных значений [Попова, 2005]. Юридический дискурс рассматривался Л.В. Колесниковой как вербально-прагматическое образование, результирующее процессы категоризации и концептуализации мира человеком; на основе отдельной предметно-терминологической области «Международное частное право» были выделены предметно-терминологические области «Право» и «Закон», составлены списки терминов, образующих предметные поля области «Международное частное право» [Колесникова, 2007]. Нормализации юридической терминологии в сфере цифровых технологий была посвящена работа М.Л. Давыдовой [Давыдова, 2020], в которой был описан процесс

упорядочения юридической терминологии в документах, функционирующих в сфере цифровых технологий, в частности, на материале двух групп текстов: акты стратегического планирования, нормативно-правовые акты. Было установлено присутствие понятийной системности в лексике нормативно-правовых актов и проявление неточности в терминологическом аппарате актов планирования; отмечено, что юридическая терминология в текстах актов стратегического планирования проходит процесс формирования.

Актуальной сегодня становится задача описания юридического дискурса как коммуникативно-значимого конструкта и его отдельных разновидностей в социокоммуникативном, жанрово-презентационном, функциональном аспектах [Палашевская, 2023]. Специфика воздействия в юридической коммуникации описана в работе [Катермина, Сафронова, 2017]. На материале юридических текстов на английском языке в указанных работах авторы исследуют механизм суггестивного воздействия, который активируется, например, в заявлениях прокурора и адвоката в рамках судебного заседания; они приходят к выводу о том, что воздействие в ходе судебной коммуникации осуществляется через последовательность атакующих и оборонительных суггестивных стратегий, полагая, что данные характеристики судебного дискурса (разновидности юридического дискурса) раскрывают когнитивно-дискурсивные особенности профессионально-обусловленного институционального общения.

Знакомство с идеями, разрабатываемыми в работах лингвистов, свидетельствует, что коммуникативная нормативность речевого взаимодействия участников юридического дискурса также существенна и требует изучения. Обобщение накопленного в диссертационных исследованиях материала свидетельствует о том, что задачи юридического дискурса не ограничиваются трансляцией правоустанавливающей информации. Не менее значимой видится функция обеспечения порядка и слаженности речевого взаимодействия субъектов при создании документов и осуществлении профессиональной коммуникации. В данной работе рассматривается вопрос о стандарте профессиональной вежливости

в юридическом сообществе и прагматической ценности коммуникативной категории «извинение» в русскоязычном юридическом дискурсе; решаются следующие задачи: уточнить требования к нормам вежливости, заявленным в основных процессуальных кодексах Российской Федерации; рассмотреть специфику включенности коммуникативной категории «извинение» в общий стандарт профессиональной вежливости для столь строго регламентированной институциональной коммуникации, какой отличается именно юридический дискурс; установить коммуникативную функцию и форму текстовой реализации извинения при подготовке документов в русскоязычной судебно-юридической практике.

Материалы и методы

Исследование базируется на анализе нормативных актов Российской Федерации (ГПК РФ, УПК РФ, УК РФ, КоАП РФ), материалов судебной практики (постановления Верховного Суда РФ, определения Конституционного Суда РФ) и образцов официальной деловой переписки на русском языке (см. список источников). На экспериментальном этапе применялись методы дискурс-анализа для установления институционального профиля анализируемого текста; приемы контекстуального анализа позволили выявить признаки акта извинения в текстовом формате и уточнить функционально-прагматическую значимость обращения к официальному извинению для нормирования профессионального этикета участников судопроизводства.

Результаты и обсуждение

Нормы коммуникативного поведения необходимо охарактеризовать как лингводискурсивные системы способов взаимодействия индивидов в разных коммуникативно-обусловленных ситуациях, допускающих столкновение позиций, разных точек зрения и мнений, и такие столкновения, вероятно, приведут к нежелательным конфликтам. Упреждение и предотвращение конфликтов выражается в демонстрации доброго отношения индивида к партнеру по общению в соответствии с принятыми в определенном сообществе установ-

ками и правилами поведения, которые осмысливаются и фокусируются как вежливость [Карасик, 2025, с. 51].

Приведенные размышления о сути реальной коммуникации в полной мере соответствуют общению в границах юридического дискурса. Вежливость в таких условиях представляет собой сложную коммуникативно-прагматическую категорию, основное назначение которой заключается в регуляции речевого поведения всех субъектов, задействованных в юридически значимых действиях и судебных процессах. Данная категория выполняет роль инструмента, позволяющего упорядочить вербальное взаимодействие участников судопроизводства, правотворчества и правоприменения, а также обеспечить следование установленным профессиональным стандартам общения.

Метакоммуникативное представление о вежливости дано в работах О.А. Леонтович [Леонтович, 2025; Leontovich, 2023]. Отмечается, что понятие вежливости не отличается четкостью содержания, она может восприниматься не только как добродетель, этическая норма поведения, а еще и как способ дистанцирования от собеседника, средство манипуляции, намерением скрыть за знаками вежливости свои мысли и намерения [Леонтович, 2025, с. 17–18]. Применительно к юридической среде, основу категории вежливости определяют, во-первых, общие социокультурные нормы взаимодействия, принятые в конкретном сообществе, во-вторых, морально-этические принципы, регулирующие отношения между людьми, в-третьих, институциональные предписания, закрепленные в регламентах поведения юристов, судей и иных участников правовых отношений [Девяткина, 2016]. В этом смысле вежливость выходит далеко за рамки простого соблюдения этикетных формул; она становится важнейшим условием поддержания уважительной и деловой атмосферы, а также ключевым механизмом, обеспечивающим продуктивный, взаимоприемлемый диалог между сторонами, который нередко имеет прямое влияние на исход юридически значимых действий.

Осмысление приемов присутствия признаков вежливости позволяет выделить некоторые функции вежливости в юридическом

дискурсе. Выступая в качестве социально-культурного регулятора, вежливость способствует сохранению человеческого достоинства и закрепляет в общественном правосознании идею уважительного отношения как к отдельной личности, так и к институту суда. Данный подход согласуется с традиционными морально-этическими ценностями, разделяемыми как юридическим сообществом, так и обществом в целом. Иными словами, одной из важнейших функций вежливости в правовой коммуникации выступает ее роль социально-культурного регулятора отношений. Данная функция реализуется прежде всего через обеспечение сохранения личностного достоинства каждого участника судопроизводства – будь то истец, ответчик, свидетель, подсудимый или иное вовлеченное лицо. Одновременно вежливость способствует закреплению в правосознании граждан фундаментальной идеи уважения как к отдельной человеческой личности, так и к институту суда в целом как носителю публичной власти, призванному осуществлять правосудие. Именно благодаря вежливым формам общения в зале судебного заседания создается та уважительная атмосфера, которая позволяет участникам процесса чувствовать себя защищенными от произвола и унижения.

Указанные положения не являются сугубо теоретическими – они получили прямое нормативное закрепление в российском законодательстве. Так, в соответствии с частью 2 статьи 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, лица, участвующие в деле, *обязаны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами и не допускать злоупотребления правом*. Суд, в свою очередь, принимая предусмотренные законом меры, *пресекает действия, нарушающие порядок в судебном заседании, в том числе проявления неуважения к суду или иным участникам процесса* (ГПК РФ).

Аналогичные правила закреплены в части 3 статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РФ, согласно которой председательствующий вправе сделать *предупреждение лицам, нарушающим порядок судебного заседания*, а при повторном нарушении – удалить их из зала (УПК РФ). Эти процессуаль-

ные нормы напрямую направлены на поддержание уважительной коммуникации, неотъемлемой частью которой выступает речевая вежливость.

Кроме того, статья 294 Уголовного кодекса РФ устанавливает уголовную ответственность за неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства или иных действиях, явно демонстрирующих пренебрежение к установленным правилам поведения (УК РФ).

Присутствие в юридическом дискурсе внимания к необходимости соблюдения формальных норм взаимодействия подтверждает нашу гипотезу о том, что вежливость в юридическом дискурсе перестает быть простой этикетной рекомендацией и приобретает характер охраняемой законом обязанности. Судебная практика знает примеры, когда неуважительное поведение стороны (например, использование грубой, оскорбительной лексики в адрес оппонента или председательствующего судьи) становилось основанием для наложения судебного штрафа в порядке статьи 159 Гражданского процессуального кодекса РФ или для вынесения частного определения. Кроме того, за неисполнение распоряжений председательствующего судьи или судебного пристава, обеспечивающего установленный порядок деятельности судов, законодательством предусмотрена административная ответственность (статья 17.3 КоАП РФ).

Например, в постановлении Верховного Суда РФ № 19-АД21-17-К5 от 17 ноября 2021 г. по делу № 3-273/2020 отмечается, что «...09 июля 2020 года в 15 часов 30 минут ФИО1., находился в зале судебного заседания Лермонтовского городского суда, где во время рассмотрения дела вел видеосъемку, чем *нарушил* пункт 4 Правил поведения Лермонтовского городского суда, на неоднократные замечания пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов *не реагировал* (л.д. 4)» (Постановление Верховного Суда).

Правовые предписания статьи 159 ГПК РФ становились объектом оценки со стороны Конституционного Суда РФ. Как разъяснено в Определении Конституционного Суда РФ от 16 января 2007 г. № 33-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Михайло-

вич Дианы Ивановны на нарушение ее конституционных прав положением части второй статьи 159 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», устанавливая процессуальный регламент, законодатель исходит из того, что участники судопроизводства, а также все присутствующие в зале лица обладают не только процессуальными правами, но и соответствующими обязанностями. В их число входит, в частности, обязанность придерживаться надлежащего порядка в зале судебного заседания. Кроме того, Конституционный Суд РФ отмечает, что «удаление участника процесса или его представителя, нарушающего порядок в судебном заседании, из зала судебного заседания, предусмотренное частью второй статьи 159 ГПК Российской Федерации как одна из мер воздействия на *нарушителя, не подчиняющегося распоряжениям председательствующего*, преследует цель обеспечить порядок в случае, когда иными средствами этого добиться невозможно» (Определение Конституционного Суда).

Таким образом, можно констатировать, что, во-первых, вежливость в судебной коммуникации утрачивает статус факультативного этикетного требования и преобразовывается в легальную обязанность участников процесса. Данный вывод подтверждается наличием в российском праве нескольких видов юридической ответственности за неуважительное поведение участников судебного процесса (ст. 159 ГПК РФ, ст. 17.3 КоАП РФ, ст. 294 УК РФ). Указанные нормы в своей совокупности формируют целостный механизм охраны установленного порядка судопроизводства. Во-вторых, правоприменительная практика демонстрирует, что отклонения от предписанных правил речевого и поведенческого этикета – независимо от того, выражаются ли они в оскорбительных высказываниях в адрес участников разбирательства, игнорировании распоряжений председательствующего либо в совершении иных действий, нарушающих регламент судебного заседания, – неизбежно влекут применение санкций, предусмотренных законом. Приведенные примеры судебных решений (Постановление Верховного Суда) наглядно иллюстрируют, что суды последовательно пресекают любые формы пренебрежительного отношения к установ-

ленным правилам. В-третьих, из сказанного вытекает, что категория вежливости в юридическом дискурсе выполняет не столько этическую, сколько инструментально-регулятивную функцию. Она выступает одним из ключевых механизмов, обеспечивающих бесперебойное функционирование судебной системы, поддержание авторитета судебной власти и, как следствие, реализацию конституционного принципа справедливого правосудия.

Коммуникативно-прагматическая функция вежливости способствует выстраиванию отношений участников судебного процесса с целью достижения конечной цели – вынесения справедливого судебного акта. Таким образом, коммуникативно-прагматическая функция речевой вежливости в рамках судопроизводства играет ключевую роль в налаживании конструктивного взаимодействия между всеми участниками судебного разбирательства: судьей, сторонами обвинения и защиты, свидетелями, потерпевшими, присяжными заседателями и иными лицами, вовлеченными в процесс правосудия. Именно благодаря реализации этой функции создается та рабочая, уважительная атмосфера в зале заседаний, которая позволяет избежать излишней конфронтации, снизить уровень эмоционального напряжения и сосредоточить усилия участников на главном – на всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела. Конечной целью такого выстраивания отношений выступает не что иное, как вынесение законного, обоснованного и, что особенно важно, справедливого судебного акта.

Данная функция вежливости получила непосредственное закрепление в российском процессуальном законодательстве. Так, статья 12 Гражданского процессуального кодекса РФ провозглашает принцип состязательности и равноправия сторон, который может быть реально реализован только при условии взаимного уважения участников друг к другу и к суду. В свою очередь, статья 257 Уголовно-процессуального кодекса РФ подробно регламентирует порядок судебного заседания, обязывая всех его участников подчиняться распоряжениям председательствующего и соблюдать тишину и порядок. *Неисполнение этих требований, выражающееся в неуважительном, грубом поведении*, влечет применение мер процессуального принуждения

(вплоть до удаления из зала суда и наложения судебного штрафа по статье 258 УПК РФ). Таким образом, законодатель прямо связывает возможность достижения целей правосудия с соблюдением вежливых, уважительных форм коммуникации. В свою очередь, вежливость, выступая в качестве коммуникативно-прагматического механизма, не является второстепенным этикетным требованием, а представляет собой необходимый инструмент для создания такой атмосферы в суде, в которой допустимо подлинное установление истины и вынесение справедливого, не вызывающего сомнений у сторон и общества правоприменительного акта.

Извинение, как одна из форм вежливости, в юридическом дискурсе представляет собой важный коммуникативный знак, который не только отражает культурные и этические нормы, но служит инструментом для регулирования отношений между участниками, вступающими в коммуникацию. Так, в соответствии с коммуникативной моделью прагматика извинения актуализируется как мотив восстановления отношений с партнером по причине осознания своей ошибки, ощущения изменения мнения о себе по причине нарушения некоторых норм этики или правил социально-одобряемого поведения (общее описание модели извинения см.: [Формановская, 2002, с. 42–45; Ратмайр, 2003]). При этом, в границах судебно-правовых ситуаций коммуникативное извинение приобретает институциональное звучание.

Содержательно извинение в юридических документах (например, в деловой переписке или официальных актах) включает следующие обязательные элементы: констатация факта нарушения – указание на конкретное действие (или бездействие), признаваемое неправомерным; выражение сожаления – вербализация отрицательной оценки своего поступка; предложение мер по заглаживанию вреда – обещание возместить убытки, опубликовать опровержение, удалить порочащие сведения (например, ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации). Таким образом, в состав извинения нередко входит признание допущенной ошибки, сожаление по поводу случившегося и, в ряде случаев обещание принять меры для устранения нежелательных последствий: «Уважаемые коллеги, приносим извинения в связи с задержкой передачи материалов по делу. Мы прило-

жим усилия, чтобы подобные ситуации не возникали в дальнейшем».

В приведенном фрагменте используется выражение «приносим извинения», акцентирующее временной сбой при предоставлении документов. Для русского юридического дискурса характерна композиционная упорядоченность извинений, включающая:

- официальное обращение к собеседнику (к примеру, «Уважаемый(ая) [Ф. И. О.]» либо «Уважаемый судья [Ф. И. О.]» – такая форма встречается в исковых заявлениях, жалобах и иных юридических документах);

- констатацию вины или ошибки (например, «Признаю свою ответственность за допущенное нарушение и готов отвечать по закону» – подобная лексика типична для заявлений, ходатайств и процессуальных актов);

- вербализацию раскаяния (показательна фраза из последнего слова подсудимого: «Ваша честь, я уже говорил, мне очень жаль, что это произошло», которая призвана создать благоприятное впечатление о подсудимом и продемонстрировать искреннее сожаление);

- намерение или предложение скорректировать ситуацию, что выражается в стремлении уточнить правовые нормы, избежать двусмысленности терминов или повысить точность выражений.

Лексические особенности речевых формул извинения в русском языке отражают не только культурные и этикетные нормы, но и особенности межличностного общения. Рассмотрим несколько ключевых аспектов, характеризующих эти формулы.

Речевые формулы извинения способны варьироваться в зависимости от контекста общения. В формальных ситуациях чаще используется более официальный и вежливый язык, например, *Прошу прощения*, или, *Извините, пожалуйста*. В неформальной обстановке предпочтение отдается кратким и менее церемониальным формулам, таким как *Извини* или *Прости* [Ратмайр, 2003, с. 75–80].

Разные формы извинений могут нести различную эмоциональную нагрузку. Например, выражения *Мне очень жаль* или *Я искренне сожалею* передают глубокие чувства раскаяния, в то время как простое *Извини* может восприниматься как менее искреннее и более легкомысленное [Ратмайр, 2003, с. 75–80].

Далее приведем пример, основанный на анализе материалов реальных практик:

Уважаемый суд,

Я, Иванов Иван Иванович, признаю свою вину в причинении морального ущерба ответчику, Петровой Марии Сергеевне, в результате распространения недостоверной информации о ее деятельности. Я искренне прошу прощения за причиненные страдания и понесённые неудобства. Я намерен возместить утраченные ею доходы и моральные страдания в полном объеме.

С уважением,

Иванов И.И.

Такое извинение может быть представлено в суд, например, для достижения договоренности между сторонами.

Лексический выбор при выражении извинений во многом предопределен социальными установками, господствующими в обществе представлениями о вине и мере ответственности. В русской культурной традиции извинительные обороты воспринимаются позитивно, как проявление личной ответственности, что позволяет сглаживать неблагоприятные последствия неправомерных действий.

Заключение

Изучение формул вежливости в профессионально-ориентированных речевых практиках позволяет уточнить приемы конвенционализации разных форм устного и письменного общения в их связи с представлениями о социальной дистанции и ролевом статусе лиц, вступающих в контакт, описать нормативность межличностных контактов активных и пассивных агентов и клиентов в границах институциональных форм дискурса. Значимой для нормирования деловых контактов разного рода считается категория вежливости, с опорой на

которую коллектив профессионалов выстраивает стандарты общения.

Проведенный анализ признаков проявления вежливости в типовых условиях юридического дискурса показал, что в этой сфере речевое взаимодействие стремится к демонстрации подчеркнуто уважительного отношения к каждому агенту и клиенту, но с учетом ролевого статуса и степени обладания правом властного доминирования, к следованию требованиям максимально точного и правдивого представления фактов и данных. Указанные конвенции получают юридическое закрепление в праворегулирующих и иных документах и сопровождаются в них дополнительными разъяснениями о возможных санкциях в случае их несоблюдения. Будучи одной из речевых форм вежливости, извинение получает в юридической практике особую коммуникативную функцию – регулятивную, поскольку его текстовое воплощение строится по четкой коммуникативной модели «признание неправомерности совершенного действия и представление шагов, позволяющих исправить допущенное нарушение». В русской дискурсивной традиции вербальное воплощение модели официального извинения следует установленным профессиональным стандартам и демонстрирует ответственность юридического или физического лица за неблагоприятные последствия неправомерных действий.

Предложенная в работе методика изучения функциональной специфики извинения как появления стандарта вежливости в границах юридического дискурса может стать основой для дальнейшего изучения норм и конвенций коммуникации в сфере регулирования права и судебного контроля, когда языковые образцы рассматриваются как инструмент конструирования социальных отношений в судебно-правовой действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверин А. С., 2022. Англиязычный популярно-юридический дискурс: жанровые, семантические и прагматические особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж. 23 с.
- Борисова Л. А., 2016. Юридический дискурс: основные характеристики // Язык, коммуникация и социальная среда. № 14. С. 133–151.
- Борисова Л. А., 2019. Юридический текст: определение, свойства, типология // Язык, коммуникация и социальная среда. № 17. С. 57–72.

- Давыдова М. Л., 2020. Формирование и нормализация юридической терминологии в сфере цифровых технологий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 4. С. 52–63. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.5>
- Девяткина В. В., 2016. Категория вежливости в судебном дискурсе // Русский язык и литература в образовательном процессе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саратов : Издат. дом «МарК». С. 122–129.
- Катермина В. В., Сафронова Т. С., 2017. Механизмы суггестивного воздействия в юридическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 142–152. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.14>
- Карасик В. И., 2002. Языковой крут: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Карасик В. И., 2025. Языковое древо жизни: монография. Москва : Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. 496 с.
- Колесникова Л. В., 2007. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности (на материале предметно-терминологической области «Международное частное право») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь. 19 с.
- Леонтович О. А., 2025. Семантизация вежливости в русском языке: метакоммуникативный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 24, № 4. С. 17–29. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.2>
- Лисовская Т. В., Краснобаева Л. А., 2019. Дискурс-анализ в юридических исследованиях // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. № 2 (113). С. 57–61.
- Палашевская И. В., 2017. Юридические дефиниции: функциональные и типологические характеристики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 131–141. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.13>
- Палашевская И. В., 2023. Судебный дискурс : монография. Москва : Гнозис. 416 с.
- Попова Л. Е., 2005. Юридический дискурс как объект интерпретаций (семантический и прагматический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар. 24 с.
- Ратмайр Р., 2003. Прагматика извинения: Сравнительное извинение на материале русского языка и русской культуры. Москва : Яз. слав. культуры. 272 с.
- Формановская Н. И., 2002. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. Москва : Рус. яз. 287 с.
- Чернышев А. В., 2016. Юридический дискурс и его основные характеристики // Слово.Ру: Балтийский акцент. С. 22–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-diskurs-i-ego-osnovnye-harakteristiki>
- Chemeteva Yu. V., 2022. Legal Media Discourse as a Hybrid Phenomenon // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 1. С. 110–118. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.1.9>
- Leontovich O. A., 2023. Dichotomization as a Basis of Positive Communication Analysis in an Intercultural Context. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 4. С. 76–85. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.6>

ИСТОЧНИКИ

- ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/8ecc85c856840aa70d084a6eafb7da7c4131f8a1/
- УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/32cb11be31673e603e3ca6ad039ceba47d8bedca/
- УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/528ecc372b7bb3d9522ff44a9e0b9fcb8d58905b/
- Постановление Верховного Суда – Постановление Верховного Суда РФ № 19-АД21-17-К5 от 17 ноября 2021 г. по делу № 3-273/2020. URL: https://sudact.ru/vsrif/doc/jgllzn72Ab11/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=&vsrf-lawchunkinfo=Статья+159.+Меры%2C+применяемые+к+нарушителям+порядка+в+судебном+заседании%28ГПК+РФ%29&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_id=1781263363925
- Определение Конституционного Суда – Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2007 № 33-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Михайлович Дианы Ивановны на нарушение ее конституционных прав положением части второй статьи 159 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16012007-n-33-o-o-ob/>

REFERENCES

- Averin A.S., 2022. *Angloyazychnyy populyarno-yuridicheskiy diskurs: zhanrovyye, semanticheskiye i pragmaticheskiye osobennosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [English Popular Legal Discourse: Genre, Semantic, and Pragmatic Features. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Voronezh. 23 p.
- Borisova L.A., 2016. Yuridicheskiy diskurs: osnovnye kharakteristiki [Legal Discourse: General Characteristics]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsialnaya sreda* [Language, Communication and Social Environment], no. 14, pp. 133-151.
- Borisova L.A., 2019. Yuridicheskiy diskurs: opredeleniye, svoystva, tipologiya [Legal Discourse: Definition, Features, Typology]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsialnaya sreda* [Language, Communication and Social Environment], no. 17, pp. 57-72.
- Davydova M.L., 2020. Formirovaniye i normalizatsiya yuridicheskoy terminologii v sfere tsifrovyykh tekhnologiy [Formation and Normalization of Legal Terminology in the Field of Digital Technologies]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 4, pp. 52-63. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.5>
- Devyatkina V.V., 2016. Kategoriya vezhливosti v sudebnom diskurse [The Category of Politeness in Legal Discourse]. *Russkiy yazyk i literatura v obrazovatel'nom protsesse : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Russian Language and Literature in the Educational Process. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Saratov, Izdat. dom «MarK», pp. 122-129.
- Katermina V.V., Safronova T.S., 2017. Mekhanizmy suggestivnogo vozdeystviya v yuridicheskom diskurse [Suggestive Mechanisms in Legal Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 142-152. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.14>
- Karasik V.I., 2002. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Karasik V.I., 2025. *Yazykovoye drevo zhizni: monografiya* [The Language Tree of Life. Monograph]. Moscow, Gos. in-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina. 496 p.
- Kolesnikova L.V., 2007. *Yuridicheskiy diskurs kak rezultat kategorizatsii i kontseptualizatsii deystvitelnosti (na materiale predmetno-terminologicheskoy oblasti «Mezhdunarodnoye chastnoye pravo»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Legal Discourse as a Result of Categorization and Conceptualization of Reality (Based on the Subject-Terminological Field "Private International Law"). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Stavropol. 19 p.
- Leontovich O.A., 2025. Semantizatsiya vezhливosti v russkom yazyke: metakommunikativnyy aspekt [Semantization of Politeness in the Russian Language: A Meta-Communicative Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 24, no. 4, pp. 17-29. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.2>
- Lisovskaya T.V., Krasnobayeva L.A., 2019. Diskurs-analiz v yuridicheskikh issledovaniyakh [Discourse Analysis in Legal Studies]. *Izvestiya Gomelskogo gosudarstvennogo universiteta im. F. Skoriny* [Izvestiya of F. Skorina Gomel State University], no. 2 (113), pp. 57-61.
- Palashevskaya I.V., 2017. Yuridicheskiye definitsii: funktsionalnyye i tipologicheskiye kharakteristiki [Legal Definitions: Functional and Typological Characteristics]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 131-141. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.13>
- Palashevskaya I.V., 2023. *Sudebnyy diskurs: monografiya* [Judicial Discourse. Monograph]. Moscow, Gnozis Publ. 416p.
- Popova L.E., 2005. *Yuridicheskiy diskurs kak obyekt interpretatsiy (semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Legal Discourse as an Object of Interpretation (Semantic and Pragmatic Aspects). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Krasnodar. 24 p.
- Ratmayr R., 2003. *Pragmatika izvineniya: Sravnitel'noye izvineniye na materiale russkogo yazyka i russkoy kultury* [Pragmatics of Apology: Comparative Apology Based on the Russian Language and Culture]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ.. 272 p.
- Formanovskaya N.I., 2002. *Rechevoye obshcheniye: kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod* [Speech Communication: Communicative-Pragmatic Approach]. Moscow, Rus. yaz. Publ. 287 p.

- Chernyshev A.V., 2016. Yuridicheskiy diskurs i yego osnovnyye kharakteristiki [Legal Discourse and Its Main Characteristics]. *Slovo.Ru: Baltiyskiy aktsent* [Slovo.Ru: Baltic Accent], pp. 22-28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-diskurs-i-ego-osnovnye-harakteristiki>
- Chemeteva Yu.V., 2022. Legal Media Discourse as a Hybrid Phenomenon. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 1, pp. 110-118. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.1.9>
- Leontovich O.A., 2023. Dichotomization as a Basis of Positive Communication Analysis in an Intercultural Context. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 4, pp. 76-85. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.6>

SOURCES

- Grazhdanskiy protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Civil Procedure Code of the Russian Federation]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/8ecc85c856840aa70d084a6eafb7da7c4131f8a1/
- Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/32cb11be31673e603e3ca6ad039ceba47d8bcdca/
- Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Code of the Russian Federation]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/528ecc372b7bb3d9522ff44a9e0b9fcb8d58905b/
- Postanovleniye Verkhovnogo Suda RF № 19-AD21-17-K5 ot 17 noyabrya 2021 g. po delu № 3-273/2020* [Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19-AD21-17-K5 of November 17, 2021, in Case No. 3-273/2020]. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/jgllzn72Ab1l/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=&vsrf-lawchunkinfo=Statia+159.+Mery%2C+primenyayemye+k+narushitelyam+poryadka+v+sudebnom+zasedanii%28GPK+RF%29&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_1781263363925
- Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 16.01.2007 № 33-O-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Mikhaylovich Diany Ivanovny na narusheniye yeye konstitutsionnykh prav polozheniyem chasti vtoroy stat'i 159 Grazhdanskogo protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii»* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated 16.01.2007 N 33-O-O “On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Diana Ivanovna Mikhailovich Regarding the Violation of Her Constitutional Rights by the Provisions of Part Two of Article 159 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation”]. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16012007-n-33-o-o-ob/>

Information About the Authors

Valentina A. Ignatenko, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Department of Foreign and Russian Languages, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia, val-litvinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3761-1270>

Oksana S. Dudchenko, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of History, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia, oksana-dudchenko@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3537-2694>

Информация об авторах

Валентина Александровна Игнатенко, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, г. Москва, Россия, val-litvinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3761-1270>

Оксана Сергеевна Дудченко, доктор юридических наук, доцент кафедры истории, Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, г. Москва, Россия, oksana-dudchenko@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3537-2694>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.11>

UDC 81.512.37(091)

LBC 813r+81.643

Submitted: 01.10.2025

Accepted: 02.02.2026

THE SCIENTIFIC HERITAGE OF PROFESSOR D.A. SUSEEVA AND ITS SIGNIFICANCE FOR MODERN LINGUISTICS

Svetlana M. Trofimova

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia

Boskha Kh. Borlykova

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia

Tatiana M. Kekeeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia

Abstract. The article systematizes and comprehends the scientific contribution of Professor D.A. Suseeva to Russian linguistics. It reveals the key areas of her research: the historical study of the Kalmyk language in synchrony and diachrony (based on archival documents from the 18th century, including texts in Todo Bichig), the description of morphemics and word formation in the Kalmyk language in comparison with other languages, primarily Mongolian and Russian, as well as the linguosociological analysis of business and epistolary language as a reflection of social practices. Special attention is paid to the scientist's fundamental monographs on the grammatical structure of the Kalmyk language in the 18th century, the letters of the Kalmyk khans, and the comparative grammar of the Russian and Kalmyk languages, as well as the empirical database she created, including word-formation dictionaries and the introduction of archival documents from the 18th century into scientific circulation. The continuity of D.A. Suseeva's scientific ideas is demonstrated, showing how her approaches to the study of language systems are implemented in the dissertation research of her students and thus a linguistic scientific school is formed at Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. The article emphasizes the significance for modern studies of Mongolic languages and linguistic source studies of D.A. Suseeva's research, which combine diachronic analysis, comparative methods, and work with primary sources.

Key words: general linguistics, comparative linguistics, Kalmyk linguistics, grammar, word formation, history of the Kalmyk language, written records of the 18th century, Suseeva.

Citation. Trofimova S.M., Borlykova B.Kh., Kekeeva T.M. The Scientific Heritage of Professor D. A. Suseeva and Its Significance for Modern Linguistics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 3, pp. 127-136. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.11>

УДК 81.512.37(091)

ББК 813r+81.643

Дата поступления статьи: 01.10.2025

Дата принятия статьи: 02.02.2026

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Д.А. СУСЕЕВОЙ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Светлана Менкеновна Трофимова

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

Босха Халгаевна Борлыкова

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

Татьяна Михайловна Кекеева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

Аннотация. В статье систематизирован и осмыслен научный вклад профессора Д.А. Сусеевой в отечественную лингвистику. Раскрыты ключевые направления ее исследований: изучение калмыцкого языка в синхронии и диахронии (на материале архивных документов XVIII в., в том числе текстов на тодо бичиг), описание морфемки и словообразования калмыцкого языка в сопоставлении с другими языками, прежде всего монгольским и русским, а также лингвосоциологический анализ делового и эпистолярного языка как отражения социальных практик. Особое внимание уделено фундаментальным монографиям ученого по грамматическому строю калмыцкого языка XVIII в., письмам калмыцких ханов, сопоставительной грамматике русского и калмыцкого языков, а также созданной эмпирической базе, включающей словообразовательные словари архивные документы XVIII века. Продемонстрирована преемственность научных идей Д.А. Сусеевой: показано, как ее подходы к характеристике языковых систем реализуются в диссертационных исследованиях учеников и формируют лингвистическую научную школу в Калмыцком государственном университете им. Б.Б. Городовикова. В статье подчеркивается значимость исследований Д.А. Сусеевой, сочетающих диахронический анализ, сопоставительный метод и работу с первоисточниками, для современного монголоведения и лингвистического источниковедения.

Ключевые слова: общее языкознание, сопоставительное языкознание, калмыцкое языкознание, грамматика, словообразование, история калмыцкого языка, письменные памятники XVIII века, Сусеева.

Цитирование. Трофимова С. М., Борлыкова Б. Х., Кекеева Т. М. Научное наследие профессора Д.А. Сусеевой и его значение для современной лингвистики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 3. – С. 127–136. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.11>

Введение

21 июня 2026 г. отметит свое 90-летие Данара Аксеновна Сусеева – доктор филологических наук, профессор Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, директор научного центра «Бичиг». Это знаменательное событие совпадает с празднованием Года единства народов Российской Федерации, что весьма символично, поскольку жизнь и деятельность Данары Аксеновны Сусеевой является примером служения высокой миссии – заботе о будущем Калмыкии через профессиональную деятельность в сфере образования и науки.

Данара Аксеновна с гордостью вспоминает свои корни, повлиявшие на формирование ее понимания жизни и предназначения человека. Она родилась в 1936 г. на хуторе Стояновский Зимовниковского района Ростовской области, откуда были ее родители: Анна Ребжуровна Мухлынова и Аксен Илюмджиневич Сусеев. Детство Данары Аксеновны связано с такими городами, как Ташкент, Москва, Элиста и Улан-Батор (ее отец работал советником монгольской армейской газеты «Улан Одн» («Красная звезда»), преподавал в Объединенном военном училище в Улан-Баторе, где готовились командиры и политработники Монгольской народной армии. В годы депортации семья Су-

сеевых разделила судьбу своего народа, с апреля 1944 г. до мая 1954 г. находясь в ссылке в Бийске (Алтайский край), где Аксен Илюмджиневич преподавал историю в средних специальных и высших учебных заведениях. В мае 1954 г. решение о депортации было отменено, что позволило Д.А. Сусеевой в этом же году, выдержав высокий конкурс, стать студенткой филологического факультета Казахского государственного университета им. С.М. Кирова в Алма-Ате. После окончания университета в 1959 г. она планировала поступать в аспирантуру Института русского языка АН СССР, но планы изменились после знакомства с профессором Т.А. Бертагаевым, известным лингвистом, специалистом по монгольским языкам, который убедил ее изучать калмыцкий язык. После возвращения депортированного населения Калмыкия остро нуждалась в восстановлении национальной системы образования и науки, что требовало подготовки собственных педагогических и научных кадров. Т.А. Бертагаев объяснил молодому русисту ситуацию и убедил ее в том, что русское языкознание «прекрасно обойдется без нее», а вот республике как раз нужны специалисты по калмыцкому языку. Для Данары Аксеновны принять решение о смене сферы научных интересов было сложным: она выросла и получила высшее образование в русской языковой

среде, поэтому родным языком не владела. Однако желание помочь республике перевесило сомнения – Данара Аксеновна сдала вступительные экзамены, поступила в аспирантуру и под руководством профессора Бертагаева изучила старописьменные монгольский и калмыцкий языки, а также древнемонгольский язык – это позже очень помогло ей в научных исследованиях. Умение читать и переводить тексты на старописьменном калмыцком (тодо бичиг – «ясное письмо») позволило ей работать с архивными материалами – тысячами официально-деловых писем калмыцких ханов XVIII века. Это дало материал для разноаспектного изучения эволюции языка.

После окончания аспирантуры Д.А. Сусеева была приглашена на работу в Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы, истории на должность младшего научного сотрудника, в 1965 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Глагольные словосочетания в современном калмыцком языке» [Сусеева, 1964]; о ее автореферате был получен отзыв известного ученого-востоковеда Ц.-Д. Номинханова, подчеркнувшего, что это действительно первое глубокое исследование синтаксиса калмыцкого языка, посвященное глагольным словосочетаниям (письменный отзыв Номинханова хранится в личном архиве Д.А. Сусеевой).

Г.Ц. Пюрбеев в своей статье «О некоторых вопросах синтаксиса калмыцкого языка», которая вышла в сборнике «Вопросы языкознания» (1970, № 3), анализируя синтаксис калмыцкого языка и в одном из фрагментов дает отзыв на диссертационную работу Сусеевой «Глагольные словосочетания в современном калмыцком языке». Он отмечает, что в ней впервые в монголистике предпринята попытка детально описать глагольные словосочетания: раскрыть особенности их структуры, изучить, как в них соотносятся лексические и грамматические значения компонентов, а также наметить новые направления для исследований в этой области.

В ноябре 1965 г. Сусеева избрана на должность старшего преподавателя кафедры русского языка и литературы Калмыцкого государственного педагогического института

(ныне университет), затем была доцентом, деканом филологического факультета, заведующей кафедрой русского языка и общего языкознания. В период с 1976 по 1987 г. Данара Аксеновна Сусеева занимала должности в партийных и советских органах: входила в Советский комитет солидарности стран Азии и Африки (1976–1978), работала заместителем заведующего отделом науки и учебных заведений Калмыцкого обкома партии (1976–1985), председателем Госкомиздата Калмыцкой АССР (1985–1987).

В 1987 г. Д.А. Сусеева вернулась в университет и до сегодняшнего времени трудится в нем профессором кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы. Выстраивая преподавание учебных дисциплин (словообразование, морфология русского языка и мн. др.), она стремится к тому, чтобы студенты изучали не только устоявшиеся нормы, но и живые, современные языковые процессы, соединяет «классическую» теорию с актуальными научными данными, излагает учебный материал в русле современных лингвистических направлений. Важным в подготовке студентов-филологов Данара Аксеновна считала их вовлечение в научную деятельность – темы выпускных работ неизменно были связаны с поиском ответов на нерешенные в филологии проблемы, касающиеся динамики калмыцкого, монгольского и русского языков, их взаимодействия в разные исторические эпохи.

В 1994 г. Д.А. Сусеевой защищена докторская диссертация «Проблемы аффиксального словообразования (на материале калмыцкого и монгольского языков)». В 1997 г. ей было присвоено ученое звание профессора. В 2014 г. – на основе диссертации опубликована монография «Аффиксальное словообразование калмыцкого и монгольского языков в сопоставительном освещении» [Сусеева, 2014]. Здесь тема раскрыта шире: автор впервые сопоставила словообразовательные системы двух языков на единых критериях, подробно разобрав типы, пары, цепи, парадигмы и гнезда.

Результаты научной деятельности Д.А. Сусеевой отражены в более чем в 200 научных статьях и 21 монографии. Научные проекты,

в которых принимала участие Д.А. Сусеева, поддержаны грантами Российского гуманитарного научного фонда: «Калмыцкий язык XVIII века: система и функционирование», № 03-04-00493 а/ю (2003–2005 гг.); «Русские переводы XVIII века деловых писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования», № 12-04-003552 (2013–2015 гг.); Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования, культуры и науки Монголии: «Словообразовательная система монгольских языков: современное состояние когнитивный аспект», № 10-04-00585 а/Г (2010–2012 гг.). Д.А. Сусеева была исполнителем Международного проекта, организованного издательством De Gruyter Mouton [Word-Formation..., 2016]. Она также выступала руководителем внутривузовских грантов (2012, 2013, 2017, 2019 гг.).

Д.А. Сусеева ведет большую общественную и просветительскую деятельность, представляла КалмГУ в разных научных и методических советах: член Головного совета по филологическим наукам при Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР (1970–1976), член научно-методического совета по русскому языку и языкознанию народов РФ при Министерстве образования РФ (1991–1995), член научно-педагогического совета по русскому языку и языкам народов РФ при Министерстве высшего и среднего специального образования (1993–1996).

Д.А. Сусеева удостоена звания Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия, Почетным профессором Монгольского государственного университета образования, Почетным гражданином Республики Калмыкия, награждена знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», медалью «Ветеран труда». В 2001 г. стала стипендиатом Государственной научной стипендии для выдающихся ученых и талантливых молодых ученых России, присужденной постановлением Президиума Российской академии наук от 29 мая 2001 г. № 151.

Наука всегда оставалась главным делом в жизни Д.А. Сусеевой. Сфера научных интересов профессора включает морфемистику, словообразование, морфологию калмыцкого языка, сопоставительную и контрастивную грамматику, а также историю калмыцкого языка.

Проблемы изучения и описания современного калмыцкого языка в сопоставительном аспекте

Подходы к изучению современного калмыцкого языка были определены Д.А. Сусеевой еще в кандидатской диссертации [Сусеева, 1964] и получили глубокое развитие в докторской диссертации, где впервые в монголистике на материале двух родственных языков – калмыцкого и монгольского – словообразование было рассмотрено как единая система [Сусеева, 1994]. Д.А. Сусеева исследовала не только отдельные аффиксы, но и механизмы их системного взаимодействия: как, сочетаясь в слове, они порождают производные единицы и формируют сложные деривационные комплексы: цепи, парадигмы, гнезда. Подробно охарактеризованы семантические структуры и словообразовательные значения (конкретные, типовые, категориальные), которые хранят в себе знания, накопленные человеком. Работа опирается на сопоставительный метод, что позволило не только глубже понять механизмы словообразования в каждом языке, но и проследить исторические связи и взаимовлияния в монгольской языковой семье. К докторской диссертации были приложены три словообразовательных словаря: «Словообразовательный словарь калмыцкого языка» (издан в Элисте в 1985 г., на его основе создан «Школьный словарь морфем калмыцкого языка», изданный в Элисте в 1995 г.), «Словарь монгольского языка» и «Монгольско-калмыцкий словообразовательный словарь» (опубликованы в 2015 г.). Эти лексикографические работы создали существенную эмпирическую базу для сопоставительных и диахронических исследований монгольской языковой семьи, а также легли в основу учебных курсов по лексикографии и сравнительно-историческому языкознанию.

Сопоставительные исследования калмыцкого языка с другими языками обобщены в ряде статей [Сусеева, 2025; Сусеева, Онхайзер, 2017; Харанутова, Сусеева, Онорбаян, 2012] и монографии «Сопоставительная грамматика русского и калмыцкого языков: морфемистика и словообразование» [Сусеева, 2013б]. Монографическое исследование направлено на сравнительный анализ двух

языков в области морфемике и словообразования – при этом применяются общие критерии и единая система терминов. В разделе о морфемике автор анализирует инвентарь морфем (корней, приставок, суффиксов, окончаний, постфиксов) в обоих языках; правила, по которым морфемы сочетаются друг с другом (позиционные условия); морфонологические явления. В разделе о словообразовании акцент делается на том: какие словообразовательные средства представлены в обоих языках и какие словообразовательные значения они выражают; какие комплексные единицы (словообразовательная пара, тип, парадигма, цепь, гнездо) существуют и как они устроены в каждом языке. Показано, как типологические различия сопоставляемых языков влияют на морфемный состав и способы образования слов.

Многие аспекты изучения словообразовательных систем родственных и неродственных языков, затронутые в публикациях Д.А. Сусеевой, получили развитие в кандидатских диссертациях, выполненных под ее руководством. Так, в диссертации Е.Ц. Манджеевой «Морфемные модели слов в современном калмыцком языке: на материале имен существительных» обоснована необходимость ввести в грамматическое описание калмыцкого языка понятие «морфемная модель»; на материале имен существительных показаны эвристические возможности этого исследовательского инструмента: морфемная модель позволяет понять принципы сочетаемости морфем, структуру словообразовательных типов и падежной парадигматики (трех типов склонения и двух типов основ – вокалической и консонантной) [Манджеева, 2010]. В диссертации впервые в калмыцком языкознании осуществлено системное описание морфемных моделей имен существительных: определены абстрактные схемы, лежащие в основе комбинаторики морфем, и проведена их детализация с выделением конкретных моделей в рамках словообразовательных типов и падежной парадигматики.

Научный интерес Д.А. Сусеевой к грамматической системе современного калмыцкого языка [Сусеева, 2013а], и сопоставительному аспекту лингвистики на протяжении всей ее научной деятельности переплетается с интересом к архивным материалам.

Изучение калмыцкого языка в историческом аспекте

Монография Д.А. Сусеевой «Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования» стала настоящей поворотной точкой в изучении калмыцкого языка XVIII века. Книга дает материал для изучения ойратского диалекта монгольского языка того времени, лексики, формул обращения и эпистолярного этикета. В работе проанализировано более 170 писем (хана Аюки, его сына Чагдоржаба, внука Дасанга и других адресантов), хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее – НАРК) и представляющих собой уникальный исторический материал – по сути, энциклопедию образа жизни кочевых народов. Лингвосоциологическое исследование этих документов, проведенное Д.А. Сусеевой, включает анализ языка писем (лексики, грамматики, устойчивых формул) в контексте социальных практик начала XVIII в., что позволило через изучение языка источников раскрыть представления хана о собственной власти, его взгляд на отношения с соседями (кубанскими ногайцами, каракалпаками и др.) или детали повседневной жизни улусов. Полученные результаты позволил по-новому взглянуть на характер русско-калмыцких отношений в поздний период правления Аюки, в условиях внешней угрозы со стороны соседних народов [Сусеева, 2003]. Высокую оценку книге дал член-корреспондент РАН Э.Р. Тенишев: «В работе Д.А. Сусеевой осуществлена первая попытка многоаспектного исследования деловых писем хана Аюки и других калмыцких владельцев XVIII в. Автором поставлена новая для монгольского языкознания и актуальная для современной лингвистики проблема языковой личности. Решение этой проблемы позволило Д.А. Сусеевой создать лингвосоциологический портрет хана Аюки как выдающейся личности калмыцкого народа – одного из создателей Калмыцкого ханства в составе Российского государства» [Сусеева, 2003, с. 9–10].

Д.А. Сусеева ввела в научный оборот большое количество текстов, которые транслитерированы и переведены на русский язык, что дало импульс дальнейшим исследованиям

этого уникального материала лучше: создало основу для продолжения научной работы.

Работа заложила методологические основы для последующих исследований эпистолярного наследия калмыцкой знати и до сих пор остается ключевым справочным пособием для лингвистов и историков (см., например: [Сусеева, Горбань, 2023; Сусеева, Торопицын, Кундакбаева, 2019г; Тепкеев, Каманджаев, 2023]).

Монография «Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.): избранное» [Сусеева, 2009] – это фундаментальное издание, где впервые опубликован целый корпус официально-деловых документов, созданных на тодо бичиг (старописьменном калмыцком языке). Издание снабжено транслитерацией, русским переводом и копиями оригинальных рукописей, что существенно расширяет возможности их анализа для историков, лингвистов и палеографов, поскольку позволяет сопоставлять оригинальный текст и его перевод, изучать особенности почерков, орфографии и палеографических приемов.

В работе на материале «Избранного» выявлены особенности русско-калмыцких дипломатических и деловых контактов XVIII в.: механизмы передачи информации (посредством посланников, нарочных), регламентация делопроизводства, правила речевого этикета, а также динамика языковых контактов (заимствования из русского языка в калмыцкий официально-деловой стиль). Анализ «Избранного» позволил проследить, как в эпистолярном наследии отразились ключевые проблемы эпохи: обеспечение безопасности кочевий, участие калмыцких отрядов в российских военных кампаниях, урегулирование династических вопросов. Как представляется, цель публикации – дать исследователям инструмент для анализа русско-калмыцких отношений, изучения делопроизводства, языка и культурного контекста реализована в полной мере, а результаты исследования востребованы при изучении смежной проблематики [Кундакбаева, Сусеева, 2020; Сусеева, Брысина, Супрун, 2019; Сусеева, Горбань, 2025; Сусеева, Торопицын, Кундакбаева, 2019а; 2019б; 2019в].

Монография «Грамматический строй калмыцкого языка XVIII века: морфонология и морфология» [Сусеева, 2011] стало первым в

отечественной лингвистике системным описанием грамматики калмыцкого языка в конкретный период его истории. Период 1713–1771 гг. в контексте писем хана Аюки и его современников – важный хронологический срез для изучения истории Калмыцкого ханства и его отношений с Российской империей. Материал для анализа составили официально-деловые письма калмыцких ханов и их современников, написанные на тодо бичиг и хранящиеся в НАРК. В книге подробно охарактеризованы фонетика и фонология калмыцкого языка XVIII в.; его морфемика и морфотактика, происходившие в нем морфонологические явления (усечение, наложение, наращение, чередование, интерфиксация, удлинение гласных), а также внутриморфемные чередования кратких и долгих гласных; описаны морфологические категории – система частей речи и особенности формообразования; графика и орфография документов. Д.А. Сусеева показала отличия парадигмы корневых и служебных морфем в языке XVIII в. от современных, что важно для понимания эволюции языка.

Подходы к исследованию архивных документов, отраженные в монографиях, где Д.А. Сусеева была автором и соавтором, находили применение в кандидатских диссертациях ее учеников. Увлекая аспирантов изучением исторических документов, формулируя вместе с ними темы их исследований, Д.А. Сусеева выстраивала систему работы с молодыми коллегами: методическую (научить анализировать исторические тексты, работать с архивными источниками, применять специальные методы диахронического анализа), содержательную (помочь аспиранту видеть, как особенности делового языка XVIII в. влияют на общую грамматическую систему, и избегать ошибок при интерпретации исторических данных), методологическую (заложить понимание того, что изучение языка в его исторической динамике (диахрония) дает то, чего не дает синхронное описание: возможность увидеть эволюцию языковых явлений, понять, какие факторы (социальные, культурные, контакты с другими языками) на нее влияли. В целом, результаты, полученные благодаря такому подходу к деловому языку XVIII в., внесли существенный вклад в развитие лингвистической науки в области монгольских языков.

Например, Н.Д. Асирова в кандидатской диссертации на тему «Исследование частей речи в калмыцком языке XVIII века (на материале деловых писем)» [Асирова, 2002] выявила и описала особенности употребления частей речи в текстах XVIII в., установила различия в продуктивности грамматических форм, определила их значения в конкретном функциональном стиле. Кроме того, Н.Д. Асирова выявила характерные для деловой документации морфонологические процессы – усечение, наложение морфем, чередование кратких и долгих гласных, а также продемонстрировала отличия парадигмы корневых и служебных морфем той эпохи от современной, что позволило проследить диахронические изменения в языке. Работа существенно обогатила теоретическую и эмпирическую базу для последующих исследований – собранные языковые данные по калмыцкому языку можно использовать в сопоставлении с другими монгольскими языками.

Работы профессора Сусеевой образуют целостную научную программу, в них последовательно раскрываются три ключевых направления: история языка (реконструкция языковой системы по историческим текстам), письменность (анализ текстов на тодо бичиг)

и социалингвистика (язык в социальном контексте).

Заключение

Завершая краткий обзор публикаций Данары Аксеновны Сусеевой, можно сказать, что под ее руководством в Калмыцком государственном университете им. Б.Б. Городовикова сложилась научная школа, ориентированная на комплексное сопоставительное изучение калмыцкого языка. Ученики с успехом развивают заложенные в трудах наставника подходы к изучению языковых систем в их динамике, что обеспечивает непрерывность научного поиска, сохранение академических традиций и новаторство, свойственные отечественной лингвистике.

Авторы статьи имели счастье и возможность быть студентами Данары Аксеновны и, осмелимся заметить, дружить с юбиларом. Готовность Данары Аксеновны делиться знаниями создают вокруг нее атмосферу доверия и уважения. Это человек, который обладает невероятным магнетизмом, особым обаянием, энтузиазмом и способностью вдохновлять других людей, а главное – неравнодушием к делу, которому посвятила жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асирова Н. Д., 2002. Исследование частей речи в калмыцком языке XVIII века (на материале деловых писем) : дис. ... канд. филол. наук. Москва. 272 с.
- Кундакбаева Ж. Б., Сусеева Д. А., 2020. Взгляд калмыцкого наместника на политику России по укреплению Волго-Каспийского фронта: из писем Дондук-Даши В.Н. Татищеву, 1741–1745 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 5. С. 32–41. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.3>
- Манджиева Е. Ц., 2010. Морфемные модели слов в современном калмыцком языке: на материале имен существительных : дис. ... канд. филол. наук. Элиста. 132 с.
- Сусеева Д. А., 1964. Глагольные словосочетания в калмыцком языке : дис. ... канд. филол. наук. Москва. 217 с.
- Сусеева Д. А., 1994. Проблемы аффиксального словообразования: на материале калмыцкого и монгольского языков : дис. ... д-ра филол. наук. Элиста. 445 с.
- Сусеева Д. А., 2003. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования / отв. ред. член-корр. РАН Э. Р. Тенишев. Элиста : Джангар. 384 с
- Сусеева Д. А., 2009. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.): избранное. Элиста : Джангар. 991 с.
- Сусеева Д. А., 2011. Грамматический строй калмыцкого языка XVIII века: морфонология и морфология. Элиста : Калм. ин-т гум. иссл. РАН (КИГИ). 199 с.
- Сусеева Д. А., 2013а. Современный калмыцкий язык. Фонология. Морфемика. Элиста : Изд-во Калм. ун-та. 173 с.

- Сусеева Д. А., 2013б. Сопоставительная грамматика русского и калмыцкого языков: морфемика и словообразование. Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2013. 157 с.
- Сусеева Д. А., 2014. Аффиксальное словообразование калмыцкого и монгольского языков в сопоставительном освещении. Элиста : Изд-во Калм. ун-та. 202 с.
- Сусеева Д. А., 2025. О гласных фонемах современного калмыцкого языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 24, № 2. С. 133–145. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.11>
- Сусеева Д. А., Брысина Е. В., Супрун В. И., 2019. Русский язык XVIII века на окраинах России: переписка В.Н. Татищева с царичинским комендантом и другими лицами (по материалам Национального архива Республики Калмыкия). Волгоград : Фортесс. 200 с.
- Сусеева Д. А., Горбань О. А., 2023. Дороги в жизни Калмыцкого ханства XVIII века (на материале документов Национального архива Республики Калмыкия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 28, № 5. С. 59–69. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.4>
- Сусеева Д. А., Горбань О. А., 2025. Официально-деловая переписка XVIII века между русскими и калмыцкими органами власти: аспекты научного исследования (на материале документов Национального архива республики Калмыкия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Межкультурные отношения. Т. 30, № 4. С. 75–93. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.7>
- Сусеева Д. А., Онхайзер И., 2017. Сложные слова в русском, калмыцком и английском языках. Элиста: Изд-во Калм. ун-та. 344 с.
- Сусеева Д. А., Торопицын И. В., Кундакбаева Ж. Б., 2019а. Проблемы дипломатического перевода в русско-калмыцко-казахских отношениях середины XVIII века // Вопросы истории. № 9. С. 114–123. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201909Statyi17
- Сусеева Д. А., Торопицын И. В., Кундакбаева Ж. Б., 2019б. О языке деловой переписки В.Н. Татищева с казахскими владельцами, хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия // Социально-экономические и экологические аспекты развития Прикаспийского региона : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Элиста : Изд-во Калм. гос. ун-та. С. 662–666.
- Сусеева Д. А., Торопицын И. В., Кундакбаева Ж. Б., 2019в. Лингвистические аспекты документов Калмыцкой комиссии (1741–1745 гг.) о взаимоотношениях между калмыками и казахами // Вестник Калмыцкого университета. № 2 (42). С. 74–83.
- Сусеева Д. А., Торопицын И. В., Кундакбаева Ж. Б., 2019г. Калмыцкая-де ханша к нему, Абулмаммет-хану, присылала сватов. Династический брак как способ укрепления калмыцко-казахских отношений в XVIII веке // Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований : материалы III Междунар. науч. конф. Элиста : Изд-во Калм. гос. ун-та. С. 409–413.
- Тепкеев В. Т., Каманджаев Н. А., 2023. «А ваше великое дело подлинно я не знаю, а подлинно бы ваше письмо пришло ко мне, паче того порадовался бы». Два письма калмыцкого хана Аюки к русскому царю Петру Алексеевичу 1713 г. // Былые годы. № 18 (4). С. 1621–1629. DOI: 10.13187/bg.2023.4.1621
- Харанутова Д. Ш., Сусеева Д. А., Онорбаян Ц., 2012. Монгольское словообразование: структура и способы. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 259 с.
- Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe, 2016 / ed. by P. O. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, F. Rainer. Vol. 1–5. Berlin ; Boston : de Gruyter Mouton, 700 p.

REFERENCES

- Asirova N.D., 2002. *Issledovaniye chastey rechi v kalmytskom yazyke XVIII veka (na materiale delovykh pisem): dis. ... kand. filol. nauk* [A Study of Parts of Speech in the Kalmyk Language of the 18th Century: Based on Business Letters. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 272 p.
- Kundakbaeva Zh.B., Suseeva D.A., 2020. *Vzglyad kalmytskogo namestnika na politiku Rossii po ukrepleniyu Volgo-Kaspiyskogo frontira: iz pisem Donduk-Dashi V.N. Tatishchevu, 1741–1745 gg.* [On the View of Kalmyk Khan to the Activities of Russia in the Volga-Caspian Frontier: From the Letters of Donduk-Dashi to V. Tatishchev, 1741–1745]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya*.

- Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 25, no. 5, pp. 32-41. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.3>
- Mandzheeva E.Ts., 2010. *Morfemnye modeli slov v sovremennom kalmytskom yazyke: na materiale imen sushchestvitelnykh: dis. ... kand. filol. nauk* [Morpheme Models of Words in the Modern Kalmyk Language: Based on the Material of Nouns. Cand. philol. sci. diss.]. Elista. 132 p.
- Suseeva D.A., 1964. *Glagolnye slovosochetaniya v kalmytskom yazyke : dis. ... kand. filol. nauk* [Verb Phrases in the Kalmyk Language. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 217 p.
- Suseeva D.A., 1994. *Problemy affiksalnogo slovoobrazovaniya: na materiale kalmytskogo i mongolskogo yazykov: dis. ... d-ra filol. nauk* [Problems of Affixal Word Formation: Based on the Kalmyk and Mongolian Languages. Dr. philol. sci. diss.]. Elista. 445 p.
- Suseeva D.A., 2003. *Pisma khana Ayuki i yego sovremennikov (1714–1724 gg.): opyt lingvosotsiologicheskogo issledovaniya* [Letters of Khan Ayuki and His Contemporaries (1714-1724): A Linguistic and Sociological Study]. Elista, Dzhangar Publ. 384 p.
- Suseeva D.A., 2009. *Pisma kalmytskikh khanov XVIII veka i ikh sovremennikov (1713–1771 gg.): izbrannoye* [Letters of the 18th-Century Kalmyk Khans and Their Contemporaries (1713–1771): Selected Works]. Elista, Dzhangar Publ. 991 p.
- Suseeva D.A., 2011. *Grammaticheskiy stroy kalmytskogo yazyka XVIII veka: morfonologiya i morfologiya* [The Grammatical Structure of the 18th-Century Kalmyk Language: Morphology and Morphology]. Elista, Kalm. in-t gum. issl. RAN (KIGI). 199 p.
- Suseeva D.A., 2013a. *Sovremennyy kalmytskiy yazyk. Fonologiya. Morfemika* [Modern Kalmyk Language. Phonology. Morphemics]. Elista, Izd-vo Kalm. un-ta. 173 p.
- Suseeva D.A., 2013b. *Sopostavitelnaya grammatika russkogo i kalmytskogo yazykov: morfemika i slovoobrazovaniye* [Comparative Grammar of the Russian and Kalmyk Languages: Morphemics and Word Formation]. Elista, Izd-vo Kalm. un-ta. 157 p.
- Suseeva D.A., 2014. *Affiksalnoye slovoobrazovaniye kalmytskogo i mongolskogo yazykov v sopostavitelnom osveshchenii* [Affixal Word Formation in the Kalmyk and Mongolian Languages in Comparative Perspective]. Elista, Izd-vo Kalm. un-ta. 202 p.
- Suseeva D.A., 2025. O glasykh fonemakh sovremennogo kalmytskogo yazyka [The Vowel Phonemes of the Modern Kalmyk Language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta.. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 2, pp. 133-145. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.11>
- Suseeva D.A., Brysina E.V., Suprun V.I., 2019. *Russkiy yazyk XVIII veka na okrainakh Rossii: perepiska V.N. Tatishcheva s tsaritsynskim komendantom i drugimi litsami (po materialam Natsionalnogo arkhiva Respubliki Kalmykiya)* [The Russian Language in the 18th Century in the Outlying Regions of Russia: Correspondence Between V.N. Tatishchev and the Commandant of Tsaritsyn and Other Persons (Based on Materials from the National Archives of the Republic of Kalmykia)]. Volgograd, Fortress Publ. 200 p.
- Suseeva D.A., Gorban O.A., 2023. *Dorogi v zhizni Kalmytskogo khanstva XVIII veka (na materiale dokumentov Natsionalnogo arkhiva Respubliki Kalmykiya)* [Ways in the Life of the Kalmyk Khanate of the 18th Century (Based on the Documents of the National Archive of the Republic of Kalmykia)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 28, no. 5, pp. 59-69. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.4>
- Suseeva D.A., Gorban O.A., 2025. *Ofitsialno-delovaya perepiska XVIII veka mezhdu russkimi i kalmytskimi organami vlasti: aspekty nauchnogo issledovaniya (na materiale dokumentov Natsionalnogo arkhiva Respubliki Kalmykiya)* [Official Correspondence of the 18th Century Between Russian and Kalmyk Authorities: Aspects of Scientific Research (Based on the Documents of the National Archive of the Republic of Kalmykia)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 30, no. 4, pp. 75-93. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.7>
- Suseeva D.A., Onkhayzer I., 2017. *Slozhnye slova v russkom, kalmytskom i angliyskom yazykakh* [Difficult Words in Russian, Kalmyk, and English]. Elista, Izd-vo Kalm. un-ta. 344 p.
- Suseeva D.A., Toropitsyn I.V., Kundakbaeva Zh.B., 2019a. *Problemy diplomaticheskogo perevoda v russko-kalmytsko-kazakhskikh otnosheniyah serediny XVIII veka* [Problems of Diplomatic Translation in the Russian-

- Kalmyc-Kazakh Relation in the Middle of the 18th Century]. *Voprosy istorii*, no. 9, pp. 114-123. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201909Statyi17
- Suseeva D.A., Toropitsyn I.V., Kundakbaeva Zh.B., 2019b. O yazyke delovoy perepiski V.N. Tatishcheva s kazakhskimi vladelttsami, khranyashchiesya v Natsionalnom arkhive Respubliki Kalmykiya [On the Language of V.N. Tatishchev's Business Correspondence with Kazakh Owners, Stored in the National Archive of the Republic of Kalmykia]. *Sotsialno-ekonomicheskkiye i ekologicheskkiye aspekty razvitiya Prikaspiyskogo regiona: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Socio-economic and Environmental Aspects of the Development of the Caspian Region. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Elista, Izd-vo Kalm. gos. un-ta, pp. 662-666.
- Suseeva D.A., Toropitsyn I.V., Kundakbaeva Zh.B., 2019v. Lingvisticheskiye aspekty dokumentov Kalmytskoy komissii (1741–1745 gg.) o vzaimootnosheniyakh mezhdru kalmykami i kazakhami [Linguistic Inquiry into the Kalmyk Commission (1741–1745) Documents About Relations Between Kalmyks and Kazakhs]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk University], no. 2 (42), pp. 74-83.
- Suseeva D.A., Toropitsyn I.V., Kundakbaeva Zh.B., 2019g. Kalmytskaya-de khansha k nemu, Abulmamet-khanu, prisylala svatov. Dinasticheskiy brak kak sposob ukrepleniya kalmytsko-kazakhskikh otnosheniy v XVIII veke [The Kalmyk Khan's Wife Sent Matchmakers to Him, Abulmamat Khan. Dynastic Marriage as a Way to Strengthen Kalmyk-Kazakh Relations in the 18th Century]. *Aktualnye problemy mongolovednykh i altaisticheskikh issledovaniy: materialy III Mezhdunar. nauch. konf.* [Actual Problems of Mongolian and Altaic Studies. Proceedings of the 3rd International Scientific Conference]. Elista, zd-vo Kalm. gos. un-ta, pp. 409-413.
- Tepkeev V.T., Kamandzhaev N.A., 2023. «A vashe velikoye delo podlinno ya ne znayu, a podlinno by vashe pismo prishlo ko mne, pache togo poradovalsya by». Dva pisma kalmytskogo khana Ayuki k russkomu tsaryu Petru Alekseyevichu 1713 g. [“I Am not Actually Aware of the Great Cause of Yours. Yet, Had Your Letter Been Delivered to Me for Certain, Would Have Rejoiced Particularly”: Two 1713 Letters of Kalmyk Khan Ayuka to Russian Tsar Pyotr I Alekseevich]. *Bylye gody*, no. 18 (4), pp. 1621-1629. DOI: 10.13187/bg.2023.4.1621
- Kharanutova D.Sh., Suseeva D.A., Onorbayan Ts., 2012. *Mongolskoye slovoobrazovaniye: struktura i sposoby* [Mongolian Word Formation: Structure and Methods]. Ulan-Ude, Izd-vo BNTs SO RAN. 259 p.
- Müller P.O., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer F., eds., 2016. *Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe. Vol. 1–5*. Berlin; Boston, de Gruyter Mouton. 700 p.

Information About the Authors

Svetlana M. Trofimova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia, trofimovasm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1812-7117>

Boskha Kh. Borlykova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, Scientific Department, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia, borlboskha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9264-3430>

Tatiana M. Kekeeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia, t.kekeeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7470-1454>

Информация об авторах

Светлана Менкеновна Трофимова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия, trofimovasm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1812-7117>

Босха Халгаевна Борлыкova, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научного отдела, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия, borlboskha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9264-3430>

Татьяна Михайловна Кекеева, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия, t.kekeeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7470-1454>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.12>

UDC 811.111'33

LBC 81.432.1+81.11

Submitted: 28.11.2025

Accepted: 02.02.2026

**ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE ENGLISH LANGUAGE:
THE IMPACT OF GENERATIVE MODELS ON WRITTEN DISCOURSE, STYLE,
AND LINGUISTIC COMPETENCE**

Yassien Shareef Saed Al-Bayati

Imam Ja'afar Al-Sadiq University, Kirkuk, Iraq;
Directorate of Religious Education and Islamic Studies, Baghdad, Iraq

Abstract. This article examines the multifaceted impact of artificial intelligence (AI) on contemporary English written communication, with particular attention to generative models such as ChatGPT and other large language models (LLMs). The analysis centers on written discourse, addressing stylistic formation, textual categories, genre conventions, and the redefinition of linguistic competence within digital contexts. Drawing on discourse analysis, stylistics, and sociolinguistics, the research demonstrates that AI technologies, functioning as both medium and mode of communication, are transforming textual conventions, challenging traditional notions of authorship, and blurring the distinction between human and machine discourse. The central argument asserts that AI operates not only as an autonomous agent in linguistic evolution – generating texts through specific algorithms – but also as a crucial driver of linguistic standardization. This process produces texts lacking human nuance, fosters stylistic and genre hybridization, and contributes to the emergence of a homogenized global form of English. Ultimately, LLMs signify a shift from individual to distributed cognition and from socially determined genre conventions to probabilistic constructions shaped by user input and computational recombination. The study concludes that heightened critical awareness of these developments is vital for preserving linguistic diversity and promoting interpretive literacy in an era increasingly shaped by algorithmic text production.

Key words: artificial intelligence, generative models, discourse, written communication, linguistic competence, stylistics.

Citation. Al-Bayati Y.Sh.S. Artificial Intelligence and the English Language: The Impact of Generative Models on Written Discourse, Style, and Linguistic Competence. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 3, pp. 137-147. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.12>

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: ВЛИЯНИЕ ГЕНЕРАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ НА ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ, СТИЛЬ И ЯЗЫКОВУЮ КОМПЕТЕНЦИЮ

Яссин Шариф Саид Аль-Баяти

Университет Имама Джафара Аль-Садика, г. Киркук, Ирак;
Дирекция религиозного образования и исламоведения, г. Багдад, Ирак

Аннотация. В статье рассматривается многоаспектное влияние искусственного интеллекта (ИИ), особенно генеративных (как ChatGPT) и аналогичных языковых моделей (LLM), на английский язык. Анализ сосредоточен на письменном дискурсе, его стилистических нормах, текстовых категориях и жанровых конвенциях, а также меняющихся представлениях о языковой компетенции в цифровую эпоху. Опираясь на анализ дискурса, стилистику и социолингвистику, исследование показывает, как ИИ, выступая одновременно в качестве средства и способа коммуникации, трансформирует текстовые стандарты, ставя под вопрос авторство и стирая границы между человеческим и машинным дискурсом. ИИ также является не просто технологическим субъектом дискурса, порождающим текст по тем или иным алгоритмам, а непосредственным фактором языковой эволюции, способствующим лингвистической стандартизации и формирующим унифицированную глобальную форму английского языка, знаменующую переход от индивидуального к распределенному познанию, от социально обусловленной конвенциональности жанров к их вероятностному конструированию, определяемому пользовательским вводом и вычислительной рекомбинацией. В работе делается вывод, что понимание этих процессов имеет решающее значение для сохранения языкового разнообразия и формирования критической грамотности в эпоху алгоритмического авторства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративные модели, дискурс, письменная коммуникация, языковая компетенция, стилистика.

Цитирование. Аль-Баяти Я. Ш. С. Искусственный интеллект и английский язык: влияние генеративных моделей на дискурсивные практики, стиль и языковую компетенцию // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 3. – С. 137–147. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.12>

Introduction

The advent of generative artificial intelligence, following the introduction of OpenAI's ChatGPT in late 2022, has profoundly altered the domain of English written communication. Generative systems have started to perform a dual function, acting both as creators and participants in the writing process. Their capacity to reproduce human-like expression, adapt stylistic patterns, and generate coherent, contextually appropriate text has provoked significant debate about authorship, originality, and linguistic ability [Formosa et al., 2025]. Within this transformation, English, serving as the predominant language of digital interaction, plays a pivotal role.

The study explores linguistic implications of AI-mediated language within established frameworks of discourse analysis and stylistics.

Artificial intelligence is interpreted not as a technical advancement alone but as a sociolinguistic force influencing contemporary textual conventions. The research seeks to determine (a) the extent to which generative models modify the stylistic configuration of English written discourse, (b) their influence on users' linguistic proficiency, and (c) their role in reshaping prevailing conceptions of textuality, authorship, and genre in the context of global English.

Theoretical framework and literature review

1. Discourse and technological mediation

Discourse, understood as both a linguistic and social construct, has consistently evolved in accordance with the media through which it is created and disseminated. Within this perspective,

technological mediation operates as an active agent reshaping communicative practices and linguistic conventions rather than serving as a neutral channel of transmission. Unlike previous instruments confined to conveying human-produced text, generative systems such as ChatGPT, Claude, and Gemini engage directly in the act of textual creation. Functioning as algorithmic collaborators instead of passive conduits, they generate original linguistic structures through probabilistic modeling.

Discourse is the way we use language. It is not just about words: it is deeply connected to society. According to Fairclough, discourse is a “social practice” that both reflects how society works and helps shape it [Fairclough, 2010]. Over time, as our ways of communicating have changed, from writing by hand, to printing, to radio and TV, and now to digital media, discourse has also changed. The researcher argues that these communication technologies do not simply carry our language: they actively change how we talk and what we talk about [Fairclough, 2010]. In other words, new media doesn’t just pass along human ideas: it helps create them. Technology becomes a kind of partner in making meaning.

This transformation gives rise to the notion of algorithmic co-authorship, a condition in which semantic meaning emerges from the interplay between human intention and computational inference. The discursive process, once an exclusively human social activity, now encompasses non-human agents capable of emulating and reproducing human communicative behavior.

Thus, the integration of AI into discourse production indeed challenges traditional linguistic categories like mode and medium. In systemic functional linguistics, mode refers to how language is organized and how texts are put together (e.g., how meaning is structured), while medium refers to the physical or technological channel that carries the message (spoken, written, digital) [Halliday, Matthiessen, 2014, pp. 33-34]. Generative AI models blur these distinctions: they act both as a medium (since they are part of the infrastructure through which communication happens) and as a mode (because they generate structured, cohesive discourse). Generative models function simultaneously as both infrastructural medium and discursive mode. Such convergence gives rise to a distinctive

configuration, in which human input, algorithmic generation, and digital interface collectively form a unified communicative act.

Technological mediation also entails a profound redistribution of linguistic authority on a global scale. English, already preeminent as an international language, attains enhanced dominance through its disproportionate presence in AI training corpora. Within this framework, generative models act simultaneously as instruments and embodiments of linguistic imperialism, perpetuating a standardized, global English that suppresses regional variants and stylistic diversity. Consequently, AI-driven mediation transforms not only the architecture of discourse but also reinforces existing linguistic hierarchies worldwide.

Previously, researchers in digital discourse analysis emphasized that the structures and affordances of communication technologies shape how people talk and write online. For instance, in his work on mediated discourse analysis, Jones argues that technological features are not neutral: they “enable and constrain” the way we communicate, influencing what kind of discursive practices are possible [Jones, 2020].

In the same vein, scholars in digital discourse theory explored how social media platforms (like Twitter, YouTube, or comment forums) give rise to new interaction patterns, dialogic exchange, and intertextual practices [Johansson, Tanskanen, Chovanec, 2021]. For example, Twitter’s tight character limits have been shown to affect users’ syntax and style: with fewer characters, people tend to use more abbreviations, contracted forms, and simpler sentence structures. Meanwhile, on platforms where commenting and discussion are encouraged, users engage in more back-and-forth, dialogic, intertextual exchange – a point made by discourse analysts studying digital practices [Jones, 2020].

When it comes to generative artificial intelligence, these same structural tendencies of online communication seem to be baked into the models. Because LLMs are trained on very large web-based corpora, they absorb common stylistic norms from digital texts (blogs, social media, comment threads). Recent work on model pre-training shows how register variation (i.e., differences in genre or style, such as opinion blogs vs. news) actually influences model behavior [Myntti et al., 2025].

As a result, AI-generated language often reflects a hybrid register: it may combine the clarity and precision of formal writing with elements of conversational, informal language – mimicking how people write in digital settings. Also, linguistic analysis shows that AI-generated texts differ from human texts in measurable ways (e.g., sentence length distribution, vocabulary variety) [Muñoz-Ortiz, Gymez-Rodríguez, Vilares, 2024]. Furthermore, technological mediation by AI affects global linguistic power. English, which already plays a dominant international role, is heavily overrepresented in the data used to train many large language models. Research indicates that LLMs are disproportionately trained on English texts, which can amplify the dominance of English in AI-generated discourse [Helm et al., 2023].

From a sociolinguistic perspective, this echoes ideas of linguistic imperialism. Pennycook's concept of metrolingual practices (from Metrolingualism) explains how globalization reshapes not just which languages are used, but how they are used: local varieties mix, but dominant forms (like standard/global English) often prevail. [Pennycook, Otsuji, 2016].

In this way, generative AI does more than mediate discourse: it can reproduce and reinforce a standardized global English, marginalizing regional or stylistically diverse variants. The technology role becomes not just a passive conduit but an active agent in upholding existing linguistic hierarchies.

2. Generative models and stylistic imitation

Stylistics has traditionally examined the expressive and aesthetic dimensions of language within its contextual environment [Leech, Short, 2007]. Operating through statistical modeling rather than intentional articulation, generative systems do not originate style but reconstruct it from pre-existing textual patterns. In this respect, AI authorship enacts Turing's "imitation game" within the sphere of discourse itself [Turing, 1950]. The output exemplifies what Herring and Androutsopoulos identify as "computational stylization" – a simulation of stylistic features generated through patterned frequency rather than conscious selection [Herring, Androutsopoulos, 2015]. Beyond surface regularity, algorithmic style provokes reconsideration of creativity, imitation, and authorship in linguistic performance.

Generative models reproduce stylistic features through probabilistic mechanisms, producing what may be defined as algorithmic style, marked by structural coherence, syntactic symmetry, and organized discourse flow, yet it lacks the capacity for intentional deviation that characterizes human stylistic creativity – what Carter and Nash describe as the "foregrounding" of linguistic norms to achieve expressive effect [Carter, Nash, 1990]. Although such imitation can yield rhetorically sophisticated expression, it remains devoid of the spontaneous variability characteristic of human creativity, where stylistic shifts convey identity, emotion, and attitude.

The resulting fluency of AI-generated language therefore carries both functional and ideological significance, promoting linguistic standardization and advancing a uniformized global form of English. Consequently, AI-mediated style occupies a contradictory space: it broadens access to refined linguistic forms while simultaneously diminishing the heterogeneity and individuality that endow discourse with its cultural and social depth.

3. Linguistic competence and the role of AI

Chomsky's concept of linguistic competence refers to an idealized, internalized system of grammatical knowledge that enables native speakers to produce and understand syntactically well-formed sentences [Chomsky, 1965]. However, this model deliberately excludes pragmatic, sociolinguistic, and discursive dimensions of language use – domains later captured by Hymes' notion of communicative competence, which encompasses not only grammaticality but also appropriateness, context sensitivity, and interactional effectiveness [Hymes, 1972].

In the contemporary context of artificial intelligence, many higher-order linguistic tasks, such as lexical selection, syntactic variation, and discourse structuring are increasingly mediated by algorithmic systems. Heavy reliance on AI-driven writing tools may lead users to offload aspects of communicative competence to these systems, potentially reducing their active engagement with idiomatic expression, pragmatic inference, and stylistic nuance.

Conversely, some users develop what scholars describe as distributive language competence [Van Lier, 2004] – a dynamic, co-constituted

capacity in which human judgment and algorithmic output jointly shape textual meaning. This aligns with observation that AI does not replace human skill so much as reconfigure it, fostering new meta-skills such as prompt formulation, output criticality, and iterative refinement [Floridi, Chiriatti, 2020]. In this model, linguistic agency becomes distributed across human and machine, reflecting broader theories of extended cognition [Clark, Chalmers, 1998] and sociotechnical co-constructivism [Krakowski, 2025].

From a sociolinguistic standpoint, this evolution signifies a transition from individual to distributed cognition, in which linguistic capability is co-enacted by human users and technological systems. Clark, building on the extended mind hypothesis, conceptualizes this integration as “extended cognition” [Clark, 2008], wherein digital tools become constitutive, not merely auxiliary, elements of cognitive activity. Within AI-supported composition, linguistic performance unfolds through layered mediation: grammar checkers, predictive text, and generative models interact to scaffold and shape textual production. This reconfiguration blurs the classical dichotomy between Chomskyan competence (internal knowledge) and performance (actual use), recasting language mastery as a socio-technical assemblage.

Yet this augmentation, while enhancing fluency and accessibility, risks fostering what Selwyn identifies as “instrumental literacy” – a mode of engagement focused on efficient system operation rather than critical or reflective linguistic understanding [Selwyn, 2016]. Similarly, Bender et al. warn that large language models function as “stochastic parrots,” reproducing patterns without grounding in meaning or intentionality [Bender et al., 2021]. Consequently, the pedagogical imperative lies in cultivating a critical-creative competence [Krakowski, 2025]: one that preserves human interpretive autonomy while ethically and effectively leveraging the generative affordances of algorithmic collaboration.

4. Authorship, originality, and the ethics of AI discourse

Foucault’s concept of the “author function” [Foucault, 1984] is particularly relevant to AI-generated discourse. When a machine produces text, who – or what – is the

author? The concept of authorship becomes decentered, and linguistic style becomes detached from individual identity. This decentering has ethical implications for academic writing, journalism, and creative industries. But some scholars have argued that AI-generated writing challenges traditional notions of intellectual property and linguistic authenticity [Floridi, Chiriatti, 2020].

The decentering of authorship brought about by generative AI extends beyond questions of textual ownership to challenge the very ontology of originality. Traditionally, originality has been linked to individual creativity, intentionality, and affect – qualities that machines, by definition, do not possess. Yet, the linguistic outputs of large language models often exhibit syntactic sophistication and stylistic coherence that mimic the hallmarks of creativity. This paradox destabilizes the humanist assumption that authorship is an expression of a singular consciousness. As Barthes famously proclaimed, “the author is dead” [Barthes, 1977]; in the context of AI-generated discourse, this assertion acquires renewed relevance. What emerges is a form of distributed authorship, where agency is shared among human prompt design, algorithmic patterning, and data-driven intertextuality. Each generated text becomes a recombination of pre-existing linguistic material, recontextualized through probabilistic synthesis rather than original invention.

Ethically, this redistribution of authorship raises critical issues of accountability, transparency, and moral responsibility. When AI systems produce biased, inaccurate, or plagiarized content, determining liability becomes complex. The opacity of algorithmic processes – what Pasquale calls the “black box society” [Pasquale, 2015] – means that the origins of linguistic choices are often hidden from both users and audiences. Furthermore, the normalization of machine-generated text in academic and journalistic domains risks eroding public trust in textual authenticity. Scholars such as Floridi [Floridi, 2023] and Bender et al. warn that without clear frameworks for attribution and ethical disclosure, AI-mediated discourse may blur the boundaries between fabrication and fact [Bender et al., 2021]. Thus, the ethics of AI authorship must move beyond legal ownership to encompass epistemic integrity – the responsibility to make visible the technological mediation behind the words we read and write.

Research methodology

The research adopts a mixed-methods discourse-analytic framework. The corpus comprises both AI-generated and human-produced English texts representing diverse genres, including academic abstracts, journalistic writing, essays, and creative compositions. Through stylistic analysis instruments such as Coh-Metrix and corpus-based concordance, the study measures key textual indicators: lexical variety, syntactic sophistication, coherence devices, and rhetorical organization.

Quantitative outcomes are further contextualized through qualitative discourse analysis. The interpretive component examines modality, stance, and cohesion within the theoretical parameters of systemic functional linguistics [Halliday, Matthiessen, 2014]. Each sample is evaluated for distinctive traits of AI-generated discourse, including tonal uniformity, structural equilibrium, and constrained lexical range. Data interpretation adheres to Fairclough's tripartite model encompassing textual, discursive, and social dimensions of analysis [Fairclough, 2010].

Discussion

1. Stylistic uniformity and the erosion of idiolect

One of the defining characteristics of AI-produced English is stylistic homogeneity. Generated texts display refined syntax, formulaic phrasing, and structurally balanced organization. Although such features promote precision and readability, they simultaneously suppress authorial distinctiveness. The idiolect – the individual linguistic signature of a writer – is replaced by algorithmic regularity. This development aligns with what Bourdieu terms 'the regulation of the linguistic market', wherein adherence to prevailing norms generates symbolic value while constraining creative divergence [Bourdieu, 1991].

The absence of an idiolect in AI-mediated texts signals a broader shift from expressive individuality to standardized textual production. The homogeneity intrinsic to generative systems stems from probabilistic optimization, which diminishes deviations of all kinds to maintain grammatical and stylistic cohesion. Consequently,

the distinctive features that traditionally signal creativity, displayed in the choice of stylistic resources, syntactic deviation, and inventive imagery, are progressively eliminated. This reduction of linguistic individuality not only narrows the aesthetic range but also transforms the notion of authorship into an algorithmically shared act rather than an expression of an individual style. In this environment, linguistic creativity is subject to computational rationality, producing a homogeneous, cohesive discourse that parallels broader mechanisms of cultural homogeneity within the digital sphere.

2. Register hybridization

Register hybridization refers to the linguistic phenomenon where distinct language registers – varieties of language used in different social contexts or communicative situations – blend or overlap, creating hybrid registers that combine features of multiple traditional registers. Scientific research in linguistics and corpus studies has examined how hybrid registers exhibit both the core characteristics of their influencing registers and unique lexico-grammatical nuances that emerge from this blending. Studies such as [Degaetano-Ortlieb, 2019] analyze hybridization effects in literary texts, showing that hybrid registers maintain resemblance to traditional registers while also reflecting features from more influential registers, analyzed through dimensions like lexico-grammatical features and process types, under frameworks including register theory [Biber, Conrad, 2019] and Systemic Functional Linguistics [Halliday, Matthiessen, 2014]. This helps explain inter- and intra-textual variation in hybrid registers [Degaetano-Ortlieb, 2019].

More broadly, register variation research reveals systematic linguistic differences across registers, with multidimensional approaches to studying register identifying distinct patterns in lexical and grammatical usage depending on context, medium, and audience. Registers exhibit overlapping linguistic features, contributing to hybridization observed in both spoken and written language varieties, including academic, conversational, and digital communication styles [Biber, Conrad, 2019].

Empirical work also connects register variation to cognitive and social dimensions of language processing, noting that people adapt their language use based on social setting, interlocutor,

and purpose, which naturally fosters hybridized registers especially in multilingual or digital contexts [Masullo et al., 2025]. In the domain of AI and computational linguistics, although specific scientific articles on “register hybridization” in AI-generated language are emerging, it is recognized that large language models generate text blending formal and informal registers based on training data mixtures and prompt specifications. This leads to outputs that defy rigid genre boundaries and represent a hybrid linguistic style, reflecting the flexibility and context sensitivity of language use [Myntti et al., 2025].

The phenomenon of register hybridization further demonstrates how algorithmic composition mediates between divergent stylistic frameworks. By synthesizing heterogeneous linguistic inputs, generative systems construct a stratified textual voice that unites institutional authority with conversational fluidity. The result may be described as a “synthetic register,” governed less by situational context than by statistical convergence among genres. Such convergence operates ambivalently: it broadens access to academic discourse while simultaneously diminishing its disciplinary specificity and stylistic rigor. As AI systems continue to navigate between formal and informal linguistic codes, the concept of register as a fixed, context-bound category transforms into a fluid continuum shaped primarily by algorithmic processes rather than social convention or communicative circumstance.

3. Genre transformation in the digital sphere

Traditional genre theory [Swales, 1990] conceptualizes genres as socially sanctioned communicative frameworks that organize meaning and purpose within specific contexts. Generative artificial intelligence disrupts established genre distinctions by creating texts that extend beyond traditional communicative frameworks. AI-produced academic prose often integrates journalistic narration, while machine-generated news content may adopt argumentative patterns characteristic of scholarly discourse. Such fluidity reflects the multimodal and cross-linguistic dynamics inherent to digital communication and corresponds with Crystal’s concept of Internet linguistics, which underscores the textual instability of online expression [Crystal, 2019].

The transformation of genre in AI-mediated contexts illustrates how algorithmic composition restructures communicative organization within the digital domain. Functioning outside conventional genre boundaries, generative systems amalgamate varied textual models to produce hybrid constructions that defy fixed classification, thereby redefining the parameters of genre as an adaptable and evolving communicative form. This intergeneric synthesis results in what may be termed “genre convergence,” wherein stylistic, rhetorical, and structural traits from multiple genres coalesce within a single composition. As algorithmic systems assume an active role in meaning production, genre evolves from a stable convention into a negotiable, probabilistic construct determined by user input and computational recombination. The emergent digital discourse environment thus embodies a post-generic condition, in which textual formation is guided by adaptive algorithmic logic rather than fixed social convention.

4. Coherence and cohesion:

mechanical precision versus human subtlety

Coherence and cohesion, while closely related, reflect distinct aspects of discourse quality. Cohesion is the mechanical connection of sentences and ideas through linguistic devices such as conjunctions, pronouns, and lexical ties that create surface-level flow. Coherence, by contrast, involves a deeper, meaningful connection: the logical and semantic unity that makes the text make sense as a whole and aligns with the reader’s expectations and background knowledge.

Mechanical cohesion can be precisely controlled by algorithms – AI language models excel at producing syntactically smooth and grammatically correct transitions between sentences – what can be called “mechanical precision.” However, human discourse subtly navigates coherence through pragmatics, shared context, and interpretative flexibility, intertwining emotional and experiential understanding. This is “human subtlety,” where meaning unfolds not just through linguistic links but through inferred intentions, cultural cues, and adaptive, creative thinking.

AI-generated text often achieves cohesion with apparent ease, but it may lack the nuanced coherence characteristic of human communication,

leading to predictable or superficially logical connections without deep semantic integration or pragmatic engagement. Ultimately, coherence in human discourse exceeds mechanical precision by incorporating subtle, context-sensitive judgments that computers currently cannot fully replicate [Matson, 2025; Gao, Wang, 2023].

This tension between mechanical cohesion and human coherence underscores ongoing challenges for AI discourse systems striving to emulate not only fluent but meaningfully connected human language.

5. The impact on linguistic competence

Exposure to AI-generated text influences human linguistic behavior. Students who rely on AI for writing support tend to adopt the model's preferred syntactic patterns and lexical collocations. While this may increase grammatical accuracy, it narrows expressive range. In contrast, skilled users engage in critical prompting – using AI as a dialogic partner to expand rather than replace linguistic competence. This kind of interaction embodies Vygotsky's concept of the “zone of proximal development” [Vygotsky, 1978], where cognitive growth occurs through mediated interaction.

AI's impact on linguistic competence, therefore, seems much more profound than mere stylistic imitations. Continuous interaction with generative systems fosters what is called “algorithmic alignment”, a tendency to imitate models' statistically more frequent lexical, syntactic, and rhetorical choices. Although these writing habits efficiently contribute to clarity, accuracy, and grammatical fluency, they risk diminishing linguistic creativity and adaptability to the contexts in which writing is produced. Over time, reliance on algorithmic scaffolding may lead to passive language skills when users, rather than developing an individual language repertoire, reproduce patterns optimized by the model. Conversely, when approached critically, AI-assisted writing can stimulate metalinguistic awareness, enhancing language performance by prompting reflection on register, genre, and rhetorical strategy.

The pedagogical challenge, therefore, lies in transforming AI from an instrument of linguistic conformity into a catalyst for reflective and adaptive language learning.

6. Ethical and educational implications

The pedagogical implications of AI writing tools are profound. Institutions must balance the benefits of linguistic support with the risks of dependency and plagiarism. Scholars such as Sayers argue for “AI literacy” – the ability to critically evaluate, adapt, and ethically integrate machine-generated language [Goro, 2025]. Such literacy requires awareness of stylistic homogenization, source opacity, and algorithmic bias. Educators are urged to promote reflective writing practices that combine human creativity with technological affordances.

The ethical implications of AI-assisted writing extend far beyond concerns of academic misconduct, encompassing fundamental issues of authorship, responsibility, and epistemological reliability. Dependence on generative systems introduces challenges of transparency, as users frequently remain unaware of the origins, training biases, and ideological assumptions underlying algorithmic output. The growing normalization of machine-generated language simultaneously perpetuates dominant linguistic standards, marginalizing peripheral varieties and diminishing creative deviation. Consequently, pedagogical policy must promote critical interaction with AI technologies, prioritizing ethical awareness and interpretive autonomy alongside technical competence. Through the development of reflective writing practices that integrate human judgment with algorithmic support, educational institutions can achieve a constructive equilibrium in which technological mediation enriches learning without compromising originality, intellectual agency, or cultural plurality.

Results

The comparative linguistic analysis of AI-generated English reveals several consistent tendencies distinguished from human-authored texts.

– AI-generated texts exhibit significantly reduced lexical diversity, with studies showing that vocabulary richness measured by standardized type-token ratio (STTR) and Measure of Textual Lexical Diversity (MTLD) is 15–30% lower compared to human texts. AI tends to overuse high-frequency collocations such as *in this context*, *it can be argued that*, and *plays a crucial role*,

contributing to lexical repetitiveness and predictability [Farooq et al., 2026];

- sentences generated by AI predominantly follow canonical Subject-Verb-Object structures with less subordination and fewer complex clauses, resulting in higher readability scores but lower rhetorical dynamism and syntactic variation than human writing. AI overuses straightforward syntactic templates, leading to a formulaic style [Liu W., Liu X., 2025; Tudino, Qin, 2024];

- drawing on the categories, namely reference, substitution, conjunction, and lexical cohesion proposed by [Halliday, Hasan, 2014], the findings revealed that the human-generated texts used richer and more varied cohesion devices, including personal and demonstrative references, substitutions, and diverse conjunctions, which enhanced readability and engagement. In contrast, while efficient and coherent, AI-generated texts often lack personal touch and variety, resulting in a more segmented narrative [Faridha et al., 2026];

- AI texts deploy epistemic markers at nearly double the frequency of human-written abstracts (AI: $n = 61$ vs Human: $n = 33$). The findings show that qualitatively, human writers favour the modal verb *may* to signal tentativeness and use direct assertions to express certainty, while AI-generated abstracts predominantly use *can* to project theoretical capability and mediate certainty through high-commitment reporting verbs [Mahmud, Hasan, Khan, 2026];

- variants of Global English converge within AI-generated texts, creating a transnational yet standardized English register. This register minimizes the use of regional idioms and idiomatic expressions, resulting in a homogenized style that emphasizes international comprehensibility over local identity [Lee, Ho, Gu, 2026].

In summary, AI-generated English achieves mechanical precision in cohesion and syntactic clarity but at the expense of human-like subtlety, linguistic variety, and pragmatic depth, leading to stylistic predictability and standardized discourse.

Conclusion

Generative artificial intelligence has emerged as a significant force in the transformation of English discourse. Its impact extends across stylistic conventions, genre configurations, linguistic competence, and the ethical dimensions of communication. Research indicates that AI-generated language can lead to stylistic homogeneity, as it often reflects the patterns and biases present in the training data used to develop large language models. This can result in a blending of registers and increased permeability between genres, which may influence how language is used in various contexts. Furthermore, the interaction between computational logic and sociocultural dynamics contributes to the evolution of global English, raising important ethical considerations regarding authorship, authenticity, and the potential for misinformation.

Although such technology democratizes access to linguistic production, it simultaneously threatens to diminish individuality, creativity, and regional diversity. The sustainability of English writing therefore relies on cultivating critical AI literacy – the capacity to discern, interpret, and ethically regulate the stylistic and ideological influences embedded in algorithmic text generation. In this regard, artificial intelligence functions as both collaborator and reflector of collective communicative values. The essential task for linguists, educators, and authors is to preserve human expressiveness and interpretive depth within an increasingly automated linguistic environment.

REFERENCES

- Barthes R., 1977. The Death of the Author. Barthes R. *Image – Music – Text*. New York, Fontana, pp. 142-148.
- Bender E.M., Gabry T., McMillan-Major A., Shmitchell S., 2021. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? *Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*, pp. 610-623. DOI: <https://doi.org/10.1145/3442188.3445922>
- Biber D., Conrad S., 2019. *Register, Genre, and Style*. Cambridge, Cambridge University Press. 420 p.
- Bourdieu P., 1991. *Language and Symbolic Power*. Cambridge, Harvard University Press. 302 p.
- Carter R., Nash W., 1990. *Seeing Through Language: A Guide to Styles of English Usage*. S.I., Basil Blackwell. 267 p.
- Chomsky N., 1965. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, MIT Press. 251 p.

- Clark A., 2008. *Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension*. Oxford, Oxford University Press. 317 p.
- Clark A., Chalmers D. 1998. The Extended Mind. *Analysis*, vol. 58, no 1, pp. 7-19.
- Crystal D., 2019. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge, Cambridge University Press. 506p.
- Degaetano-Ortlieb S., 2019. *Hybridization Effects in Literary Text*. URL: https://stefaniadegaetano.com/wp-content/uploads/2019/05/abstract_cl2019_hybridization_final.pdf
- Fairclough N., 2010. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London, Longman. 591 p.
- Faridha H., Khoirunnisaa S., Maharani N., Nurjanah L., 2026. A Discourse Analysis of Cohesive Devices in Human and AI-Produced Personal Statements. *English Learning Innovation*, vol. 7, pp. 124-141. DOI: 10.22219/englie.v7i1.41321
- Farooq S., Naz T., Habib P., Sajjad K., 2026. A Comparative Linguistic Analysis of Lexical Diversity in AI-Generated and Human-Written Academic Research. *Advance Social Science Archive Journal*, vol. 5, no. 2, pp. 846-858. URL: <https://assajournal.com/index.php/36/article/view/1749>
- Floridi L., Chiriatti M., 2020. GPT-3: Its Nature, Scope, Limits, and Consequences. *Minds and Machines*, vol. 30, no. 4, pp. 681-694.
- Floridi L., 2023. *The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities*. Oxford, Oxford University Press. 279 p.
- Formosa P., Bankins S., Matulionyte R. et al., 2025. Can ChatGPT Be an Author? Generative AI Creative Writing Assistance and Perceptions of Authorship, Creatorship, Responsibility, and Disclosure. *AI & Soc*, vol. 40, pp. 3405-3417. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-024-02081-0>
- Foucault M., 1984. What Is an Author? // *The Foucault Reader* / ed. by P. Rabinow. New York, Pantheon Books, pp. 101-120.
- Gao C., Wang R., 2023. *Distinguishing AI-Generated and Human-Written Text Through Psycholinguistic Analysis*. URL: <https://arxiv.org/html/2505.01800v1>
- Goro G., 2025. The New Literacy in the Age of AI: Educational Foundations, Pedagogical Practices, and Ethical Challenges. Vallejo R.B., ed. *New Literacies in the Age of AI: Ethics, Teaching, and Writing*. Montevideo, South American Publishing, pp. 2-18. DOI: <https://doi.org/10.62486/978-9915-9854-5-9.ch01>
- Halliday M.A.K., Hasan R., 2014. *Cohesion in English*. London, Routledge. 392 p.
- Halliday M.A.K., Matthiessen C., 2014. *Halliday's Introduction to Functional Grammar*. London, New York, Routledge. 786 p.
- Helm P., Bella B., Koch G., Giunchiglia F., 2023. *Diversity and Language Technology: How Techno-Linguistic Bias Can Cause Epistemic Injustice*. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2307.13714>
- Herring S.C., Androutsopoulos J., 2015. Computer-Mediated Discourse 2.0. Tannen D., Hamilton H.E., Schiffrin D., eds. *The Handbook of Discourse Analysis*. Hoboken, John Wiley & Sons, pp. 1753-1764.
- Hymes D., 1972. On Communicative Competence. Pride J.B., Holmes J., eds. *Sociolinguistics: Selected Readings*. Harmondsworth, Penguin Books, pp. 269-293.
- Johansson M., Tanskanen S.-K., Chovanec J., 2021. *Analyzing Digital Discourses Between Convergence and Controversy*. Cham, Springer International Publishing AG. 374 p.
- Jones R., 2020. Mediated Discourse Analysis. Adolphs S., Knight D., eds. *The Routledge Handbook of English Language and Digital Humanities*. London, Routledge, pp. 202-219.
- Krakowski S., 2025. Human-AI Agency in the Age of Generative AI. *Information and Organization*, vol. 35, no. 1, art. 100560 DOI: <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2025.100560>.
- Lee J.C.-K., Ho J.P.J., Gu M.M., 2026. Translanguaging and Artificial Intelligence in Education Development: Implications for Leadership in Language Education in a Changing World. *International Journal of Applied Linguistics*. DOI: <https://doi.org/10.1111/ijal.70182>
- Leech G., Short M., 2007. *Style in Fiction*. London, Pearson Education. 404 p.
- Liu W, Liu X., 2025. A Comparative Analysis of Syntactic Complexity in Argumentative Essays from Rhetorical Perspective: ChatGPT vs. English Native Speakers. *PLoS One*, vol. 20, no. 8, e0329410. DOI: 10.1371/journal.pone.0329410

- Mahmud A., Hasan W., Khan A.A., 2026. Epistemic Modality in Human and AI-Generated Academic Abstracts: A Corpus-Based Analysis. *Qlantic Journal of Social Sciences*, vol. 7, no. 1, pp. 309-318. DOI: <https://doi.org/10.55737/qjss.viii.26494>
- Masullo C., Casado A., Leivada E., Sorace A., 2025. Register Variation and Linguistic Background Modulate Accuracy in Detecting Morphosyntactic Errors. *Open Journal of Romance Linguistics*, vol. 11, no. 1, pp.1-36. DOI: <https://doi.org/10.5565/rev/isogloss.527>
- Matson J.O., 2025. *How AI Has Disrupted the Meaning of Coherence*. URL: https://www.linkedin.com/posts/drjohnowenmatson_how-ai-has-made-coherence-incoherent-few-activity-7373943814014738433-s5E3
- Muñoz-Ortiz A., Gymez-Rodríguez C., Vilares D., 2024. Contrasting Linguistic Patterns in Human and LLM-Generated News Text. *ArtifIntell Rev.*, vol. 57, art. 265. DOI: 10.1007/s10462-024-10903-2
- Myntti A., Henriksson E., Laippala V., Pyysalo S., 2025. Register Always Matters: Analysis of LLM Pretraining Data Through the Lens of Language Variation. *Computer Science. Computation and Language*. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2504.01542>
- Pasquale F., 2015. *The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information*. Cambridge, Harvard University Press. 320 p.
- Pennycook A., Otsuji E., 2016. Lingoing, Language Labels and Metrolingual Practices. *Applied Linguistics Review*, vol. 7, no. 3, pp. 259-277. DOI: <https://doi.org/10.1515/applirev-2016-0011>
- Selwyn N., 2016. *Is Technology Good for Education?* Cambridge, Polity Press. 160 p.
- Swales J., 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press. 260 p.
- Tudino G., Qin Y., 2024. A Corpus-Driven Comparative Analysis of AI in Academic Discourse: Investigating ChatGPT-Generated Academic Texts in Social Sciences. *Lingua*, vol. 312, art. 103838. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2024.103838>
- Turing A.M., 1950. Computing Machinery and Intelligence. *Mind*, vol. 59, no. 236, pp. 433-460.
- Van Lier L., 2004. *The Ecology and Semiotics of Language Learning: A Sociocultural Perspective*. Norwell, MA, Kluwer Academic Publishers. 264 p.
- Vygotsky L.S., 1978. *Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes*. Cambridge, Harvard University Press. 159 p.

Information About the Author

Yassien Shareef Saed Al-Bayati, Candidate of Sciences (Philology), Education College, Department of English Language, Imam Ja'afar Al-Sadiq University, Kirkuk, Iraq; Department of Educational Research, Directorate of Religious Education and Islamic Studies, Baghdad, Iraq, Yassien_shareef@ijsu.edu.iq, <https://orcid.org/0000-0001-7219-0235>

Информация об авторе

Яссин Шариф Саид Аль-Баяти, кандидат филологических наук, Университет Имама Джафара Аль-Садики, г. Киркук, Ирак; Дирекция религиозного образования и исламоведения, г. Багдад, Ирак, Yassien_shareef@ijsu.edu.iq, <https://orcid.org/0000-0001-7219-0235>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.13>

UDC 81'322.4

LBC 81.184

Submitted: 13.10.2025

Accepted: 02.02.2026

PRAGMATIC ADAPTATION OF PROMOTIONAL TEXTS IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE CHATBOTS: AN ITERATIVE APPROACH¹

Irina D. Volkova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. This article presents findings on the interaction with chatbots based on Artificial Intelligence with the aim of translation and pragmatic adaptation of museum promotional texts. The research relevance stems, firstly, from the need of various approaches to creating multilingual websites and the paramount importance of pragmatic equivalence between source and target hypertexts; secondly, from the widespread adoption of Artificial Intelligence technologies in translation practice, necessitating evaluation of their potential in pragmatic and intercultural adaptation, alongside the development of effective interaction algorithms with neural systems. A key methodological feature is the iterative approach that enables control over the written translation process in modern Artificial Intelligence systems (chatbots) through diversified prompt formulations aligned with interim translation results. Drawing on Russian- and English-language promotional texts and their chatbot-generated translations, we devised an efficient prompting algorithm that automates post-editorial practice and steers the system towards producing adequate target texts. The pragmatic adaptation for foreign target audiences has been found falling outside the scope of neural translators under standard professional translation prompts; however, subsequent prompt refinements revise outputs by descriptive rendering of cultural specifics, explication of allusions, use of epithets and functional equivalents. Despite the opportunity to automate the post-editing of neural translation outputs and ensure successful explication of culture-specific semantics, Artificial Intelligence translations still require human post-editing in terms of syntactic, stylistic, and grammatical features.

Key words: pragmatic adaptation, promotional text, neural translation, Artificial Intelligence, iteration, prompt.

Citation. Volkova I.D. Pragmatic Adaptation of Promotional Texts in Artificial Intelligence Chatbots: An Iterative Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 3, pp. 148-157. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.13>

УДК 81'322.4

ББК 81.184

Дата поступления статьи: 13.10.2025

Дата принятия статьи: 02.02.2026

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПРЕЗЕНТАЦИОННОГО ТЕКСТА В ЧАТ-БОТЕ НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ИТЕРАТИВНЫЙ ПОДХОД¹

Ирина Дмитриевна Волкова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты исследования эффективности промптинга как инструмента взаимодействия с чат-ботами на основе искусственного интеллекта в рамках итеративного подхода при выполнении перевода и прагматической адаптации презентационных текстов музеев с целью автоматизации процесса постредактирования нейросетевого перевода. Актуальность исследования определяется необходимостью многоязычной логистики сайтов различных организаций и особой значимостью прагматической эквивалентности исходных и переводных гипертекстов; активным внедрением различных технологий

на основе искусственного интеллекта в практику перевода. Это требует оценки потенциала данных технологий в области прагматической и лингвокультурной адаптации, а также создания эффективных алгоритмов взаимодействия с нейросетевыми системами. На материале русскоязычных и англоязычных презентационных текстов и их переводов, выполненных чат-ботом Perplexity, разработан алгоритм промптинга, позволяющий автоматизировать труд постредактора и направить систему на подготовку адекватного текста перевода. Выявлено, что осуществление прагматической адаптации текстов для иностранных целевых аудиторий не входит в функционал нейросетевого переводчика по запросу на профессиональный перевод, однако последующие формулировки промптов приводят к корректировке результатов перевода, включающей описательный перевод реалий, экспликацию аллюзий, добавление эпитетов, использование функциональных аналогов. Установлено, что, несмотря на экспликацию семантики национально-культурной лексики и сохранение исходной функциональности, перевод требует уточнения в области синтаксиса, стилистических и грамматических характеристик.

Ключевые слова: прагматическая адаптация, презентационный текст, нейросетевой перевод, искусственный интеллект, итерация, промпт.

Цитирование. Волкова И. Д. Прагматическая адаптация презентационного текста в чат-боте на основе искусственного интеллекта: итеративный подход // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 3. – С. 148–157. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.3.13>

Introduction

Alongside neural machine translation technologies, Artificial Intelligence-powered chatbots capable of handling a wide range of text processing and information retrieval tasks have become widespread today. Over the past two years, tools such as DeepSeek, ChatGPT, Perplexity, YandexGPT, etc. have assumed a significant role in the workflow of professional translators. According to scientific studies and feedback from language service specialists, these chatbots deliver commendable results, enabling optimisation of the translation process – particularly for large data volumes and tight project deadlines. The pace at which new AI technologies and systems applicable to translation practice emerge far outstrips the rate at which they are comprehended and mastered, fuelling heightened interest from the scholarly community. The translation services sector has entered a new AI-driven reality, where harnessing these capabilities represents an essential phase in advancing translation theory, practice, and pedagogy.

This paper examines the potential of AI chatbots for addressing the pressing challenge of developing multilingual online resources, which entails pragmatic adaptation of texts for foreign target audiences. The study objective is to devise an effective prompting algorithm within an iterative framework for translating and pragmatically adapting promotional texts in chatbots, thereby automating machine translation

post-editing. Achieving this goal involves tackling several tasks: conceptualising the concept of iteration in the context of text processing via machine translation programmes; exploring diverse prompting algorithms for chatbot use; conducting a translation analysis of source and target texts; and evaluating the pragmatic potential of chatbot-generated texts.

Methodology and materials

The research methodology is shaped, on the one hand, by its focus on translation techniques and the need for textual analysis to meet the research objectives, and on the other, by the use of information technologies to address linguistic challenges.

A pivotal element of this methodology is the iterative approach, so let us substantiate its role in addressing the research tasks. Since AI training occurs solely through human interaction, each application of AI-based programs necessitates exploring novel research models and tools for managing these technologies. Given the specifics of cutting-edge AI systems (software development and customization, system-user communication), it is essential to grasp their operational logic and adopt approaches akin to those used in their design. The chatbot format inherently involves user communication, rendering feasible and expedient the construction of task-solving algorithms – including translation ones – via an iterative approach, which, according to N.V. Kirillina, entails adjusting user interaction

settings based on interim results of such interaction [Kirillina, 2020, p. 176].

From a linguistic perspective, the value of this approach lies in enabling control over the written translation process in chatbots through diversification of prompt formulations aligned with interim translation outputs. Traditional neural machine translation programmes such as Yandex Translate, Google Translate, DeepL, and Prompt do not support user interactions and cannot respond to or accommodate specific requests. This distinction underscores the relevance and novelty of investigating the efficacy of state-of-the-art machine translation systems within the proposed iterative framework.

The research methodology also includes such methods as sampling and content analysis to compile the empirical corpus; pre-translation analysis to devise strategies for translation and pragmatic adaptation; comparative and translation analysis to evaluate the equivalence and adequacy of bot-generated target texts; definition analysis for refining specialised terminology; and discourse analysis to take into account the array of extralinguistic text parameters critical to pragmatic adaptation during translation.

The research material comprises promotional texts in Russian and English from museum websites. The translation of such texts has gained particular relevance today amid the flourishing multilingualism of Internet communication and the companies' strive for international presence. The chatbot employed for the purpose of this study is represented by Perplexity – an AI-powered search engine designed to provide well-sourced answers in response to user queries (<https://www.perplexity.ai/>).

The interaction between translators – as experts in intercultural communication and text generation – and AI-based translation systems ranks among the most pressing topics in modern translation studies, covered in numerous investigations. Alongside the issues of post-editing, pre-editing, legal regulation of AI use, and evaluation of machine translation systems, researchers increasingly address the issues of training these systems, which is becoming more transparent and controllable. German researcher O. Czulo discusses the operational principles of large language models (LLMs) underpinning contemporary neural translation technologies and emphasises that high-quality text generation is

feasible only with meticulously hand-curated training corpora: “If humans are excluded from machine learning processes, allowing language models to train on self-generated texts, these systems will embark on a path of degradation, with information stripped of the intra- and extralinguistic nuances of human communication becoming amplified within the model” (cited in: [Aleksandrov, Chistova, 2025, p. 15]). The efficacy of machine translation systems, particularly their capacity to process entire texts rather than isolated utterances, is partly determined by the quality of their training data, including structural and stylistic text features, speech genres, and so forth [Klyachin, Khizhnyakova, 2024; Salimovsky et al., 2021].

The controllability of neural network training – including achieving specific short-term practical outcomes such as text translation – becomes feasible through the chatbot format, which is inherently designed for user communication. Chatbots' responsiveness to linguistic prompts has rendered them indispensable across domains, including translation. However, their effectiveness hinges substantially on iterative approach algorithms and prompt formulation. The concept of “iteration” (from Latin *iteratio*, “repetition”) entered information technology and communication-related fields from mathematics, denoting the repetition of a typical action, step, or sequence of operations within an overarching process, wherein outputs from prior steps are used in subsequent ones [Iteratsiya..., 2026]. As N.V. Kirillina observes, each subsequent stage involves analysing interim results with subsequent refinements to the system's core parameters and user interaction requirements based on that analysis [Kirillina, 2020, p. 176]. According to this approach, each successive iteration enhances the system's functionality through user feedback.

The tool for implementing the iterative approach is represented with prompting, encompassing user queries (prompts). A prompt is considered to be a query, command, or set of instructions that a user conveys to an AI programme to accomplish a specific task efficiently [Bashkirov, 2025]. The literal meaning of this word is *hint*, *command*, or *reminder*. Among extant prompt types (textual, visual, programmatic, mathematical, interactive, etc.), textual prompts hold particular relevance in the

present study, as they are geared towards text creation, such as requests for article writing, text translation, comment generation, etc. [Bashkirov, 2025].

A number of studies are devoted to prompt engineering, wherein authors evaluate the efficacy of diverse prompt formats across a broad spectrum of tasks, including translation [Jiao et al., 2024; Karachun, Smakotina, Astakhova, 2024; Reynolds, McDonell, 2021; Lyu et al., 2023]. A recent study by Chinese researchers substantiates the construction of multi-level prompts to enhance translation quality in ChatGPT for the English-Chinese language pair [Jiao et al., 2024]. The authors demonstrate that *chain-of-thought prompting* improves the quality of ChatGPT-generated translations. American researchers Reynolds and McDonell conduct a comparative evaluation of zero-shot and few-shot prompts, illustrating – via metalinguistic tasks – how prompt variations can yield substantial shifts in system outputs [Reynolds, McDonell, 2021]. The authors further draw an analogy between prompt engineering and natural language programming, which is undoubtedly more complex and culturally determined than formal programming languages [Reynolds, McDonell, 2021, p. 4].

The effectiveness of chatbots in performing translation tasks largely hinges on a creative approach to prompt design, which steers AI's generative activity and mitigates the issue of divergent outputs from identical inputs. Beyond this variability tendency, researchers from Wake Forest University have identified ChatGPT's propensity to simplify texts across iterations, resulting in the loss of critical information [Lyu et al., 2023]. In the scholars' view, a solution here also lies in detailing the task with respect to the target text structure, semantic content, and even the number of paragraphs.

Important aspects of prompt engineering, including various techniques and strategies for optimizing prompts and increasing their effectiveness, are highlighted in the study by Russian researchers titled "Optimizing Prompts for Effective Communication with the ChatGPT" [Karachun, Smakotina, Astakhova, 2024]. The authors conclude that a prompt, or a sequence of prompts, should include such mandatory characteristics as a description of the goal and result (searching for information, translating a text, etc.), assigning a specific role to the bot (linguist,

programmer, professional translator), and language design in the instructional genre (use of imperative constructions and formal style) [Karachun, Smakotina, Astakhova, 2024, p. 537]. In addition to the above characteristics, a pragmatic function plays a significant role in generating bot queries. This involves identifying the target audience for which specific content is created. It seems advisable to define potential recipients by age, gender, profession, and cultural background, since the translation result depends on these characteristics.

Regarding the implementation of the pragmatic function in solving translation tasks while using chatbots, it should be noted that issues of pragmatic text adaptation, which first attracted the attention of Russian and foreign translation scholars in the 1970s and 1980s, are particularly important in the context of modern institutional Internet communication, particularly in the sphere of public and commercial services. The multilingual Internet space has become a phenomenon of deglobalization, which has manifested itself as a trend of the latest decade, and translation practitioners and theorists were the first to respond to the need of website creators to create multilingual web pages [Mityagina, Novikova, 2025, p. 139]. As translation scholar P. Sandrini rightly notes, creating multilingual content on the Internet using machine translation alone is ineffective because machine translation systems operate only on data from performed translations and cannot take into account the purpose of the translation [Sandrini, 2021, S. 41].

Informing a foreign target audience is accomplished through the creation of understandable, accessible texts that take into account the recipient's pragmatics and culture, as well as the sender's pragmatics, while pursuing specific goals. According to A.V. Achkasov, pragmatic adaptation is the transformation of a text during translation, when it is accompanied by taking into account the cultural, social, marketing, and economic parameters of the new locale [Achkasov, 2016, p. 12]. From this perspective, written translation of texts on various topics, including the content of websites of various organizations, as an interlingual and intercultural transfer of information that requires consideration of the communicative-and-cultural code of the text and the author's intentions, remains inaccessible

to large language models, including chatbots, without post-editing or the use of a prompting algorithm relevant to each specific case.

Results and discussion

National and cultural vocabulary used in promotional texts is always hard for comprehension by foreign readers, so pragmatic adaptation of the texts containing various types of exotic words is an important step in the translation process. A large number of culturally marked lexical units are often used in the content of museum websites whose collections reflect the cultural heritage of a particular people.

To verify the statements above we offer to examine the capabilities of the Perplexity neural network when translating a promotional text of the Museum of Russian Fairytales (Volgograd Region), which contains numerous fairy tale references, including the names of fairy tale characters, place names, and allusions to various elements of Russian folklore. The objective of this stage of the study is to compare the effectiveness of two prompts – a simple one and a more complex one – while refining additional translation parameters based on the results of the first iteration. For the first iteration, we'll take a prompt specifying the bot role and the translation task, and perform a translational analysis of the source and target texts (see Table 1). The prompt

is worded as follows: “You are a professional translator. Translate this text from Russian to English.”

A key distinction between chatbots and traditional machine translation systems lies in the trend of the former to provide comments to translations performed. In the given example, the bot's comments are as follows:

(1) “As a professional translator, I've provided a precise, natural English rendition of the text. It preserves the original's whimsical, inviting tone while ensuring fluency for native speakers. Fairy-tale elements use standard English adaptations for accessibility”;

(2) “Would you prefer a more literal translation, additional cultural notes, or adjustments for a specific audience (e.g., children)?”

Nesterova and Soboleva emphasize that transfer of cultural units into another cultural environment demands, on the one hand, profound knowledge of the original linguoculture and, on the other, professional mastery in selecting expressive means in the target language [Nesterova, Soboleva, 2012, p. 76]. To evaluate the adequacy of the translation from a pragmatic viewpoint it is necessary to find equivalents for the clearest English translations of the Russian fairytales, i.e. to find out what names might be appropriate in catching cultural background of Russian fairy tale characters by native English speakers. However,

Table 1. The source text and the neural translation of the Museum of Russian Fairytales promotional text (Iteration 1)

Source (The Museum of Russian Fairytales)	Translation by Perplexity
Одним из таких волшебных мест является «Музей русской сказки» в посёлке Кировец Среднеахтубинского района Волгоградской области. Необычный музей, а скорее парк развлечений, начал принимать гостей в 2008 году. Все экспозиции выполнены в натуральную величину и стилизованы под любимые русские сказки , повсюду ощущается атмосфера волшебства. Зоны оформлены тематически: Полянка, Царские палаты, Тридевятое царство, пещера Велеса, Глухомань, Лукоморье и Емелина трапезная .Guests meet and accompany magical characters: Дядюшка Чур, Баба-Яга, Лель, Балда, Иванушка, Емеля, Несмеяна and other heroes of Russian folktales. In the museum everywhere stand artifacts familiar to everyone: saucers, flying carpets, magic swords, magic carpets, magic carpets .	One such enchanting spot is the “Museum of Russian Fairytales” in the village of Kirovets, Sredneakhtubinsky District, Volgograd Oblast. This unconventional museum – more like an amusement park – opened to visitors in 2008. All exhibits are built to life size and styled after beloved Russian fairy tales , with a pervasive sense of magic in the air. The zones are themed: the Fairy Glade, the Tsar's Chambers, the Thrice-Ninth Kingdom, Veles's Cave, the Backwoods, Lukomor'ye, and Emelya's Banquet Hall . Fairy tale characters greet and guide visitors: Uncle Chur, Baba Yaga, Lel, Balda, Ivanushka, Emelya, Princess Nesmeyana , and other icons of Russian folklore. The grounds brim with childhood-familiar artifacts: seven-league boots, flying carpet, treasure sword, and self-spreading tablecloth .

even at the preliminary stage of evaluating the AI-generated translation, it is obvious that many proper names require adaptation, as the transliterated form suggested by the bot is insufficient in fulfilling the informative function and requires clarification of the semantic content (e.g. *Emelya*, *Lel*, *Balda*, *Lukomorye*, etc.). The study by [Barinova, Nesterova, Sergutina, 2016] provides a detailed translation analysis of the most common names from Russian folk tales being rendered into English, and the authors conclude that English usage of these names is characterized by variability [Barinova, Nesterova, Sergutina, 2016, p. 51]. For example, the name *Баба-Яга* can be translated as *Baba Yaga*, *a witch Baba Yaga*, *the old Baba Yaga*; *За тридевять земель* – *beyond the Thrice-Nine Land*; *in the thirtieth kingdom*; *in the Thrice-Ten Kingdom*; *beyond twenty-seven lands*, etc. [Barinova, Nesterova, Sergutina, 2016, pp. 51-52]. Online collections of Russian fairytales translated into English by foreign authors likewise offer numerous examples of rendering Russian fairy-tale names: *Иванушка* – *Ivanoushka the Simpleton*, *Ivan the Fool*; *Емеля* – *Emelyan the Fool* (Russian Fairytales). In the absence of an “ideal recipe” for translating culture-specific units, one should focus on the combined use of literal and semantic translation methods, which enables, on the one hand, preserving the national flavor in the context of promotional discourse and, on the other hand, explaining the main meaning of words through a brief description (e.g. *Лукоморье* – *Lukomorye Land*; *Баба-Яга* – *The Witch Baba Yaga*; *Лель* – *Lel*, *the Spirit of Spring*, etc.).

It is worth noting that the example under study contains certain expressions that appeal to representatives of the Russian linguistic culture, being brought up with the Russian fairytales, specifically, *from the cradle*:

(3) Все экспозиции выполнены в натуральную величину и стилизованы под **любимые русские сказки**;

(4) В музее повсюду стоят **артефакты знакомые с пеленок**.

When the focus shifts from a Russian-speaking addressee to a foreign one, these expressions lose their significance, as representatives of other linguistic cultures may have only a

superficial knowledge of the Russian folklore or be unfamiliar with it altogether. Therefore, a pragmatic adaptation is required to offer *an outside perspective* and neutralize the linguistic and cultural specificity that is inappropriate in this context.

Based on the translational analysis of the presented neural network translation, we formulate a second prompt aimed at adapting the text: “Perform a pragmatic adaptation of the translation, taking into account that foreign readers are unfamiliar with Russian fairytales.” In our opinion, in this case, specifying additional addressee characteristics is inappropriate, as the museum promotional text is intended for a wide range of readers of various ages. Table 2 presents fragments of the source text and the target text generated by Perplexity for the specified query.

To illustrate the changes the bot made to the text after the second prompt, Table 2 presents the results of two iterations, with the text broken down into individual sentences. As the comparative analysis shows, the adapted text is semantically deepened due to the inclusion of parenthetical explanations for almost every cultural item. These explanations provide a brief overview of the fairytale location or character and add clarity to the translation: *Лукоморье* → *Lukomorye* → *Lukomorye (a mythical oak grove from folklore)*; *Емеля* → *Emelya* → *Emelya (the lucky lazybones who catches a magic fish)*; *Дядюшка Чур* → *Uncle Chur* → *Uncle Chur (a quirky guardian spirit)*, etc.

The bot also clarifies the concept of *seven-league boots*, which is an element of the European folklore and serves as a functional analogue of the Russian *sapogi-skorokhody* (“boots for super-speedy travel”). In our opinion, a descriptive translation is also justified in this case, given the continuing role of English as a lingua franca: in addition to being the national language in many countries, it also serves as a lingua franca for residents of many other countries.

Providing the target text with a large number of descriptions raises the issue of excessive explication. However, this hurdle can be solved by restructuring and creolizing the text: presenting information concisely; breaking it down into short points and subpoints, which are considered the

most readable form of web content; and using images with brief descriptions.

As for the appeal to representatives of Russian linguoculture, as a result of the second iteration, the expression *artifacts familiar from the cradle* was eliminated in the text: артефакты, знакомые с пеленок → childhood-familiar artifacts → magical artifacts from the tales.

The second prompt proved effective, and the chatbot identified this expression as inappropriate for foreign recipients. However, the expression *beloved Russian fairytales*, which also marks linguocultural identity to a certain extent, remained unchanged in the translation.

Now we will test the effectiveness of the prompts used on the example of AI translation of an English-language promotional text of The Story Museum (Oxford) into Russian. Taking into account the change in translation direction, the prompt sequence looks like this:

Iteration 1: “You are a professional translator. Translate the text from English to Russian.”

Iteration 2: “Perform a pragmatic adaptation of the translation, taking into account that Russian readers are not familiar with English culture.”

Table 3 presents the source text and the target text generated by Perplexity for the above specified query:

The source text contains an allusion to a British children’s book *We’re Going on a Bear Hunt* – a piece of classical children’s literature written in 1989: *You can go on a Bear Hunt*. The translation of this expression, based on the first prompt, is the following phrase: *отправьтесь на охоту за медведем*. A further prompt for pragmatic adaptation leads to a clarification of the plot: *отправьтесь на поиски медведя (по книге «Охота за медведем» Майкла Роуза)*. Other characters from the English children’s literature have been similarly described:

Table 2. Fragments of the source and the neural translation of the Museum of Russian Fairytales promotional text (Iterations 1 and 2)

Source (The Museum of Russian Fairytales)	Translation by Perplexity (iteration 1)	Translation + pragmatic adaptation by Perplexity (iteration 2)
Все экспозиции выполнены в натуральную величину и стилизованы под любимые русские сказки .	All exhibits are built to life size and styled after beloved Russian fairytales , with a pervasive sense of magic in the air.	All exhibits are built to life size and styled after beloved Russian fairytales , with a pervasive sense of magic in the air.
Зоны оформлены тематически: Полянка, Царские палаты, Тридевятое царство, пещера Велеса, Глухомань, Лукоморье и Емелина трапезная.	The zones are themed: the Fairy Glade, the Tsar’s Chambers, the Thrice-Ninth Kingdom, Veles’s Cave, the Backwoods, Lukomorye, and Emelya’s Banquet Hall .	The zones are themed: the Fairy Glade, the Tsar’s Chambers, the Thrice-Ninth Kingdom (a faraway magical realm), Veles’s Cave (named for the Slavic god of the underworld), the Backwoods, Lukomorye (a mythical oak grove from folklore), and Emelya’s Banquet Hall .
Гостей встречают и сопровождают сказочные персонажи: Дядюшка Чур, Баба-Яга, Лель, Балда, Иванушка, Емеля, Несмеяна и другие герои русских сказок.	Fairy-tale characters greet and guide visitors: Uncle Chur, Baba Yaga, Lel, Balda, Ivanushka, Emelya, Princess Nesmeyana , and other icons of Russian folklore.	Fairy tale characters greet and guide visitors: Uncle Chur (a quirky guardian spirit), Baba Yaga (the famous witch in her hut on chicken legs), Lel (a playful spring spirit), Balda (the clever farmhand), Ivanushka (the mischievous little brother), Emelya (the lucky lazybones who catches a magic fish), Princess Nesmeyana (who laughs only after endless tears), and other Russian folklore icons .
В музее повсюду стоят артефакты знакомые с пеленок : сапоги-скороходы, ковер-самолет, меч-кладенец, скак-терть-самобранка.	The grounds brim with childhood-familiar artifacts : seven-league boots, flying carpet, treasure sword, and self-spreading tablecloth.	The grounds brim with magical artifacts from the tales : seven-league boots (for super-speedy travel), a flying carpet, a gleaming treasure sword, and a self-spreading tablecloth (that instantly serves a feast).

Traction Man → *Тракшин Мэн* → *Тракшин Мэн (герой приключенческих книжек о супергерое из игрушек)*; *Elmer* → *Элмер* → *Элмер (лоскутный слоник из книжек Дэвида Макки)*. In some cases, epithets are added, which makes the text more expressive and contributes to its better understanding: *The Story Bus* → *Автобус историй* → *волшебный Автобус историй*; *The Night Safe* → *безопасная ночная зона* → уютная «Ночная зона безопасности».

The chatbot's comment on the adapted translation is as follows: *Here's a pragmatically adapted Russian translation, taking into account that Russian readers may not be familiar with English children's books and characters. I've added subtle parentheses for key titles and contexts to ensure the text remains natural, engaging, and understandable without overwhelming the reader.*

Despite the adaptation, the text contains some violations of the translation language norms. For example, instead of the phrase *игрушечный супергерой*, the bot used the phrase *супергерой из игрушек*; the phrase *подводный мир под раковиной* is divided by the parenthetical comment – *откройте подводный мир Тракшин Мэна (героя приключенческих книжек о супергерое из игрушек) под раковиной*; the expression *безопасная ночная зона* does not comply with the text style.

Conclusions

Thus, studying the potential of AI-powered chatbots for translating folklore museum promotional texts suggests that the effectiveness of an iterative approach to interacting with the bot as this allows for the evaluation of interim results and the adjustment and supplementation of instructions at subsequent stages of the translation process. Pragmatic adaptation of texts for foreign target audiences is not part of the bot's functionality for professional translation requests. However, subsequent requests result in adjustments to the translation results, including descriptive translation of culture-specific lexical units, explication of allusions, addition of epithets, and the use of functional equivalents. Despite a number of violations of the linguistic norms of the translation language and complex syntactic structures with a large number of lists and comments, as a result of adaptation, the text becomes more understandable for representatives of other cultures through the explication of the semantics of foreign-language inclusions and implements the informative, appellative and expressive functionality.

It was found that an effective prompting algorithm for translation and pragmatic adaptation of museum promotional texts in the Perplexity chatbot includes a sequence of two prompts: firstly, an indication of the bot's role and the formulation of the translation task, and, secondly, a command to perform pragmatic adaptation and

Table 3. The source text and neural translation of the Story Museum promotional text (Iterations 1 and 2)

Source (The Story Museum)	Translation by Perplexity (iteration 1)	Translation + pragmatic adaptation by Perplexity (iteration 2)
Explore five story-themed zones where you can go on a Bear Hunt , discover Traction Man's under-sink world , relax in the Night Safe , ride on the Story Bus and enjoy a bedtime story our giant bed.	Исследуйте пять зон, оформленных в стиле любимых историй: отправьтесь на охоту за медведем , откройте подводный мир Тракшин Мэна под раковиной , отдохните в безопасной ночной зоне , прокатитесь на Автобусе историй и послушайте сказку на ночь в нашей гигантской кровати.	Исследуйте пять зон, оформленных в стиле знаменитых историй: отправьтесь на поиски медведя (по книге «Охота за медведем» Майкла Роуза) , откройте подводный мир Тракшин Мэна (героя приключенческих книжек о супергерое из игрушек) под раковиной , отдохните в уютной « Ночной зоне безопасности », прокатитесь на волшебном Автобусе историй и послушайте сказку на ночь в нашей гигантской кровати.
Our most recent addition is an Elmer storytelling space , created in partnership with Andersen Press to mark the 35 th anniversary of the beloved picture books by David McKee.	Наша новейшая зона – пространство для рассказов про Элмера , созданное в партнерстве с издательством Andersen Press в честь 35-летия любимых книжек с картинками Дэвида Макки.	Наша новейшая зона – пространство для рассказов про Элмера (лоскутного слоника из книжек Дэвида Макки) , созданное в партнерстве с издательством Andersen Press в честь 35-летия этих любимых детских книг.

take into account the limited knowledge of the foreign target audience.

A promising study is a comparative assessment of the effectiveness of a single-level prompt, which includes all the necessary information, and a sequence of prompts that allow for the evaluation of intermediate results and adjustment of requests.

NOTE

¹ The research was supported by Russian Science Foundation (project No. 25-28-00223) “Translatological substantiation of multilinguality of presentational content in the AI paradigm” (<https://rscf.ru/en/project/25-28-00223/>).

REFERENCES

- Achkasov A.V., 2016. Parametry G. Khofstede v kurse «Lokalizatsiya veb-saytov» [Hofstede's Parameters in the Course "Website Localization"]. *Aktualnye problemy perevodovedeniya: materialy 45-y Mezhdunar. filol. konf. «Fedorovskiye chteniya»* [Current Issues in Translation Studies: Proceedings of the 45th International Philological Conference "Fedorov Readings"]. Saint Petersburg, s.n., pp. 11-15.
- Aleksandrov O.A., Chistova E.V., 2025. Bolshie yazykovye modeli kak instrument prakticheskoy deyatel'nosti perevodchika: obzor zarubezhnykh nauchnykh proektov [Large Language Models as a Tool for Translator's Practical Activities: a Review of Foreign Research Projects]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], no. 72, pp. 8-32. DOI: <https://doi.org/10.17223/19996195/72/1>
- Barinova I.A., Nesterova N.M., Sergutina D.A., 2016. O realiyakh russkoy narodnoy skazki i probleme ikh perevoda ili beyond the thrice-nine land [On the Realities of a Russian Folk Tale and the Problem of Their Translation or Beyond The Thrice-Nine Land]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 5 (59), pp. 49-53. URL: www.gramota.net/materials/2/2016/5-1/13.html
- Bashkirov S., 2025. Chto takoe prompt, dlya chego on nuzhen i kak pravilno ego napisat [The Notion of Prompt, Its Purpose, and the Ways to Write It Correctly]. *RBK. Trendy* [RBK. Trends]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/66fa5ba09a79470e8f5a71d9?from=copy>
- Iteratsiya: chto eto takoye, iteratsionnyy podkhod v upravlenii proyektami, programmirovaniy, dizayne [Iteration: What Is It, the Iterative Approach in Project Management, Programming, and Design], 2026. *Projecto*, Jan. 8. URL: <https://projecto.pro/blog/theory/chto-takoe-iteratsiya/>
- Jiao H. et al., 2024. Gradable ChatGPT Translation Evaluation. *ArXiv e-prints*. URL: <https://arxiv.org/html/2401.09984v2>
- Karachun E.D., Smakotina E.O., Astakhova E.V., 2024. Optimizatsiya promptov dlya effektivnoy kommunikatsii s botom ChatGPT [Optimization of Prompts for Effective Communication with the ChatGPT Bot]. *Nauchno-tekhnicheskoe i ekonomicheskoe sotrudnichestvo stran ATR v XXI veke* [Scientific, Technical and Economic Cooperation of Asia-Pacific Countries in the 21st Century], vol. 2, pp. 533-537.
- Kirillina N.V., 2020. Istochniki neopredelennosti i primeneniye iterativnogo podkhoda v upravlenii interaktivnoy kommunikatsiy v seti [Sources of Uncertainty and Application of Iterative Approach in Interactive Communication Campaigns (Research and Practice)]. *Kommunikologiya* [Communicology], vol. 8, no. 4, pp. 172-179.
- Klyachin V.A., Khizhnyakova E.V., 2024. Atributsiya mediynykh tekstov na osnove obuchennoy modeli yestestvennogo yazyka i lingvisticheskaya otsenka kachestva identifikatsii [Attribution of Media Texts Based on a Trained Natural Language Model and Linguistic Assessment of Identification Quality]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 5, pp. 31-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.3>
- Lyu Q. et al., 2023. Translating Radiology Reports into Plain Language Using ChatGPT and GPT-4 with Prompt Learning: Results, Limitations, and Potential. *Vis. Comput. Ind. Biomed. Art*, no. 6. DOI: <https://doi.org/10.1186/s42492-023-00136-5>
- Mityagina V.A., Novikova E.Yu., 2025. Prezentatsionnyy diskurs: prototipicheskie kharakteristiki tekstov v lingvokulturnom izmerenii [Presentational Discourse: Prototypical Characteristics of Texts in the Linguocultural Dimension]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 24, no. 4, pp. 132-146. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.11>
- Nesterova N.M., Soboleva O.V., 2012. Realii «usadbnogo mira» A.P. Chekhova v zerkale angliyskogo yazyka [Realities of the "Estate World" of A.P. Chekhov in the Mirror of the English Language]. *Vestnik*

Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art Theory], vol. 71, no. 32 (286), pp. 76-81.

- Reynolds L., McDonnell K., 2021. Prompt Programming for Large Language Models: Beyond the Few-Shot Paradigm. *CHI EA '21: Extended Abstracts of the 2021 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. New York, Association for Computing Machinery, pp. 1-7. DOI: <https://doi.org/10.1145/3411763.3451760>
- Salimovsky V.A., Devyatkin D.A., Kadzhaia L.A., Mishlanov V.A., Chudova N.V. Issledovaniye rechevykh zhanrov v zadachakh po iskusstvennomu intellektu (vyavleniye poznavatelno-rechevykh deystviy, obrazuyushchikh zhanrovuyu formu) [Research of Speech Genres in Artificial Intelligence Applications (Identification of Cognitive-Speech Actions Forming a Genre Form)]. *Zhany rechey* [Speech Genres], 2021, no. 3 (31), pp. 170-180. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-3-31-170-180
- Sandrini P., 2021. Von Kommunikationsprothesen zu Wegbereitern der Mehrsprachigkeit. *Entwicklungslinien des Dolmetschens im soziokulturellen Kontext. Translationskultur[en] im DACH-Raum*. Tübingen, Narr Francke Attempto, pp. 31-47.

SOURCES

Russian Fairytales, Folktales and Fables. URL: <https://fairytales.com/region/russian/>

The Museum of Russian Fairytales. URL: <https://www.i-volga.com/volgograd/museums/muzey-russkoy-skazki/>

The Story Museum. URL: <https://www.oxfordbus.co.uk/story-museum>

Information About the Author

Irina D. Volkova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, idvolkova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5718-9479>

Информация об авторе

Ирина Дмитриевна Волкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, idvolkova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5718-9479>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

- комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;
- поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;
- расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;
- повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;
- поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the journal is aimed at achieving the objectives set:

- comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;
- supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;
- expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;
- enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;
- supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The editorial board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

